

М. В. Хвесько

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СЛАВЯНСКОГО И ГЕРМАНСКОГО ОНОМАСТИКОНОВ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Т. В. ХВЕСЬКО

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
СЛАВЯНСКОГО И ГЕРМАНСКОГО
ОНОМАСТИКОНОВ

Тюмень – 2008

УДК 811.111
ББК 81.2 анг.-923
Х 31

Хвесько Т. В. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СЛАВЯНСКОГО И ГЕРМАНСКОГО ОНОМАСТИКОНОВ: Монография. Тюмень: ООО «Печатник», 2008. 212 с.

Проведено сравнительно-историческое описание русской и английской топонимии, предложены лексико-семантические классификации, представлены морфологические спектры и структурная организация славянского и германского ономастиконов.

Научный редактор

Н. К. Фролов – профессор, доктор филологических наук, заведующий кафедрой общего языкознания Тюменского государственного университета.

Рецензенты:

М. Я. Блох – профессор, доктор филологических наук, заведующий кафедрой грамматики английского языка Московского педагогического государственного университета;

Н. Н. Белозерова – профессор, доктор филологических наук, заведующая кафедрой английского языка Тюменского государственного университета.

ISBN 978-5-903626-30-4

9 785903 625304

© Т. В. Хвесько, 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ГЛАВА I ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДИСТРИБУЦИИ АПЕЛЛЯТИВНОЙ И ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ ...7	
§ 1. Эволюция взаимодействия и взаимообогащения апеллятивного и ономастического лексиконов в русском и английском языках	8
§ 2. Принципы систематизации топонимической лексики	20
§ 3. Номинация как проявление творческой деятельности человека.....	25
§ 4. Ономастиологический анализ описываемых этнотопонимов ...30 Краткие выводы.....	35
ГЛАВА II СЕМАНТИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ТОПОНИМИИ	36
§ 1. Номинативные аспекты лексико-семантической классификации топонимов в русском и английском языках	36
§ 2. Разряды ойконимических объектов и их семантика.....	45
§ 2.1. Отантропонимные и этэтнонимные наименования – посесивы.....	51
§ 2.2. Названия объектов, связанные с понятиями материальной и духовной культуры.....	58
§ 3. Номинативные семемы гидрографических реалий	61
§ 4. Географические названия, обозначающие разряды топографических реалий	65
§ 4.1. Топонимы с отличительными внешними и внутренними признаками реалий	74
§ 4.2. Названия географических реалий, отражающих пространственную ориентацию объектов	80
§ 5. Наименования географических реалий, связанных с окружающей флорой	87
§ 6. Названия, восходящие к фауне местности.....	89
Краткие выводы.....	92

ГЛАВА III	МОРФЕМИКА РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ	
	ТОПОНИМИИ	105
§ 1.	Морфемный спектр русской топонимии.....	105
§ 2.	Морфемный спектр английской топонимии.....	112
§ 3.	Продуктивные топоформанты в русской и английской топонимии.....	117
§ 4.	Способы топонимического словообразования в русской топонимии.....	124
§ 5.	Способы топонимического словообразования в английской топонимии.....	136
	Краткие выводы.....	146
ГЛАВА IV	ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ	
	ИССЛЕДУЕМЫХ ОНОМАСТИКОНОВ	148
§ 1.	К проблеме интерпретации диахронии русского регионального ономастикона.....	148
§ 2.	Хронологические аспекты топонимикона Великобритании.....	152
§ 3.	Английская топонимия в условиях межъязыковых контактов.....	161
§ 4.	Инкорпорирование кельтских и скандинавских займов в английскую топонимию.....	168
§ 5.	Универсалии в системе русской и английской топонимии....	175
	Краткие выводы.....	180
ЗАКЛЮЧЕНИЕ		182
БИБЛИОГРАФИЯ		186
УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ		207

ПРЕДИСЛОВИЕ

Этноисторические аспекты русской и английской топонимических систем представляет интерес для многих. Названия как реликты древних исчезнувших языков привлекают внимание этнолингвистов, решающих проблемы этногенеза и этнической истории. Наибольшей стабильностью, как правило, характеризуются наименования относительно крупных и социально значимых объектов — рек, озер, гор, крупных населенных пунктов, которые используются в качестве широко известного адресата и должны быть консервативны, иначе выполнение адресного предназначения окажется невозможным.

Анализ хронологической ранней топонимии наталкивается зачастую на непреодолимые препятствия. Учет всех возможных факторов, влиявших в течение столетий и даже тысячелетий, в том числе возможное неоднократное заимствование, сопровождающееся закономерными морфонетическими изменениями и фактами народной этимологии, чрезвычайно сложен [Фролов 1996: 113]. Однако в обилии топонимического материала практически всегда можно найти подтверждение каких-то языковых и праязыковых морфонетических закономерностей формирования ономастической системы. Этимология отдельного топонима должна опираться на анализ обширного материала, который позволит выявить набор универсальных признаков, увеличивающих этноисторическую достоверность топонимических изысканий. В распоряжении топонимов не так уж часто имеются собственно языковые критерии типа падения редуцированных в древнерусском языке или великий сдвиг гласных в германских языках, поэтому топонимия часто вынуждена обращаться к внеязыковым критериям, связанным с объектом называния: формирование ареалов археологических структур, климатические изменения и т.д. С другой стороны, по мере углубления ономастических исследований становится ясно, что топонимия является элементом системы, предполагающей образование географических названий по моделям в хронологической последовательности. Определенные топонимные модели продуктивны некоторое время, и это дает исходную возможность поиска хронологических рамок бытования той или иной топонимной модели. Чрезвычайно ценным в связи с возможностью функционирования топонима даже после утраты создавшего его языка является то, что в топонимических системах в условиях межъязыкового контактирования, присутствуют топонимы иноязычного происхождения, которые являются одним из наиболее существенных источников для решения этногенетических проблем. В индоевропеистике традиция была заложена в прошлом веке Г. Краэ и В. П. Шмидтом, которые на основе этимологической интерпретации европейской гидронимии выработали новую концепцию прародины индоевропейцев и взаимодействия индоевропейских этносов на территории Европы. В финноугроведении одними из первых были Шегрен, Кастрен и Европеус, которые разрабатывали теорию финноязычного происхождения верхнего дославянского слоя топонимии Европейского севера, объясняли истоки загадочной топонимии на территории Финляндии из угорских языков.

Современное исследование выработало целый ряд методов анализа субстратной топонимии, обеспечивающих большую надежность этимологической интерпретации, а также осознано необходимость выявления принципов усвоения иноязычной топонимии топонимической системой – преемником. Без этих систематизирующих знаний этимологическое исследование лишается необходимого каркаса в виде закономерностей языкового взаимодействия контактирующих топонимических систем. Названия видов населенных пунктов могут косвенно указывать на этническое своеобразие местного населения, хотя топонимы такого рода не являются надежными маркерами, указывающими на древнее население, они помогают сузить круг поисков.

Косвенными этническими индикаторами нередко являются наименования, которые так или иначе могут указывать на существование в прошлом языческих представлений: урочищ, Лолкерос (гора духов), Тормопех (божья река) в хант. языке, но подобные факты сложно отделять как от различных образных наименований, так и от официальной и народной христианской терминологии. Ценность топонимии как этноисторического источника вытекает из того, что топоним при возникновении мотивирован, а слово, оказавшееся в основе названия, отражает определенный признак, качество названного объекта. И хотя в ряде случаев мотивы называния (даже при ясной этимологии) остаются затемненными, содержание топоосновы является существенным источником этнолингвистической и исторической информации.

Историчность топонима связана с тем, что идентификация признака, отраженного в названии, определяется уровнем общественно-исторического развития того коллектива, который создает топонимическую систему. При кажущемся разнообразии топонимов на самом деле набор моделей достаточно ограничен. Выявляется множество повторяющихся топонимов: чем шире территориальные границы привлекаемого материала, тем больше повторений. В условиях единой культуры, сходных географических условий представления людей об окружающем мире в основных, определяющих чертах аналогичны. Создается психологическая предпосылка для выбора одного и того же признака географического объекта в качестве мотива номинации на разных территориях. Названия, данные народом, находившемся в момент номинации на более низком уровне общественных отношений, нередко нагляднее и образнее, а топонимы, указывающие на события, связаны в большей степени с кочевым бытом, чем с земледельческим [Матвеев 1973:332]. Становление частнособственнических отношений повлекло за собой появление наименований с указанием имени владельца или его социального положения. Первый этап появления топонимов именуется «прагматическим», т. к. топонимия достаточно последовательно отражает то, что целесообразно с точки зрения хозяйственного назначения. Основа номинации – географическая реальность как объект хозяйственного использования. В соответствии с этим объекты ландшафта получают названия, не существуют безымянных рек, озер, водоемов: даже те, которые располагались в глубинах лесов, далеко от поселений, были функциональны в качестве водных путей. В то же время огромные лесные массивы не имеют особых названий: очевидно, нужды населения обеспечивались лесами, прилегающими к поселению. К тому

же леса, находившиеся во владении казны, были во многом недоступны для местных крестьян. Возвышенные участки рельефа (горки, холмы, кряжи) в силу того, что к ним привязываются и поселения, и сельскохозяйственные угодья, интересуют людей значительно больше, чем низинный рельеф. Из всего многообразия мира флоры в топонимии закрепились прежде всего те номинации, которые имеют определенную практическую ценность для человека, ибо они находили широкое применение в жизни местного населения. Их использовали в народной медицине: bram (ракитник), bos (береза), fern (папоротник), beos (полевица) и др. Именно этим обусловлено появление английских топонимов: Bramhall, Bruckhurst, Farnham, Beeston. Утилитарная направленность топонимии продиктована, очевидно, производящим характером культуры населения. Сельское хозяйство – основа экономики, и этим определяется во многом взгляд на окружающий мир. Такая же характеристика свойственна топонимии, распространенной на территории других регионов.

При работе над монографией были использованы труды известных лингвистов, Канады, Великобритании, Германии, а также картотека результатов полевых изысканий, проводимых кафедрой общего языкознания под руководством профессора Н. К. Фролова.

Автор выражает глубокую признательность рецензентам доктору филологических наук М. Я. Блоху, доктору филологических наук Н. Н. Белозеровой, научному редактору доктору филологических наук Н. К. Фролову за внимательное прочтение работы и ценные замечания.

Материалы исследования неоднократно обсуждались на научных конференциях в России и за рубежом и были апробированы в спецкурсах «Страноведение: история топонимии Великобритании», «Сравнительная характеристика английской и русской топонимии», «Теоретическая грамматика английского языка», читаемых автором в течение нескольких лет для студентов по специальности «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации».

ГЛАВА I.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДИСТРИБУЦИИ АПЕЛЛЯТИВНОЙ И ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

§ 1. Эволюция взаимодействия и взаимообогащения апеллятивного и ономастического лексиконов в русском и английском языках

Теория номинации связана, прежде всего, с выяснением того, как соотносятся между собой понятийные формы мышления, каким образом создаются, закрепляются и распределяются наименования разных фрагментов окружающей реальности. Несмотря на высокую частотность употребления термина «номинация» в лингвистической литературе, его содержание до сих пор остается многозначным. Так, в современной лингвистике этот термин трактуется и как процесс создания, закрепления и распределения наименований за разными объектами действительности, и как значимая языковая единица, образованная в процессе называния [Земская 1992, Колшанский 1980, Телия 1977, Фролов 1996]. Считаем возможным принять устоявшийся в лингвистике терминологический аппарат и, вслед за В. Н. Телия, под номинативной деятельностью будем понимать процесс образования языковых единиц, служащих для называния и вычленения фрагментов неязыковой действительности и формирования соответствующих понятий о них в форме языковых единиц [Телия 1977].

Предметом номинации является описание общих закономерностей образования языковых единиц. В зависимости от характера материала исследования, его целепостановки различают два подхода к проблемам номинации — ономасиологический, когда анализ строится на основе изучения обозначаемой реалии, получившей то или иное именование, и семасиологический, если в качестве исходного выступает смысл имени в его отношении к обозначаемой реалии. В ономасиологии, таким образом, изучается словотворчество, «постижение тайн рождения имени», а в семасиологии — словоупотребление, анализ причин выбора конкретного вербального знака [Рут 1992]. В. Н. Телия считает, что ономасиологический подход к исследованию слова как единицы номинации дает возможность проследить, как формируются понятия, положенные в основу каждого отдельного значения, установить статическое соотношение реалии, понятия и имени для отдельного случая номинации [Телия 1977]. Семасиологический подход предполагает путь исследования от звучания к значению. Исследователь через соотнесенность внешней (звуковой) оболочки слова с предметом вербальной мысли подходит к анализу понятия, то есть занимается изучением самого значения слова, его структуры. Таким образом, ономасиология и семасиология отличаются, прежде всего, подходом к анализу слова, который характеризуется разнонаправленностью: либо от значения к звучанию, либо от звучания к значению [Голомидова 1998].

Явление номинации — это сложный, неоднозначный и противоречивый феномен речи, при котором происходит вербализация мыслительного процесса,

направленного на освоение действительности с целью обозначить ту или иную реалию путем выявления ее общих и отличительных признаков. Итогом номинативной деятельности является вербальный знак, репрезентирующий некоторый факт действительности (реальной или вымышленной) как результат познавательной деятельности человека, направленной на установление признаков, отражающих свойства называемых реалий. Структуру созданного знака образуют три составляющих – денотат, форма и значение. Форма и денотат соотносятся между собой не непосредственно, а через значение: денотат отражается в значении, значение придает знаковость форме. Денотат «заполняет» форму через значение. Следовательно, номинативный знак «...символизирует связь экстралингвистического (предмета, явления), лингвистического (звука или звуковой последовательности, образующей слово) и логического (наших представлений о данном предмете в ряду представлений о других, похожих и непохожих, предметах)» [Суперанская 1978].

Как известно, в номинативном знаке сосуществует две формы – внешняя и внутренняя, в которой отражаются результаты познания денотата. Внутреннюю форму знака следует рассматривать как материализованный в слове признак номинации, входящий в качестве особого компонента в состав его лексического значения. В ней, по мнению лингвистов, сохраняется представление о первичном признаке, находящемся в основе понятия [Блинова 1984, Княк 1988, Суперанская 2002]. Таким образом, во внутренней форме слова закрепляются итоги познавательной деятельности человека, в ней реализовано как понятийное мышление, так и образное восприятие мира. Неоспоримым остается и тот факт, что внутренняя форма делает язык более выразительным и точным и совместно со слогофонемной структурой и с грамматическим строем придает национальный колорит языку [Блох 2005].

Процесс номинации состоит из нескольких взаимообусловленных ступеней творчества: от предпосылок именования до реализации его в языковой действительности. В этой связи в теории номинации традиционно рассматриваются следующие основополагающие понятия: принцип номинации, способ номинации и средства номинации. В основе *принципа номинации* обычно лежит общее правило, позволяющее из разнообразных отношений называемого явления вычленить в рамках соответствующего аспекта более или менее определенный круг номинативных связей, который может быть использован в процессе именования [Серебренников 1977, Блинова 1984, Яценецкая 1979]. При интерпретации принципов номинации, как правило, характеризуются присущие анализируемой лексике мотивировочные признаки, поскольку в момент возникновения название представляет собой номинативную единицу, в которой объект, как часть внеязыковой действительности, обозначен через тот или иной признак, характерный для называемой реалии. Признак, таким образом, репрезентируя некий предмет как целое, занимает промежуточное положение между самым предметом и названием.

Поиск мотивировочного признака является начальным этапом формирования номинации, и именно он в дальнейшем определяет внутреннее содержание слова. Поэтому процесс номинации, формирующийся на основе обобщения мо-

тивировочных признаков, представляет собой явление семантическое, содержательное. В результате поиска и интерпретации характерных признаков именуемой реалии в семантическое пространство номинации включаются знания, отражающие разнообразные признаки реалии. Эти «знания» представляют: а) совокупность общих и отличительных признаков денотата в сравнении с денотатами определенного класса [Яценецкая 1979, Колшанский 1980], б) возможные, как правило типичные, функции денотата в типичных ситуациях его использования [Шанский 1968, Кияк 1988], в) оценку предметов по их утилитарности, по этическим и эстетическим нормам определенного языкового коллектива, эмоционально-субъективное отношение номинатора к именуемому объекту [Гак 1977]. Таким образом, выбор мотивировочного признака в номинативном процессе определяется разными критериями, а полученное название может приравниваться к условному знаку, обозначающему экстралингвистический факт.

Современные исследователи неоднозначно оценивают факторы, влияющие на выбор номинативного признака. Среди них называются собственно языковые (речевые, системные): опыт, лингвистическая техника, общество, языковая системность [Серебренников 1977] и внеязыковые факторы: объективные и субъективные [Колшанский 1980]. Некоторые исследователи отмечают зависимость выбора мотивировочного признака от характера коммуникативного задания и целевой установки говорящего [Кубрякова 1986]. В отдельных исследованиях обращается внимание на то, что при номинации говорящий ассоциативно воспринимает именуемый объект, в результате чего всякое возникающее слово мотивируется свойствами называемого объекта ассоциативно вычлененными номинатором [Блинова 2007].

Механизм номинации включает два важных этапа: определение мотивировочного признака и поиск формы, для создания на основе содержательного признака вербального знака. При обозначении объекта используется известный способ именования, либо предлагается новая номинация. Переход от заданных значений к их выражению разноуровневыми языковыми средствами определяется в лингвистике как способ номинации [Блинова 1984, Кубрякова 1986, Яценецкая 1979]. Вслед за О. И. Блиновой, под *способом номинации* будем понимать набор приемов, с помощью которых в именовании реализуется принцип номинации, представленный мотивировочным признаком. Следовательно, все мыслительные операции, связанные с осознанием объекта номинации, выбор ведущего принципа наименования – явления субъективного порядка, связанные с внутренними побуждениями говорящего. Языковое выражение замысла тяготеет скорее к объективным аспектам, поскольку опирается на существующие в языке модели. Однако заметим, что выбор внешней формы номинации всегда зависит от воли и желания создающего имя. Таким образом, акт создания слова представляется как многоэтапный и многоаспектный процесс, связанный со сложным механизмом познавательной деятельности, представляющий собой многоуровневую систему с иерархически организованными компонентами.

Номинация апеллятивов и номинация онимов имеют семантические и структурные отличия. Если в апеллятивах возможности словосложения ограни-

чены рамками выражения понятия, то в топонимии такого ограничения не существует. В топонимии выявляются практически безграничные возможности для объединения элементов, что ведет к появлению комбинаций, невозможных в апеллятивах. Чтобы показать структурную индивидуальность топонимных моделей, отражающих культурно-исторические особенности нации следует выяснить, почему вновь возникающие топонимы ориентируются не на апеллятивное словосложение, а на существующую системную топонимную модель, что имеет существенные последствия для этнолингвистической интерпретации топонимов.

Функция адресности, свойственная топонимии, означает, что сопоставление происходит в ряду однотипных объектов; называя смежные озера, имядатель фиксирует в названии, как правило, тот признак, который не является общим, единым. Или же, в крайнем случае, это общее свойство может закрепляться лишь в названии одного из объектов, иначе адресность исчезает. Не вполне корректно утверждать, что топонимия прямо отражает объективную действительность, например, то, что было свойственно культуре создателей географических названий определенной местности и определенного времени. Это отражение достаточно специфично: единый для ряда географических объектов одного рода признак редко ложится в основу номинации. Отсюда, между прочим, следует, что чем более общий признак отражен в названии, тем ограниченнее, уже было число однотипных географических объектов, на фоне которых оно возникло. Если определяемый объект является общеупотребительным географическим термином, он при фиксации на картах, в словарях географических названий обычно выносится за пределы топонима. *Белое, оз., Черная, р., Brownsea Island, Lake Windermere.*

При употреблении в речи второй компонент часто сохраняется (или в исконной постпозиции, или современной официальной препозиции) – иначе могут создаваться определенные трудности при коммуникации и идентификации объекта. Эта же проблема вызывает закономерный разнобой в географических изданиях, когда под давлением речевой традиции приходится фиксировать: *Онежское озеро., Черное море, наряду с Белое, оз.* Учитывая систематизирующую роль географического термина в русской топонимии И. С. Просвирнина представляет структуру составного топонима как трехчленную: определяемая часть топонима, выраженная чаще всего существительным и называющая, квалифицирующая географический объект, – *квалификатор*; определяющая часть топонима, выраженная чаще всего прилагательным и дифференцирующая объект, – *дифференциатор*. Квалификатор и дифференциатор являются собственно топонимом и отражают мотивы номинации. Но также необходимо учитывать и обозначение вида объекта, географический термин, идентифицирующий объект, – *идентификатор*, который может оставаться за пределами собственно топонима, лексически не совпадать с квалификатором. Например, для топонима *Железные Ворота*, где квалификатор *Ворота*, дифференциатор *Железные*, идентификатором является географический термин *пролив*, вынесенный за пределы топонима. В других случаях идентификаторами для омонимичных топонимов будут термины *остров, мыс, поле* (*island, harbour, field*); для топонима

Белая Речка той же структуры идентификаторы в зависимости от объекта – *река, покос, озеро, деревня* (*river, land, loch, village*) и др. При таком подходе к компонентам составных топонимов решается проблема метонимических переносов и омонимии названий [Просвирнина 2006].

Идентификацию объекта в названии на основе дифференцирующего признака можно в определенной степени соотнести с тем, что В. А. Никонов называл «относительной негативностью» топонимов, состоящей в том, что название не основано непременно на самом распространенном признаке местности, а часто как раз наоборот – на редком, выделяющем данный объект из окружающей среды [Никонов 1963].

Топонимы рождаются в ряду подобных с целью отличить искомый объект от подобных, и поэтому некая «негативность» в смысле выбора признака, определенным образом дифференцирующего, отличающего от ряда подобных, в нем присутствует. Субъект называния поневоле должен учитывать окружающую топонимию, особенно названия объектов одного разряда, и отказываться от тех возможностей называния, которые уже реализованы. В противном случае адресность не будет выполняться. Это не значит, однако, что за основу номинации может быть взят некий нереальный, несуществующий признак.

Каждый объект обладает целым набором свойств: озеро может быть одновременно кривым по форме, с темной болотистой водой, с заросшими камышом берегами и находиться в верховьях водной системы. Из этого набора признаков для называния может быть выбран лишь один, и его выбор будет зависеть от целого ряда обстоятельств, среди которых не последнюю роль будут играть названия соседних озер, с которыми будет соотноситься родившееся название. Топоним, таким образом, не вступает в противоречие с объективной действительностью. Выбор признака будет осуществлен в рамках реально существующих особенностей географического объекта. С другой стороны, если бы перечисленные выше качества были присущи всем окрестным озерам, вряд ли они вообще нашли бы отражение в топонимах. Сказанное выше о содержательной стороне топонимов не вступает в противоречие с тем, что внутренняя форма несущественна для функционирования топонима. Действительно, она отступает на задний план, утрачивает этимологию при жизни географического названия, однако при рождении последний мотивирован. А значит, представление о семантике топоосновы в момент рождения топонима чрезвычайно существенно.

Топонимическая система региона не есть зеркальное отражение действительности. Выбор признака объекта, отраженного в топониме, обусловлен рядом обстоятельств (в том числе человеческий фактор, временной фактор, природные особенности), среди которых роль принадлежит закономерностям ономастической системы. Носитель языка вместе с языком усваивает и систему окружающих его топонимов. Последняя становится для него моделью, когда он сам оказывается перед необходимостью именотворчества, т. е. вынужден присваивать имена географическим объектам. Влияние модели распространяется на все стороны топонима – и на структуру, и на семантику, и на выбор конкретного лексического элемента для номинации. На славянском материале понятие топонимической модели и топонимической системы и влияние последних на про-

цесс номинации разработаны чешским ономастом Рудольфом Шрамеком. Исходя из того, что язык – система, а топонимия – одна из реализаций языковой системы, он логично предполагает, что и ей присуща системность. Это значит, что топонимы обычно не рождаются непосредственно из описательных, характеризующих называемый объект апеллятивов. Образование их опосредовано существующими моделями названия, которые зависят от коммуникативных потребностей, а поэтому включают в себя и социальный, и хронологический аспект. Ряд исследователей признают наличие апеллятивного омонима у ряда топонимов и не отрицают, что часть географических названий могла возникнуть в результате постепенной онимизации апеллятива. Не случайно так сложно бывает в некоторых случаях провести границу между онимом и апеллятивом. Нужна система, в соответствии с которой можно легко образовывать большое количество онимических образований, которые отличаются от апеллятивов как структурно, так и семантически. В основе этой системы лежат модели названия, служащие некими образцами в процессе номинации.

Существование таких моделей оказывается чрезвычайно ценным для этнолингвистических изысканий, поскольку часть их имеет достаточно четко очерченные ареалы, формирование которых может быть увязано с экспансией определенных групп населения, историей образования этнических территорий, границ и т. д. В ходе освоения новой территории люди естественно опирались на ту систему топонимов, которая была им известна, и в рамках ее присваивали имена во вновь освоенном ареале. Использовались те же структурные модели (например, набор суффиксов), те же семантические и лексические типы, которые были известны и на материнской территории. В топонимах, восходящих непосредственно к апеллятивам, естественно воспроизводится лексика материнского диалекта. Это никоим образом не противоречит тому, что новые жизненные обстоятельства, природная среда, контакты и т. д. ведут постепенно к выработке новых топонимных моделей. Традиционные типы сочетаются с вновь появившимися.

Для истории заселения наиболее продуктивно использование моделей, которые характеризуются хронологической и географической приуроченностью, т. е. они были популярны лишь в какой-то ограниченный промежуток времени или представляли топонимическую систему определенной локальной группы населения. В этом случае их ареал не размыт и поддается интерпретации. Ареальный или, иначе, типологическо-географический метод, основывающийся на этнолингвистической интерпретации ареалов бытования отдельных топонимных типов, достаточно активно применяется в настоящее время, позволяя в совокупности с другими методами реконструировать пути и этническое содержание освоения территорий на разных хронологических срезах, устанавливать границы этнокультурных зон.

Чаще всего в топонимы переходят ландшафтные термины, при этом для индивидуализации оказываются достаточными, как правило, родовые термины (разновидностей болот, возвышенностей и т. д.), имеющие широкий ареал бытования, а поэтому этнолингвистически малопоказательные [Фролов 1991]. Из вышесказанного следует, что наиболее продуктивны топонимные модели, не

имеющие апеллятивных омонимов. Таковы, прежде всего, суффиксальные модели, которые, как известно, стремятся отмежеваться от соответствующих апеллятивов и хронологически, и территориально. Впрочем, и многие сложные по структуре топонимы, образованные по принципу несовпадения наиболее типичных онимических и апеллятивных словосложений, оказываются достаточно информативными. Особенно убедительны случаи, когда одна и та же идея – имеется в виду признак, свойство географического объекта, положенный в основу названия, выражается разными этноязыковыми коллективами по-разному – то, что А. К. Матвеев называет ареальными семантическими оппозициями [Матвеев 1986].

Часто названия дифференцируют языковые коллективы. Национально-культурный потенциал топонимов Квебека дает возможность выявить этапы формирования и развития франкоканадского топонимикона. Европейские переселенцы использовали, с одной стороны, географические названия, бытовавшие у аборигенного населения, с другой, создавали новые географические наименования по моделям, характерным для французского языка.

Характерной особенностью франкоязычной топонимии Квебека является ее ярко-выраженный дескриптивный характер. Аборигенные топонимы служили ориентирами, имели практический характер. Этнокультурная информация, заложенная в имени собственном с учетом региональной специфики, описана в работах Березович Е. Л., Голомидовой М. В. Консервирующая сила ономастической номинации сохраняет народный «бытовой» вариант «картины мира». Этнокультурный контекст топонимической системы определенной территории показывает закономерности ономастической мотивации. Процесс географической номинации «начинался с терминологических обозначений» типа река, лог, гора, лес (*river, valley, hill, wood*). Затем появляются дескрипторы: *озеро Горькое, Солёное, Глухое, Дикое (Dry Sandford, New Forest)*. Для Русского Севера отмечается метафорическое значение прилагательных «дикий», «глухой», «чистый», которые приобретают терминологический характер.

Таким образом, изучение этнолингвистических аспектов топонимии позволяет выявить культурно-историческую специфику ономастикона и показать универсальность топонимобразования.

Класс имен существительных в настоящее время четко подразделяется на два подкласса: имена нарицательные (далее ИН) и имена собственные (ИС). Это деление лексического состава языка – «одно из кардинальных делений лексики» [Суперанская 1978:32].

В академической Грамматике русского языка отмечается, что ИС выделяются в особую группу, как названия отдельных лиц, индивидуальных, единичных предметов и явлений действительности, отличающихся от других однородных предметов и явлений. Способность онимов переходить в разряд ИН, «когда они служат для обобщенного обозначения целого класса однородных лиц, предметов и явлений», и с другой стороны, – способность ИН переходить в разряд ИС, когда имена нарицательные употребляются в значении индивидуальных обозначений, привлекает внимание многих исследователей. Обобщение и индивидуализация составляет «существенное основное различие», предпо-

деляющее «специфику нарицательных и собственных имен». Оно находится в области семантики и касается «сущности, характера значения тех и других. Оно определяет собой различие в объеме и структуре их лексического значения» [Климкова 1985: 13].

С помощью апеллятивов осуществляется реализация основной семантической функции – функции обобщения, то есть подведения под общий класс единиц. С помощью онимов реализуется (другая) важнейшая функция индивидуализации, то есть выделения из класса отдельных единиц. Двойственность ИС состоит в том, что, образуя систему, они в то же время являются подсистемой в структуре языка в целом [Бондалетов 1983]. Это относится ко всем разрядам ономастикона и, прежде всего, к главной, наиболее представленной в языке подсистеме – антропонимической. Она органично входит в систему языка и подчиняется его законам. В то же время ономастическая подсистема имеет свои специфические особенности [Никонов 1963].

Разделяем мнение известного отечественного лингвиста А. А. Белецкого, который считает, что «лексика любого отечественного языка не распадается на два резко очерченных и взаимоисключающих класса несобственных (нарицательных) и собственных имен, а характеризуется двумя функциями – функцией классификации или обобщения и функцией индивидуализации или превращения в личное (индивидуальное) имя [Белецкий 1972:18]. Функциональное различие между апеллятивной и ономастической лексикой поддерживают многие ученые [Никонов 1963, Бондалетов 1983, Суперанская 1978]. Однако в языке имеются некоторые «промежуточные» слои лексики и «отмечается немало спорных случаев, когда один исследователь с полной ответственностью квалифицирует рассматриваемое имя как собственное, а другой – как нарицательное» [Суперанская 1978]. Так, «промежуточными», по мнению А. А. Белецкого, являются фамилии, катойконимы, т. е. названия жителей местности и этнонимы. Автор предлагает для них общее название – койконимы. Большинство лингвистов классифицируют фамилии как подлинные онимы. Другие исследователи выделяют группы номенклатурных знаков, приближающихся по ряду свойств к собственным именам» [Суперанская 1978]. Существует ряд коренных отличий ИС и ИН, в частности, более тесная связь имени с объектом, непосредственность этой связи, в то время как связь нарицательного имени с предметом осуществляется через понятие. По мнению А. В. Суперанской, почти все собственные имена происходят от апеллятивов, поэтому семантика их вторична и более сложна. В случае, если ИН не известны, всегда можно отыскать им синонимы и соотнести с понятием. Если же приходится объяснять ИС, скажем расположение поселка, то прежде всего мы описываем соседние объекты из того же ономастического пространства, напр.: поселок Боровский – перед Винзили, после Муллашей. Кроме того, ИС, будучи созданными на базе нарицательных, употребляются в другом значении, их невозможно рассматривать в одном ряду. Рассматривая проблему идентификации и обобщенности применительно к лексической классификации имен, А. В. Суперанская справедливо отмечает, что вид (в отличие от рода) имеет атрибут, который выделяет его из всех прочих видов. Индивидуализация осуществляется с помощью описательных характе-

ристик и специальных собственных имен, т. е. ИС – индивидуализирующий знак. «Собственные имена даются индивидуальным объектам, имеющим, кроме того, общие (нарицательные) имена (имена классов) и служат для выделения объектов из этих классов». Индивидуальное закрепление отдельного имени за конкретным объектом происходит на основе денотативной связи (имени и объекта) [Суперанская 1975].

ИН и ИС в языке выполняют общие функции: коммуникативную и гносеологическую. Общеизвестно, что ИН, используемые в функции индивидуализации, переходят в разряд ИС и наоборот: ИС, выполняющие функции классификации, или обобщения, переходят в разряд ИН. При переходе «из одной лексической категории в другую», меняется сигнификативное значение, что создает возможность употреблять их в другом контексте.

В. Д. Бондалетов отмечает, что при изучении различных сторон имени собственного исследователи единодушны в следующих утверждениях: 1. Имена собственные являются единицами языка... и поэтому должны рассматриваться как вполне законный объект языкознания... 2. Имена собственные... входят в большинстве языков мира в класс конкретных имен существительных (или субстантивов)...» [Бондалетов 1983:20].

Собственные имена характеризуются большой социальностью, исторической обусловленностью, как при возникновении, так и при функционировании. Они вторичны генетически, поскольку они возникли из ИН на более поздних ступенях развития языка [Никонов 1963], и функционально, потому что первоначально денотат получал апеллятивную номинацию и лишь позже – онимическую [Бондалетов 1983]. Национальная специфика ИС определяет безэквивалентность, то есть в большинстве случаев непереводимость на другие языки, высокую устойчивость онима при лингвистических преобразованиях текста. Иным является и распределение ИС по функциональным стилям: не существует текстов, состоящих из одних ИС и наоборот, многочисленны типы текстов, составленных из одних апеллятивных единиц [Бондалетов 1983].

По-разному у апеллятивов и онимов решается проблема выбора названия. ИН выбирается из синонимического ряда, главным образом в стилистических целях (для передачи авторского замысла или во избежание повторов). Имя собственное выбирается из числа известных или создается вновь. Предметом теории номинации является описание общих закономерностей вновь созданных языковых единиц, служащих для называния и вычленения фрагментов неязыковой действительности с целью формирования соответствующих понятий о них [Телия 1977]. Имена собственные рассматриваются в 2-х аспектах: ономазиологическом и семасиологическом. В первом случае анализируется способ обозначения объективной реальности, во втором – изучается значение слова, его структурно-семантическая характеристика.

Явление номинации – это сложный процесс вербализации мыслительного процесса, направленного на освоение действительности с целью выявления общих и отличительных признаков. Следовательно, номинативный признак символизирует связь экстралингвистического (предмета, явления), лингвистического (звуковой последовательности) и логического (наших представлений о данном

предмете). Процесс номинации включает в себя три основополагающих понятия: принцип номинации, способ и средства номинации. Принцип номинации позволяет выбрать из всего разнообразия отношений самое существенное для акта обозначения, где мотивировочный признак весьма значим. Мотивировочный признак в процессе номинации определяется разными критериями:

- совокупностью общих и отличительных характеристик денотата по отношению к другим из ряда подобных;
- типичными функциями использования денотата;
- субъективной оценкой денотата по утилитарности, этическим и эстетическим нормам языка, эмоционально-экспрессивной специфике.

Таким образом, механизм номинации включает определение мотивировочного признака и поиск языковой формы для создания вербального знака. Переход от значения денотата к выражению его языковыми средствами определяется в лингвистике как способ номинации. Языковое выражение денотата сопряжено с существующими моделями.

По мнению Е. С. Кубряковой, акт номинации включает:

- источник номинации (заново строится единица номинации или обрета в готовом виде);
- внешнюю форму и протяженность этой единицы (номинация словом или предложным словосочетанием);
- внутреннюю форму номинации (мотивирована/не мотивирована);
- семантические типы номинации (прямая или косвенная, первичная или вторичная, буквальная или переносная) [Кубрякова 1986].

Мотивированность вербального знака является одним из центральных понятий в теории номинации. В ономастиологии это явление представляется как результат процесса создания номена на основе мотивировочного признака. Следовательно, мотивированность рассматривается как акт закрепления признаков объекта различными языковыми средствами. Следует учитывать семантическую и морфологическую мотивированность. В первом случае реальный признак объекта реализуется лексическим значением слова, во втором – образование номена происходит по структурно-морфологической модели, которая способствует формированию наиболее точного образа объекта. Благодаря морфологической мотивировке (когда известны составляющие компоненты: корни, приставки, суффиксы) не составляет труда определить значение слова.

В ономастике утвердилось мнение, что в процессе употребления имен мотивы номинации утрачиваются, и в речевой практике онома часто становится номинативным дифференцирующим знаком, а вся его доономастическая информативность оказывается избыточной и забывается. Подобный процесс имеет место при заимствовании имен иностранным языком, когда приобретенное название обрастает новой этимологией, удобной для носителей языка. Топоним *Godmanchester*, заимствованный из латинского языка, часто отождествляется с *Manchester*, хотя в основе первого лежит имя собственное *Godmund* (богом хранимый), а второй включает 2 компонента N + N: E *Godmanchester* ← лат. *Godmundcestre* (крепость – собственность Годмунда).

Этимология *Manchester* включает два объекта «крепость» на «холмах в виде женской груди». Аналогично рассматривается топоним *Goodwood*. Название известного ипподрома ассоциируется с лесным массивом, где расположен парк. В действительности, в основе данного онома лежит имя собственное английской леди *Godiva*, которое происходит от *Godgift's* (богом данная). Перевод: лес – собственность леди Годива. Название рыбацкого городка *Golspie* происходит от скандинавского имени *Gold's* (посевив): *Gold's + pie* (E) ← *by* (ON). Перевод: ферма – собственность Голдов. Не только однокомпонентные ономы интерпретируются с точки зрения теории номинации.

М. П. Тарасевич описывает сверхсловные географические названия как многокомпонентные прозвища в американской топонимической системе. Фразеологизмы этого плана специфичны, они несут информацию в сжатой образной форме, где семантическая структура фразеологических топонимов сравнивается с собственно топонимами [Тарасевич 1985]. Вслед за А. В. Куниным, автор определяет сверхсловные многокомпонентные топонимы как устойчивые словосочетания, для которых характерны:

- раздельнооформленность (словосочетания);
- семантическая осложненность значения компонентов;
- морфологическая и синтаксическая фиксированность в данный исторический момент;
- структурно-семантическая немоделированность (т. е. высокая степень синтаксической устойчивости).

Топонимы-прозвища являются частично переосмысленными фразеологизмами, т. к. в них ослабление исходного значения компонентов сопровождается переносом значения по метонимическому или метафорическому признаку. Рассматривая вопросы о том, обладают ли топонимы значением, автор отмечает, что «значение представляет собой понятие или суждение, преломленное в языковой системе таким образом, что единица языка неотделима от значения и не может не выражать понятия или суждения». Если же согласиться с положением об отсутствии у ИС мотивации или связи с понятием, то тем самым мы лишаем эту группу единиц статуса лингвистического знака.

Тарасевич М. П. разделяет категорию номинации, как способ образования языковых единиц, на первичную и вторичную, уточняя, что первичная номинация – это соотнесение элемента звукоряда (имени) с отражаемым в сознании объектом действительности. Вторичная же номинация основывается на использовании единиц языка в метафорическом употреблении. Процесс номинации при создании американских фразеологических топонимов проходит 3 этапа: 1-ый, когда обозначаемый предмет соотносится с аналогичными объектами действительности – он получает наименование – географический термин: река, город, остров... 2-й, при возникновении желания выделить данный объект из ряда подобных – ему присваивается отдельное имя собственное (река Темза, город Ливерпуль... 3-й, когда объект, имеющий ИС, получает топонимическое прозвище (*American Rhine* – река Гудзон, *Athens of the New World* – город Бостон).

Описанный процесс номинативного развертывания как многоступенчатой фразеологической номинации определяет фразеологические топонимы:

- I Объект (имя нарицательное или географический термин).
- II Топоним (имя собственное).
- III Фразеологическая единица (топонимическое прозвище).

И. А. Кондакова рассматривает образность топонимов как семантическую двуплановость, выраженную в переносе названия с одного объекта на другой, как обобщенный тип вербального воплощения образа, выделенный из ряда подобных на основании значимого признака [Кондакова 2004]. В основе исследования лежит структурно-логическая классификация образных средств, где топоним трактуется как имя собственное любого географического объекта. Разнообразие топообъектов отражено в классификации по объекту номинации [Мурзаев 1974]. Комплексный подход к проблеме лексического значения топонима позволяет рассматривать его на уровне синтагматики и парадигматики. Признается наличие у топонима смысловой структуры, определяющей его способность выполнять и номинативную, и сигнификативную функции. Специфика значения онима и топонима в отличие от апеллатива состоит в соотношении денотативного и сигнификативного, т. е. топоним выполняет и прямое номинативное значение, и на оттопонимическом этапе (вторичное) значение, соответствующее переносному [Никонов 1974]. На базе топонимического развиваются дополнительные значения, обусловленные характеристиками топообъекта, напр.: John Adams... saved the United States from fighting (подразумевается: население «штатов»). Edinburgh knew it (население Эдинбурга).

Референтом метонимии является «событие – военное действие», напр.: Chancellorsville might be a more important victory.

Географическое название часто выступает как имя существительное в значении «части тела человека», напр.: the crowned heads of Europe, the eye of Greece (коронованные главы Европы, глаз Греции).

Иногда топоним сочетает номинативную функцию с экспрессивной: The world stuck in Taz's head setting a starburst of colored lights... like Blackpool illuminations. Здесь название известного фейерверками города Blackpool коррелирует с признаком «яркий».

Dallas glittered... like a senseless eruption of metal and glass. Dallas коррелирует с образом «из стекла и металла» в данном случае.

Visitors going to Iceland ... need not equip themselves as if facing Mr. Everest. Топоним Iceland выполняет номинативную функцию, а Everest символизирует преодоление объекта, требующее больших усилий и затрат.

В антропоморфных олицетворениях присутствует сема одушевленности пола (ж. р.), напр.: The United States opened her arms to the refugees of the war. Топообъект сопоставляется с органами тела, например:

The Heart of America – Washington (сердце).

The main artery of Europe – Rhine (артерия).

The backbone of North America – the Cordilleras (позвоночник).

Таким образом, соотношение апеллатив/онима в языке следует рассматривать не как соотношение противоположных полюсов лексической системы, а как взаимодействие целого и частного. Наличие промежуточных лексических разрядов, обладающих спецификой, свидетельствует о постоянной мобильно-

сти лексических единиц в зависимости от коммуникативной цели высказывания.

Теория номинации как сложный процесс вербализации действительности, позволяет изучать номены в 2-х аспектах семасиологическом и ономасиологическом, где мотивировочный признак способствует появлению необходимой формы. Для создания яркого образа, наиболее точно отражающего авторский замысел, ИС, как многокомпонентные фразеологизмы, обладают смысловой структурой, мотивированы и в этом смысле комплексное изучение топонимов в речи на синтаксическом и фразеологическом уровнях представляется наиболее перспективным.

§ 2. Принципы систематизации топонимической лексики

Понятие топонимической системы как определенным образом организованной совокупности топонимов данного этноса в определенный период на данной территории раскрывается большинством топонимастов, с учетом незначительных расхождений через посредство таких признаков, как «взаимосвязанность элементов», упорядоченное множество», «блок топонимов», территориальная совокупность географических названий с групповыми и бинарными противопоставлениями топонимов, объединенных в однородовые ряды (классы) на основе схожих признаков» [Виноградов 1972, Воробьева 1973, Никонов 1963, Подольская 1988].

Цель раздела – представить критерии систематизации топонимов, выявить иерархию системообразующих элементов, показать соотношение имен собственных и нарицательных при номинации. Топонимическая система – это целостное собрание географических названий, обозначающих естественные природные или искусственные, то есть созданные руками человека, объекты, реалии – агронимы, гидронимы, дромонимы, ойконимы, оронимы, полисонимы, урбонимы, хоронимы и др. [Фролов 1996].

Системообразующими элементами топонимической системы являются онимы (топонимы), совокупность которых может быть структурно представлена в виде топонимической иерархии. В плане диахронии и синхронии структурными составляющими могут стать наименования географических реалий, возникших в далеком прошлом и функционирующих в живой устной и письменной современной речи, а также наименования, ставшие топонимическим фактом приблизительно в одно и то же время.

Структурные признаки топонимической системы могут быть охарактеризованы не только в хронологическом, но и в этнолингвистическом аспектах. В таком случае речь идет об участии определенного этноса или группы этносов в формировании конкретной региональной топонимической системы. Наблюдения показывают, что каждая региональная и межрегиональная топонимическая система обладает исторически сложившимся лексическим составом топонимов, сигнализирующим о специфическом наборе слово- и формообразующих средств языков и диалектов тех народов, которые форсировали топонимию. Структуру можно изобразить в виде иерархических сфер: замкнутый круг топонимов малой величины (деревни, ручьи, болота, луга, уголья, городские улицы или площади), являю-

щийся частью более крупного по величине поименованного объекта (села, поселка, городского округа, реки и т. п.), который в свою очередь относится к назывной микросистеме города и сельского района, бассейну реки и большого закрытого водоема, затем – области и края [Фролов 2005].

Региональные топонимические системы образуют топонимическое пространство того или иного этноса, группы лингвоэтнических родственных и неродственных по языку этносов, имеющих общее административное поле, географический ландшафт, дающий объективную информацию о формировании государства, механизме формирования народов, эволюции лингвоэтнических процессов. Таким образом, топонимическое пространство – это своеобразное зеркало истории государства, его населения, языка и диалектов.

Топонимия, будучи неоднородной хронологически, этнически и лингвистически, в целях удобства ее описания, анализа структурных и семантических единиц несомненно является предметом таксономических интерпретаций. Таксономия в языкознании и соответственно в топонимике – это учение о классификации элементов, практическая систематизация языковых единиц и сопоставление сходных языковых явлений в разных языках, имеющих аналогичное иерархическое строение [Фролов 1996]. Практическая таксономия обычно называется «лексико-семантической классификацией», т. е. группировка наименований основана на таксономической систематизации топонимических единиц в их эволюции на основе общих признаков именуемых объектов и закономерных связей между ними.

Предметом классификации топонимических единиц является прежде всего главная в их иерархии единица – слово, его смысловое и морфемное содержание, т. е. семантика и морфологическая структура. Слово, будучи, по В. Гумбольдту, знаком понятия, представляет собой основную знаковую единицу языка в его многообразных структурно-смысловых связях с другими языковыми знаками. Лингвистический знак – это сигнальное средство номинации и репрезентации предмета, явления, лица в целях коммуникации. Коммуникация, как единично-индивидуальный акт закрепления в сознании отраженного предмета в виде его имени, – это лингвистическое обозначение вещи, которая сообщает через посредство слова другому лицу существенные признаки той самой вещи, делая это представление знаковым по своей сути [Бакшеева 2001].

Вербальный знак, будучи двуединой сущностью, отражает оппозицию, представленную планом выражения, (материальной звуковой оболочкой или лексемой) и планом содержания (значением слова или минимальной единицей смыслового содержания). Вариантом семемы, семантическим множителем элементарного смысла, является сема, как наименьшая единица вербального знака. Совокупность сем образует смысловую структуру слова – семантему, то есть вещественную часть, материальную (лексическую) основу вербального знака [Кубрякова 1986].

Топонимическая номинация реализуется в едином, индивидуальном акте закрепления в сознании отраженного объекта, лица в виде его названия, имени собственного. Однако ономастическая номинация – это не просто обозначение, а лингвистическое отражение в языковом сознании объективной реальности. Зна-

чение названия (топонима или антропонима) раскрывается с учетом постоянного взаимодействия означаемого и означающего. В смысловом содержании топонима лежит определенное понятие, то есть мысль об объекте, выделяющая общие и частные существенные признаки. Лексическое значение географического наименования определяется связью с соответствующим понятием о месте вербального знака в топонимической системе микро- и макрорегиона. Такой назывной элемент топонимической системы фиксирует историческую связь между лексемой и семемой, между временем и пространством, обществом и языком.

Содержание географических наименований и апеллятивной лексики неизменно имеет свою специфику: имя нарицательное обозначает класс однородных предметов и явлений, а имя собственное – отдельные, индивидуальные реалии. Способность имени обобщать и индивидуализировать реалии свидетельствует о том, что семантика имени более абстрактна в языке, но исключительно конкретна в речи. Собственное имя характеризуется высшей степенью абстрактности [Суперанская 1976].

Предпочтение диахронного или синхронного подхода в описании топонимической лексики остается до сих пор предметом острых дискуссий [Жучкевич 1980]. Интерпретация элементов топонимического пространства в его исключительно синхронном аспекте, на наш взгляд, не может быть научно объективной, ибо каждая национальная топонимия, в том числе и региональная, складывалась исторически, отличаясь хронологически многоуровневым и полиэтническим характером [Суперанская 1967]. Не зная истории формирования топонимии, вряд ли можно понять системные отношения старых и новых элементов, тенденции развития топонимической системы.

Как древние, так и новые наименования географических реалий по аналогии с апеллятивной лексикой объединяются в топонимические ряды, словообразовательные типы, этнолингвистические пласты, адстратные, субстратные и суперстратные разряды русских топонимических заимствований [Мурзаев 1995, Жучкевич 1980, Фролов 2005]. Однако в исследованиях последних десятилетий предпочтение отдается онимическим словарным группам [Алишина 1999].

Топонимические словарные группы, как правило, называются тематическими или предметно-отраслевыми, принадлежащими к одной предметно-понятийной сфере. Тематические группы в апеллятивном словаре имеют отношение к обозначению родственных отношений предметов быта, фауны, флоры и т. п. Объединение в отдельную группу слов в таком случае оказывается в зависимости от тематической близости самих реалий, исторически обусловленных рядов понятий, семантики слов и их структуры.

Таким образом, тематические группы топонимов в принципе базируются не на внутренних семантических отношениях и деривационных связях, а на систематизации самих объектов или их составляющих. В практической таксономии топонимов членение их по семантике, классификация по лингвоэтническим структурным типам, группировка на основе дивергенции и конвергенции нередко отождествляются, либо не актуализируют собственно тематический и лексико-семантический аспекты систематизации топонимических знаков.

Действительно, дифференциация топонимической лексики по семантическим признакам предполагает объединение семантем, находящихся в зависимости от тематической близости реализуемых ими понятий-знаков, от фактов относительного совпадения номинативных актов. В совокупности тематически близкие реалии, возникающие между их вербальными эквивалентами номинативные связи, создают предпосылки лексико-семантических отношений, позволяющих выделять лексико-семантические группы наименований объектов географического ландшафта. Вместе с тем, тематическая группировка топонимов основывается прежде всего на нелингвистических факторах — этнических, культурно-исторических, логических, которые опосредованно отражают структуру системности языка, имеющую внутренние закономерности, играющие коммуникативную роль в формировании лексических групп.

Разграничение денотативного (тематического) и структурно-семантического принципов классификации онимов не дает права упускать из внимания, что предметно-отраслевые разряды, или группы собственных имен лишь внешне нарушают смысловые отношения: язык внутри себя организует связи предметно-понятийных знаков. Отсюда тематическая систематизация топонимической лексики была бы половинчатой без семасиологической интерпретации [Фролов 1986]. Синтез словообразовательных способов как апеллятивной, так и ономастической лексики является свидетельством взаимодействия тех или иных ярусов языка: внутрилингвистические отношения, естественно, играют свою роль при понимании таксономической интерпретации онимов, связанных и тематически, и семантически.

Положение о словарном составе языка как о системе лексико-семантических разрядов сформулировал в свое время Ф. П. Филин, который справедливо констатировал, что лексика языка находится в определенной закономерной градации, представляющей собой особую систему или подсистему [Филин 1962]. В речевой ситуации слово не функционирует вне вербального окружения, оно занимает свое место в системе, подчиняясь ее закономерностям. Лексико-семантическая структура, например, онимической лексики оказывает, в свою очередь, влияние на изменения сочетаемости семантем внутри самой системы. Более того, история географического имени является непосредственным слагаемым лексико-семантического пространства. Поэтому статус лексико-семантической группы складывается и раскрывается благодаря учету совокупности всех слов, их ассоциативных сем, семем и семантем. Слова, имея индивидуальные значения, в кругу одной лексико-семантической группы оказываются связанными друг с другом отношениями, влияющими на их семантику.

Мурзаев Э. М. выделяет терминологические ряды анатомической лексики: спина, глаза, рот, нос, рог, горло, голова, ассоциативный перенос, которых отражен в географических названиях рек, гор в разных языках мира. Терминологический ряд: рот — ворота — порт — проход — перевал — (port — шотл., puerto — исп.) находит свое отражение в номинациях Пуэрто-Рико, Порт-Луи, Порт-Ройал [Мурзаев 1995].

Классификацию топонимов по семантике образующих основ провел С. А. Попов, распределив материал по двум тематическим группам: названия населенных пунктов естественно-географического характера (геогенные ойконимы) и названия культурно-исторического характера (антропогенные ойконимы) [Попов 1998]. Каждая из групп подразделяется на 35 подгрупп, где выделяются частные разновидности названий в зависимости от специфики семантики и базовых элементов:

1. Ойконимы, образованные от названий водных источников, от географической лексики апеллятивного происхождения.
2. Ойконимы с фитонимической и зоонимической основами, отражающие флору и фауну.
3. Отгидронимические ойконимы – наиболее устойчивый и древний пласт.

Действительно, гидронимы являются носителями ценной информации о языке и истории народов, ранее населявших территорию современных государств. Особенность наиболее стабильных гидронимов состоит в том, что это архаические наименования. Этимология иноязычного названия неясна для местного населения. При характеристике местоположения поселка относительно водного источника обычно используются сравнительные сопоставления (верхний – нижний, большой – малый, правый – левый). Названия озер становились названием населенных пунктов. Имена источников характеризуют качество воды, особенности течения, наличие водорослей, заболоченность и т. д. Родник именуется *stream, well, burna* (ключом, колодцем, источником). Названия рек и озер образованы от географических терминов апеллятивного происхождения, обозначающих тип или характер водного источника.

Группа географической лексики отличается богатством и разнообразием лексем, точно отражающих природные и естественно-географические условия. Географические термины (узуальные и диалектные) отражают особенности ландшафта, например: гора в виде змеиной головы. В названиях населенных пунктов встречаются лексемы, определяющие особенности лесоугодий, специфику почвенного покрова (земля, вспаханная под пар), грунта (гравий, песок). Фитонимы, зоонимы, флоронимы отражают виды растений, древесных пород, животных, птиц и рыб, имеющих важное значение в хозяйстве.

В целом исследование топонимии показывает, что в ней отражены объекты, связанные с естественно-географическими особенностями местности. Широко распространены названия поселений, связанных с личными именами вождей племен, собственников земли, владельцев имений, с религиозно-культовой лексикой, с материальной и социальной жизнью поселенцев. В связи с введением христианской религии, а также древними языческими культами появились названия, в основе которых используются антропоним, гидроним, апеллятив.

Таким образом, наименования географических объектов на первом этапе распределяются на собственно-географической основе (естественной или искусственной), затем выделяются семантические группы онимов, которые, будучи родовыми или видовыми понятиями, являются узуальными или диалектными названиями заимок, хуторов, деревень, сел, городов, рек, речек, ручьев, ключей, болот, озер, типов пониженного или повышенного рельефа местности

и другого рода реалий. Завершается такое таксономическое членение онимов интерпретацией словообразовательных моделей (морфемики и семантики). Тематические группировки онимов позволяют установить общие и частные семантические признаки, имеющие непосредственные и опосредованные смысловые взаимосвязи.

В работах отечественных топонимистов сложилась практика классифицирования топонимов, которые в разных случаях распределяются на два разряда (искусственные и естественные, ассоциативно-описательные) или шесть и более лексико-семантических групп [Глинских 1983]. Увеличение или уменьшение числа лексико-семантических (тематических) классов топонимов может быть осуществлено за счет концентрации или детализации дифференциальных признаков [Фролов 1984]. Однако любая систематизация топонимической лексики основывается на интерпретации общих и частных признаков номинации, на периферии которой можно обнаружить семантические, структурно-морфологические и иные сдвиги, возникающие в результате омонимии, синонимии и других явлений в языке и речи.

§ 3. Номинация как проявление творческой деятельности человека

Когнитивный подход к описанию топонимии позволяет выявить элементы творческой деятельности человека в языке. Описание закономерностей, характеризующих морфологический, лексико-семантический и синтаксический уровни, показывает структурные элементы онимов в плане реализации в них категорий стяжения и усечения, дублирования и гибридации. В работе доказывается полноправность топонимов как знаменательных языковых единиц, в образовании которых проявляются тенденции номинации в целом.

Раздел касается вопросов номинации, в частности, образования топонимов, рассматриваемых как особое проявление лингвокреативной деятельности человека. Такой подход предполагает более подробное освещение основ творческой деятельности человека в языке и выделение той ее части, которая непосредственно связана с созданием и функционированием онимов в речи. Для представителей различных лингвистических школ и направлений изучение творчества неразрывно связано с раскрытием сути языковой способности, под которой понимается умение производить и понимать языковые выражения, вновь создаваемые в непрестанно меняющихся условиях коммуникации. Однако несмотря на многолетний интерес к данной теме, исследователи по-прежнему обращаются к процессу восприятия и осмысления мира в реальных актах коммуникации, пытаются объяснить, какие механизмы задействованы в актах речетворчества и какие лингвистические уровни способствуют реализации картины мира [Кубрякова 2004]. Попытаемся ответить на вопрос о том, как лингвокреативный потенциал, изначально заложенный в акте словообразования, проявляется в топонимии.

Творческие основы номинации, связанные с понятием концептуальной интеграции, предложенной в работах Ж. Фоконы [Fauconnier 1999], получили дальнейшее развитие в отечественном языкознании [Ирисханова 2004]. В тео-

рии концептуальной интеграции многие языковые явления объясняются процессами образования сложных когнитивных структур (ментальных пространств) из более простых мыслительных сущностей.

Предметом нашего исследования служат мыслительные процессы, обеспечивающие как появление общепринятых моделей топонимов в языке, так и реализацию творческого потенциала человека в процессе имяназвания. В фокусе внимания оказывается осмысление мира человеком, непрерывно осуществляемое в актах коммуникации. Несмотря на общие принципы интегративных процессов в разных видах творческой деятельности, нельзя говорить о полном их единообразии в языке, так как в каждом конкретном случае данные процессы находят свое специфическое воплощение. Обращение к номинациям представляется актуальным в силу того, что это явление широко распространено в различных стилях языка, как в газетно-публицистическом, так и научном. Когда топонимообразование впервые привлекло внимание зарубежных ученых, многие исследователи, отмечая своеобразие данных единиц, пытались выделить их отличительные свойства. Особое внимание уделялось проблеме структурных и семантических характеристик онимов. Обращает на себя внимание тот факт, что при рассмотрении словообразовательных процессов в целом как в зарубежной, так и в отечественной лингвистике акцент ставился на изучении моделирования по продуктивным образцам, и при этом нередко именно нестандартные характеристики дериватов оставались в тени. При более глубоком анализе топонимы обнаруживают немало интересных и неожиданных свойств. Это обусловлено, на наш взгляд тем, что топонимы представляют собой пример производных слов, совмещающих в своей структуре признаковые и базисные характеристики одновременно. Образования такого типа называются гибридными, и в связи с этим особое внимание следует уделять понятию сочетаемости компонентов на различных языковых уровнях [Блох 1972].

Исходя из когнитивной направленности исследования, мы рассматриваем номинацию в двух ракурсах – понятийном, при котором внимание сосредоточено на ментальных процессах, сопровождающих возникновение в языке новых гибридных единиц, и коммуникативном, когда номинация получает оценку с точки зрения ее участия в деятельности, нацеленной на построение общего когнитивного пространства дискурса. Применяемый в работе подход позволяет, с одной стороны, отразить мотивированность, а с другой – описать процессы построения новых значений в речи. Таким образом, исследование элементов лингвокреативности, как проявление гибридности и дубликации в речевых формах топонимов, а также описание творческого потенциала данных лексических единиц на морфо-фонетическом уровне, где осуществляется изменение морфологических моделей онимов (стяжение и усечение сегментов), представляется актуальным.

В связи с этим следует показать, как проблема лингвокреативности связана с топонимообразованием, а также обосновать целесообразность изучения топонимов с когнитивных позиций; предложить в качестве общего когнитивного основания творческого потенциала онимов процессы гибридации, дубликации, стяжения и усечения.

Актуальность исследования топонимов в новом ракурсе обусловлена необходимостью систематизировать общие сведения о номинации топонимов в русском и английском языках и пересмотреть существующие взгляды на отличительные черты этих единиц с новых теоретических позиций. Назрела необходимость комплексного подхода к решению целого ряда актуальных проблем современной лингвистики – языкового творчества, языковой номинации, концептуализации объективной действительности человеком, роли говорящего в осуществлении дискурсивной деятельности.

Предлагаемый подход к изучению особенностей топонимообразования, а также новая методика описания и сравнения русских и английских топонимов представляются наиболее перспективными. В настоящее время в нашей стране и за рубежом новая система взглядов на лингвистику стала оцениваться как революционная, т. к. ее формирование привело к выдвижению новой когнитивной парадигмы научного знания. Когнитивная наука требует выделить особую языковую способность строить высказывания и понимать услышанное, а также соотносить ее либо с другими когнитивными способностями человека (напр., способности к анализу и синтезу), либо сравнить реализацию когнитивных способностей человека в разных культурах.

Создание искусственного разума требует развития такой области науки, которая позволит выявить определенные закономерности взаимодействия человека с природой. Лингвистические исследования вносят достойный вклад в обнаружение и объяснение аспектов человеческой когниции. Думается, что исследованием терминов: диктема, денотема, сегмема способствуют выявлению закономерностей дискурса [Блох 2000]. Сегодня никто не будет оспаривать факт, что в герменевтике в термин вкладывается иное содержание, чем в традиционной лингвистике. О необходимости создания междисциплинарной теории с единой терминологией говорят многие когнитологи, чтобы термины, относящиеся не только к лингвистике, были понятны всем, например: трансференция – ассоциативный перенос, дубликация – повтор, стяжение – экономия, гибридизация – сплав рациональных единиц. Понятие уровня также принадлежит к числу таких общелогических понятий, которые находят широчайшее применение в самых различных областях знания и практической деятельности. Особую роль положение об уровнях играет в современном языкознании, если оно последовательно применяется в приложении к «единицам языка» – языковым сегментам, которые находятся друг с другом в иерархических отношениях. Рассматривая фонему как наименьшую единицу, обладающую формой и значением, проследим ее различительную функцию на примере топонимов, где имеют место стяжение и усечение морфологической формы:

Caernarfon ← *fort in Arfon* (крепость на воде), где *in* → *n*;

Cumernault ← *comar an allt* (слияние потоков), где *an* → *n*.

Сигнификативная функция морфемы служит базой для реализации семантической функции вышележащего сегмента, т. е. слова. Поскольку морфемы строятся фонемами с их различительной функцией, являющейся уровнеобразующей для своего фонематического пространства, то естественно функцио-

нальная характеристика морфемы впитывает в себя конструктивную и различительную характеристику фонемы и может быть поэтому представлена как возрастающая: морфема совмещает свою сигнификативную уровнеобразующую функцию с конструктивно-различительной функцией из непосредственно нижележащего фонематического уровня. Характерно, что в единицах вышележащих уровней их функциональные «букеты» неуклонно возрастают вместе со структурным расширением, впитывая переходящие к ним функции нижележащих сегментов.

Уровневывделительная функция лексемы – номинативная – получает полное выражение в знаменательных лексемах. Служебные лексемы, в отличие от знаменательных, образуют континуум между уровнем слов и уровнем морфем, в силу чего, как мы знаем, называются в некоторых лингвистических описаниях термином «слова-морфемы». Если учесть указанную специфику топонимообразующих суффиксов (-ea – Chealsea, Brownsea, -ey – Laxeey, Jersey), то окажется, что сложность определения уровней (морфологического или структурно-грамматического) происходит от недостаточного принятия в расчет отмеченного промежуточного характера служебных сегментов, приближающихся по функции к аффиксальным грамматическим морфемам разного конкретного назначения и играющих в силу своей строевой природы важную роль в языке как знаковом механизме речетворения [Кацнельсон 1965]. Знаменательные слова строго распределяет по лексико-грамматическим группам лексическая парадигма номинации – словообразовательная система, производящая категориально-определенные основы из категориально-определенных лексических корней [Блох 2005].

Следующий уровень на рассматриваемой лестнице восхождения – «денотематический», уровень членов предложения, образующих по терминологии поздней дескриптивизма и порождающей грамматики, «фразовую» иерархию в синтагматике пропозитивного высказывания [Chomsky 2000]. Формальная структура денотемы, в соответствии с реверсивным законом ее образования, – одно или несколько слов, соединенных релевантно-пропозитивными связями. Уровнеобразующая функция денотемы (как простой, однословной, так и сложной, многословной) – денотативная, т.е. выделительная в высказывательном (рече-актном) смысле. Подчеркнем, что денотема топонима непременно объединяет признак и базис, т.е. знаменательную лексему в качестве своего ядра и ее определение (England – земля ангелов).

Элементарная единица текста получила название «диктема» (от лат. dico, dixi, dictum – говорю, высказываю). Понятие диктемы было выдвинуто М. Я. Блохом в связи с научной дискуссией о коммуникативных единицах дискурса [Блох 1972]. Оно развивает и преобразует понятие сложного синтаксического целого, выработанное в отечественном языкознании в сороковых годах. Принципиальное различие между указанными понятиями состоит в том, что синтаксическое единство не имеет уровнеструктурного определения, а диктема, напротив, раскрывает свои свойства в качестве естественной составной части реверсивно-определенной уровневой структуры языка. Как составная часть этой структуры (при этом уровнеобразующая составная часть на верхнем ярусе сег-

ментной языковой иерархии) она строго отвечает принципу построения из «одной или нескольких единиц непосредственно нижележащего уровня». Как составная часть этой структуры, она выделяется своей четкой функцией, не сводимой к функциям нижележащих единиц, но вбирающей в себя эти функции в рамках своего собственного интегративно-текстового назначения выражать определенную тему. Это значит, что диктема позволяет анализировать закономерности текста как непосредственного продукта речевой деятельности.

Учитывая факт перехода функций от нижележащего уровня к вышележащему в ходе речетворения, мы заключаем, что в диктеме через ее составляющие выявляются такие важнейшие функционально-знаковые аспекты речи как номинация, тематизация и стилизация. Номинация реализует именование общей ситуации, отражаемой диктемой, и соотносит это именование с действительностью. Тематизация включает передаваемую диктемой информацию в разворачивающееся содержание целого текста. Стилизация осуществляет такое коннотационное представление содержания, которое реализует ситуативно-обусловленное воздействие на слушающего, соответствующее коммуникативной цели говорящего.

Актуализация отмеченных функций в общении, т. е. в ходе речеобразования разного характера (обращение к собеседнику, обращение к читателю, обращение к себе самому во внутренней речи как проявление когнитивной деятельности мозга и пр.) имеет результатом формирование конкретной информации, которая и является предметом восприятия любого адресата речи (включая, следовательно, и самого говорящего). Эта информация, взятая в широком смысле сведений или данных, извлекаемых воспринимающим субъектом-адресатом из речи отправителя сообщения, разделяется на данные целевой передачи и данные сопутствующей передачи. В общем информационном потоке, содержащемся

(т. е. создающемся актом речетворения) в диктеме как непосредственной сегментной составляющей текста, можно насчитать целый ряд рубрик информации, каждая из которых является существенно важной с точки зрения когниции и коммуникации.

Первая рубрика – информация коммуникативно-установочная – непосредственно определяет тип речедетельностного сотрудничества слушающего и говорящего. Вторая рубрика, передающая этнические и социально-культурные реалии, отражает движение познающей и оценивающей мысли говорящего, связана с непосредственным выражением чувств, чем обусловлен выбор официального имени либо прозвища, например: семантический тип «поселение» включает около 20 лексических вариантов, тем не менее в некоторых текстах используются прозвища, мотивированность которых намного выше, ср.: Cottonopolis (Manchester) – крупный текстильный центр Великобритании; The Wheatheart of the Nation (Kansas) – штат, занимающий лидирующее место по выращиванию пшеницы; Brown Bottle City (Milwaukee) – центр пивоваренной промышленности [Леонович 2004].

Таким образом, язык обладает обширной системой средств выражения сложной гаммы чувств и эмоций говорящего. Восприятие внешнего мира, его

осознание, оценка (обработка информации), действие (речепроизводство), воздействие (интенция – заставить кого-то делать что-то) – в любом языке реализуются общефилософские понятия, которые описывают ментальный опыт, усвоенный человеком за время его жизни и отражающий накопленные человеком впечатления, ощущения, представления и образы в виде слов. Несколько иной характер по сравнению с фактической информацией имеет реализация воздействия на слушающего. Импрессивность как аспект высказывания соответствует апелляции к слушающему, предполагает реакцию второго лица речевой ситуации. Но реакция слушающего не является однозначно определенной: одна и та же диктема, может вызвать разные реакции у слушающих: на одного активно воздействует, другого оставляет равнодушным [Блох 2005].

Факт импрессивности, выразительности сообщения принципиально отличается от прочих выделенных аспектов речи и корень отличия состоит в том, что импрессивность не задается готовыми элементами, фиксированными в языке сегментами, а руководствуется моделями аранжировки сегментов. Импрессивность создается в речетворении на каждый случай посредством выбора выразительных средств в зависимости от оценки говорящим всех составляющих компонентов речевой ситуации. Импрессивность субъективно следует оценивать не столько как тип информации, сколько как соответствие построения высказывания условию его коммуникативного успеха в данной речевой обстановке. В частности, явление дубликации можно рассматривать как репрезентацию импрессивности в топонимии. Дубликация в условиях межязыковых контактов способствует появлению так называемых «гибридов», состоящих из нескольких слов (на родном и контактном языках), объединенных, очевидно, в практических целях, чтобы топоним легко воспринимали и местные жители, и пришлое население, например, название Bredon Hill (England) в переводе на русский язык означает: холм + холм + холм; аналогично Torpenhow Hill (England) означает: холм + холм + холм + холм.

Таким образом элементы лингвокреативности проявляются в топонимообразовании. Мы пытались показать закономерности, характеризующие морфонетические, лексико-семантические и синтаксические преобразования онимов. Продуктивность таких способов номинации как гибридизация и дубликация, морфологических проявлений стяжения и усечения в топонимии способствует реализации общефилософских категорий восприятия действительности, ее осмысления (оценки), действия и воздействия (импрессии). Дальнейшее исследование творческого потенциала топонимов позволит ответить на вопрос, чем обусловлено появление прозвищ, наличие многочисленных вариантов в пределах одного семантического типа топонимов. Думается, что все вышеизложенное касается не только топонимообразования, но и проблем номинации в целом.

§ 4. Ономаσιологический анализ описываемых этнопонимов

Семантические аспекты апеллятивной и ономастической лексики представляют интерес с точки зрения соотношения элементов языка и речи. Географический объект, имеющий собственное имя, получает двойное обозначение:

термин + топоним. Но каждое из этих слов, если это не онимизация апеллятива, имеет свою структуру значения, в которой есть денотат и сигнификат, при этом денотат у этих двух слов действительно один и тот же, но сигнификат у каждого слова свой. Попытаемся показать специфику ономазиологической номинации как явления речи, выяснить с помощью каких лингвистических механизмов осуществляется индивидуализация объекта, являющегося денотатом собственного имени. Как происходит искусственное и естественное имяназачение. Известно, что индивидуализация объекта осуществляется на базе не только лингвистической, но и экстралингвистической. Кроме того, как отмечает М. В. Голомидова, частную характеризующую и индивидуализирующую семантику имени собственного составляют не только денотативная отнесенность, но и мотивировочное значение [Голомидова 1998:21]. Удельный вес мотивации в семантике топонимического знака довольно велик. Обобщение отдельных мотивационных связей приводит к образованию мотивационных моделей, или «мотивем», которые впоследствии определяют структуру топонимобразования [Гинатуллин 1969].

В силу наличия двойного сигнификата топонимическое наименование (термин + оним) более информативно, поскольку оно отражает один из признаков обозначаемого объекта и сообщает о нем: историко-культурный фон топонима гораздо богаче, чем у апеллятива. Чтобы выстроить методику извлечения интересующих нас знаний из топонимического материала, необходимо прежде всего определить пути и смысл поиска. «Выбор именно собственных имен, а не апеллятивной лексики обусловлен, помимо уже упоминавшейся номинативной «прозрачности» онама, следующими моментами: во-первых, точной территориальной привязкой к данному региону, во-вторых, относительной однородностью языкового коллектива-номинатора, в-третьих, относительной общностью хронологии создания и, наконец, сочетанием полноты материала с его реальной обозримостью» [Рут 1992:48].

Ономастический материал может служить объектом изучения в социолнгвистическом, прагматическом, когнитивном, ономазиологическом аспектах в рамках проблемы естественной и искусственной онимической номинации. Тема искусственного онимического наречения выдвигает три вида задач, решение которых смыкается в поле исследования. Один из них связан с необходимостью уточнить критерии выделения естественной и искусственной номинации как частных разновидностей лексической номинации, другой обращен к выявлению специфики искусственной номинации в ономастике, третий – к методическим приемам когнитивного анализа имятворчества [Голомидова 1998:7].

Изучение топонимии в этнолингвистическом аспекте позволяет решить задачу выявления своеобразия топонимии как языкового источника информации о духовной культуре народа путем моделирования реального и ирреального пространства. «Требуемая в данном случае концептуальная интерпретация предполагает преодоление расстояния от характеристики объекта действительности, запечатлеваемой языковыми средствами, до характеристики установок, интенций субъекта – носителя языка, обусловивших именно такое восприятие объекта. Для сокращения этого расстояния следует сначала максимально более

полно представить объем информации о данном объекте и ему подобных, которую дает язык, а в применении к топонимическому материалу – топонимикон» [Березович 1992:26].

Изучение топонимической системы в ее онтологическом и ментальном бытии строится на понимании системного, структурного и семантического подхода к изучению топонимического материала. Необходимость ономаσιологического анализа определяется тем, что он, являясь логическим развитием структурно-семантического анализа, сам подготавливает когнитивный анализ лексики. Есть веские основания считать, что именно ономаσιологический анализ позволяет выявить понятийные механизмы образования того или иного онома и уточнить принципы их мотивированности.

Как показывают ономаσιологические исследования конца 70-х годов, именно этот тип анализа явился конечной целью производной (вторичной) лексики, а его результаты использовались для общей характеристики особенностей топонимов, и, главное, конкретных способов их моделирования. Когнитивная лингвистика выявила, однако, возможности и более глубоких обобщений на этом материале путем детального анализа полученных данных именно с когнитивной точки зрения, то есть по их роли в процессах познания мира. В этом смысле и ономаσιологический анализ, подобно анализу словообразовательному, оказались определенными этапами в рассмотрении формальных и семантических свойств изучаемого пласта лексики, предваряющими этап когнитивного осмысления этой лексики.

Ономаσιологический анализ представляет акт номинации как речемыслительный, в ходе которого обозначаемое подводится под определенную категорию. По мнению О. В. Раевской, ономаσιологический подход к процессу номинации позволяет рассмотреть слова «как результат познавательной деятельности человека, устанавливающего связи между различными сущностями в окружающем его мире и выражающего эту связь в создаваемом им наименовании» [Раевская 1981:82].

Появление фундаментальных исследований по теории языковой номинации, а также частных исследований по способам номинации [Панасенко 2000] свидетельствуют о чрезвычайной сложности проблемы изучения номинативной деятельности человека, представляющей собой «комплексный речемыслительный процесс, имеющий как логикогносеологические, так и психологические, как биологические, так и социальные, как физиологические, так и чисто языковые основания» [Кубрякова 1976: 2002]. Названия получали те объекты, на которые была направлена деятельность человека и которые представляли для него утилитарный интерес. В процессе номинации человек выделяет и фиксирует самое важное. Средством фиксации является адекватное языковое средство, связывающее тем самым мир действительности с миром языка и устанавливающее корреляцию между объектом и выбранным для его названия языковым отрезком. Анализ словообразовательной и ономаσιологической структуры топонимов позволяет реконструировать номинативную деятельность человека и установить некоторые принципы номинации, которые формируются на основе обобщения мотивиро-

вочных признаков уже известных объектов и служат базой для новых наименований.

Ономасиологический подход к рассмотрению словообразования в последние годы приобрел особое значение. Проводя ономасиологический анализ, мы должны иметь в виду, что это анализ формы лингвистической деятельности, которая представляет собой очень хорошо отработанную на материале словообразовательного анализа методику. В сфере применения ономасиологии сместился акцент от имен предметов к исследованию процессов номинации в целом, и «в фокусе должного внимания оказалась вся номинативная деятельность как процесс рождения имени для обозначения тех или иных объектов окружающего нас мира» [Кубрякова 1986:32].

Механизмы взаимодействия единиц языка и речи можно проследить на примере семантической деривации [Пономарева 2005]. Процессы апеллятивации имен собственных (топонимов и антропонимов) и онимизации имен нарицательных показывают, что в языке происходит постоянное взаимодействие между именами нарицательными и собственными. Если индивидуальность именуемого объекта становится неочевидной, наблюдается тенденция перехода собственного имени в нарицательное (в языке вообще или в данной речевой ситуации). В таком случае можно говорить об апеллятивации собственного имени, его деонимизации [Непокупный 1986:42].

В языке также имеет место прямо противоположный процесс. Если именуемый нарицательным именем объект становится определенным и конкретным, возрастает вероятность его перехода в имя собственное. Такой переход называется онимизацией. В большинстве случаев в основе онимизации и апеллятивации – лежит семантическая деривация.

Апеллятивация наблюдается в случае, если: а) денотат имени собственного приобретает достаточную известность у всех членов определенного языкового коллектива; б) нарушается связь имени с одним определенным денотатом и делается типичным для многих чем-либо похожих друг на друга объектов, поселений и т. п. При этом, порывая с одним понятием, слова связываются прочной логической связью с другими понятиями. Чтобы установить такую связь, имя собственное должно обрести определенную долю интеллектуальной информации. Насыщение имени собственного такой информацией и приводит к его постепенной апеллятивации [Суперанская 1978:266].

Процесс апеллятивации может проходить естественным (довольно длительным) и искусственным путем. Искусственный путь осуществляется в области специализированной лексики и предполагает единовременный акт словотворчества, сопровождаемый специальным постановлением, т. е. здесь речь идет о целенаправленном переходе. Естественная апеллятивация топонимов в результате семантической деривации наблюдается в следующих случаях: бикини – происходит от названия острова в Тихом океане; богемия ← регион на западе Чехии; канарейка ← Канарские острова; эльдорадо ← EL Dorado, мифический город золота; Голливуд ← город в Америке; джерси ← остров; марафон ← город в Греции; мавзолей ← захоронения Маузола в Турции; матрас ←

город Мадрас в Индии; олимпиада ←Olympus, самая высокая гора в Греции. Во всех перечисленных случаях топоним переходит в апеллятив в результате постепенного расширения знаний о нем. Денотат приобретает большую известность в определенном социуме, имя становится типичным и теряет связь с первоначальным названием города, острова, реки.

Гусынина Е. Б., рассматривая процесс апеллятивации имени в историческом аспекте, утверждает, что древние имена были «воплощенными», т. е. не мыслились в отрыве от человека, которому они принадлежали [Гусынина 1997]. Такие имена выполняли не только номинативную функцию, но и функцию описательной характеристики. Имена, выступавшие в отрыве от конкретного носителя, десемантизировались и, таким образом, возникала возможность перехода имени собственного в имя нарицательное, например: рентген, шенген, нюрнберг, болонское (соглашение).

В современном языке процесс апеллятивации становится нормой; в него может быть вовлечено практически любое имя. В результате создаются качественно новые лексические единицы, которые активно участвуют в различных словообразовательных процессах: аффиксации, словосложении, конверсии. Одно и то же имя может неоднократно вовлекаться в процесс апеллятивации, причем каждый раз актуализируются различные составляющие лексического фона этого имени, что ведет к созданию омонимов. Первоначальное значение апеллятивированного имени (АИ) достаточно быстро трансформируется. Оттенки значения перерастают в самостоятельные единицы, поэтому одной из наиболее характерных черт современных АИ является полисемия. АИ является благоприятным материалом для развития словообразования по аналогии.

Следует отметить, что процесс приобретения АИ свойств имен нарицательных (ИН) (использование в форме множественного числа, с артиклями; написание со строчной буквы и т. д.) во многом упрощается. Таким образом, в современном языке отчетливо проявляется тенденция к сближению ИС и ИН, свидетельствующая о том, что в отношении носителей языка к статусу имен происходят серьезные изменения. Современное ИС теряет свой традиционно сакральный характер и десемантизируется, т. е. становится просто одним из слов языка. Как следствие учащаются случаи вовлечения различных ИС в процесс апеллятивации. В результате создаются яркие, образные единицы, и это способствует возрастанию их популярности. С другой стороны, вследствие их применения в языке увеличивается количество образований, сохраняющих отчетливо выраженную связь с ИС, но употребляющихся в несвойственных им функциях (см. приложение).

Основными процессами взаимодействия имен собственных и нарицательных являются апеллятивация (переход собственного имени в нарицательное) и онимизация (обратный процесс), т. е. **семантическая деривация**. Апеллятивация имени собственного происходит при насыщении его интеллектуальной информацией. Этот процесс может быть полным и неполным, и происходит естественным или искусственным путем. В современных языках отчетливо проявляется тенденция к сближению имени собственного и нарицательного, и это

свидетельствует о том, что отношение носителей языка к статусу имен претерпевает изменения.

Объектом ономаσιологического анализа в принципе могут служить различные тематические группы слов: и научно-техническая терминология, и антропонимы, и топонимы. Несмотря на ряд проведенных исследований лексики с ономаσιологических и когнитивных позиций, тематическая группа топонимов до настоящего времени изучена менее всего и требует дальнейшего исследования.

Краткие выводы

Номинация – основная лексическая функция топонимов, которые созданы в практических целях коммуникации. В состав коммуникативной функции ИС входит идентификация, описание, дифференциация и др. Особая ономастическая функция ИС экстралингвистична – служение социальным целям – базируется на языковом материале и, согласно определенным критериям, сортируется, т. е. подвергается классифицированию.

Наличие у ИС значения и его отношения к понятию – наиболее спорный вопрос. Энциклопедическая информация (этимология) составляет специфику ИС, но она не равна языковому значению. Семантика ИС в языке и речи различна. Она складывается из 3-х основных компонентов: номинативного (денотативного), понятийного (сигнификативного) и структурного, но их качество отличается от ИН и создает языково-речевую специфику ИС, что позволяет объединить их в особую подсистему в пределах общей лексико-семантической системы языка. В лингвистике общепризнано понятие топонимической системы и топонимической модели и их влияние на процесс номинации, которая может быть искусственной и естественной. Часть топонимов возникает в результате онимизации апеллятивов. Процессы апеллятивации ИС и онимизации ИН свидетельствуют о том, что в языке происходит их постоянное взаимодействие, что способствует обогащению словарного состава языка. В основе онимизации и апеллятивации лежит семантическая деривация. Чаще всего в топонимы переходят ландшафтные термины. В парадигматическом отношении для ИС не свойственна полисемия и антонимия, хотя синонимия как тождество объектов, называемых разными именами, возможна.

Синтагматические отношения ИС более ограничены по сравнению с ИН. Структурно-словообразовательные особенности онимов обнаруживают свою систему, которая проявляется в отборе суффиксальных образований, а также и других способов словообразования. В системе языка ИС образуют отдельное ономастическое пространство. ИС рассматриваются как единицы производные, вторичные по отношению к апеллятивам.

ГЛАВА II.

СЕМАНТИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ТОПОНИМИИ

§ 1. Номинативные аспекты лексико-семантической классификации топонимов в русском и английском языках

Как известно в лексическом массиве любого языка объективно существуют определенные группы нарицательных и собственных имен, которые могут быть объединены по семантическим признакам и далее распределены по лексико-семантическим типам. Положение о словарном составе языка как о системе разных лексико-семантических групп слов в настоящее время является широко распространенным, если не общепринятым. Современная лексикология подтверждает необходимость системного изучения лексики путем выделения тематических групп [Фролов 1996].

Признание тезиса о закономерной градации лексики языка, составляющей в конечном счете систему или ряд подсистем, само по себе не решает проблемы теоретической обоснованности, во-первых, научно аргументированного выделения лексико-семантических групп, во-вторых, выявления связи лексических классов со всем многообразием обозначаемых словом предметов реальной действительности. В практике большинства исследований замечен формальный подход к делению лексики на тематические классы, недостаточно определены и сами понятия, «лексико-семантическая группа», «лексико-семантическая парадигма», «семантическое поле» и т. п.

Лексико-семантические группы слов являются продуктом исторического развития языковых единиц, их комплексов. Как отмечает Ф. П. Филин, слова, выражая свои собственные значения, в рамках одной лексико-семантической группы в то же время оказываются связанными отношениями, не безразличными для их собственных значений. Отражая определенным образом те или иные предметы действительности, слова обозначают и показывают взаимосвязь отображаемых ими явлений [Филин 1972]. Следовательно, в лексико-семантическом объединении слов можно выделить слова с сопоставимыми значениями. Лексико-семантические группы не изолированы друг от друга, они взаимодействуют, пересекаются, объединяются в более широкие лексико-семантические системы.

Однако существующие схемы построения таких систем и их подсистем, куда включены слова определенных тематических групп, имеющих преднамеренный характер. Это обусловлено исследовательскими задачами, при которых невозможно не учитывать субъективности подхода как к выделению семантического поля, объединяющего слова в тематическую группу, так и к установлению объема и содержания лексико-семантических парадигм. Отсюда проистекает иллюзия последовательности выделения качественных признаков и количественных показателей в иерархии компонентов системы, таких как группа

подгруппа-микрогруппа, тип-пласт-слой, ряд-разряд-модель и т. п. [Фролов 2005].

Процедура дистрибуции компонентов системы заключается в упорядочении лексического множества путем его членения на составляющие (класс-подкласс и т. д.), которые характеризуются поэтапным сближением дифференциальных семантических признаков. Но в каждой конкретной классификации приходится иметь дело, во-первых, с логико-предметной группировкой слов, строящейся на основе выявления отношений самих предметов действительности, соотношения классов-подклассов и, во-вторых, с родо-видовыми компонентами лексических блоков на основе лингвистических форм. Вместе с тем, отмечает

Э. В. Кузнецова, классы слов – это максимальные формы проявления лексической парадигматики. Классы существуют в виде более или менее широких объединений слов, представляющих собой семантические парадигмы. В основе любого объединения слов лежит принцип их сходства по каким-либо общим компонентам. Типы классов слов чрезвычайно разнообразны и взаимосвязаны [Кузнецова 1982].

Логически процесс классификации собственных имен ничем не отличается от распределения на тематические рубрики нарицательных имен, но характеризуется более глубокой детализацией, исходящей из индивидуализирующих номинативных свойств онимов. Как показывает обзор большинства существующих схем топонимических классификаций, членение топонимической лексики проводится по тем или иным семантическим признакам слов, обозначающих разновидности географических реалий [Суперанская 1978]. На первом этапе собственные названия дифференцируются по их отношению к естественным природным видам реалий, затем определяются группы искусственных топонимов, связанных с деятельностью человека. В том и другом случае отбирается тематическая группа слов, называющих топонимические, ойконимические и другие родовые понятия, которые внутри дробятся на группы, подгруппы, ряды и т. д., являющиеся видовыми понятиями рек (источников, ручьев, протоков, ключей и т. д.), гор (горков, холмов, бугров и т. д.), поселений (деревень, хуторов, заимок и т. д.), лесов, полей, лугов во всех их разновидностях. Завершается такое тематическое распределение установлением круга семем и семантико-словообразовательных моделей, обозначающих внешние и внутренние особенности реалий и их отдельных частей.

В известных работах А. К. Матвеева, Ю. А. Карпенко, А. В. Суперанской установилась более логически стройная и лингвистически обоснованная градация топонимов по лексико-семантическим признакам. Весь ономастический материал укладывается в рамки семи-двенадцати лексико-семантических групп.

Суммарно лексико-семантические группы топонимов можно, на наш взгляд, представить десятью разрядами: 1) названия, возникшие на основе географических номенов, обозначающих топографические особенности ландшафта; 2) названия, связанные со спецификой материальной и духовной культуры; 3) посессионные названия; 4) названия пространственной ориентации; 5) названия, отражающие отличительные черты объекта (очертание, размер, характер

почвы и грунта); 6) фитонимы; 7) зоонимы; 8) названия-посвящения; 9) окказиональные названия.

Уменьшение (увеличение) числа разрядов обычно осуществляется за счет концентрации или, наоборот, дробления (детализации) понятия типа объекта и его дифференциальных признаков. Так, разряд названий, относимых к сфере материальной и духовной культуры, имеет отношение к целому ряду выделенных нами групп. Разряды топонимов — мемориальных, культовых, эстетических и выражающих социальные изменения в обществе могут быть объединены в разряд идеологических топонимов. В целом же трудно отдать предпочтение какой-либо классификационной схеме, поскольку в каждом конкретном случае она обусловлена источниковой базой и исследовательскими задачами [Фролов 1990].

В предлагаемой ниже рабочей схеме лексико-семантической классификации нашего материала опорными иерархическими уровнями являются: 1) лексико-семантическая группа, аккумулирующая родовые топонимические понятия, объединяемые общностью значения топонима в широком смысле, то есть, это слова, сходные как по форме, так и по содержанию; 2) семантический тип, репрезентирующий родовые и видовые топонимические понятия — лексико-семантический разряд названий, близких по смыслу, принадлежности к одному семантическому полю, к автономной лексической микросистеме; 3) топосемена (шире — семантико-топонимическая модель), выражающая вещественный статус конкретного понятия. Вариант семемы — сема или семантический множитель имеет место там и тогда, когда речь идет о повторяющихся или совпадающих номинациях объектов. Следовательно, лексико-семантическая группа (ЛСГ) состоит из семантических типов, которые реализуются в наборе семем в словообразовательных моделях отдельными лексемами или их сочетаниями. Топонимическая лексема — слово, служащее единицей наименований, а каждая значимая единица языка представляет собой двустороннюю единицу. Двойная природа детерминированности ее содержания — внешняя (предметный ряд) и внутренняя (строй языка) — позволяет рассматривать топоним в двух планах: как единицу номинации и как структурную ячейку языка.

Употребление имен нарицательных, обозначающих топографические классы реалий в качестве собственных широко известно в разных языках. Среди пластов русской топонимической лексики географические названия, связанные с прямым дифференциальным обозначением объектов, их родо-видовой сущности, занимают ведущие позиции. Первичные топографические онимы и вторичные с топонимической деривацией названия типа *Горы, Горки, Дубрава, Сосновка, Острог, Курган* и др. свидетельствуются автором «Повести временных лет».

Переход и превращение географических номенов в топонимы осуществляется, в одних случаях, на основе естественной фиксации единичности, индивидуальности самой реалии или ее отличительных признаков, в других случаях, — напротив, на основе совокупности или преобладания признаков, их концентрации: *Быструха, р.; Речка, д., Заимка, д. — Карасье, оз., Рыбная, р., Сосновка, д.* Ю. А. Карпенко обращает внимание в этой связи на ассоциацию по смежности, метонимию. Топонимы, восходящие к топографическим и гидрографическим

детерминативам, широко бытуют в настоящее время, сохраняя свою номинативную активность. Местные географические номены, считает А. В. Суперанская, составляют основу онимической географической номенклатуры.

Семасиологические аспекты гидрографических, топографических, зоонимических и ботанических номенов представлены в исследованиях Э. М. Мурзаева, Н. И. Толстого, Ю. А. Карпенко, А. К. Матвеева, И. А. Воробьевой, Н. К. Фролова, Х. Ч. Алишиной и других. Изучение семантики географических апеллятивов важно, с одной стороны, при выяснении этногенетических вопросов миграции населения и его участия в освоении местности и, с другой стороны, для установления путей ономизации апеллятивной лексики. Незнание диалектной географической лексики, по замечанию В. А. Жучкевича, неизбежно приводит к ошибкам в топонимических исследованиях.

Различия логико-смысловых и собственно-лингвистических критериев при подходе к описанию местных географических терминов (МГТ) породили множество классификационных схем, каждая из которых отличается своими особенностями. Так, Э. М. Мурзаев выделяет две категории географических терминов, исходя из их распространенности и функций в языке: родовые и видовые [Мурзаев 1982]. Родовые термины обозначают ландшафт, крупные элементы рельефа, гидрографии, почвенно-растительного покрова (река, озеро, гора, болото и т. д.), видовые термины – более ограниченные элементы природной среды, типы ландшафтов (бор, склон, материк и т. д.) Функция видового термина – не обобщение, а указание на различительную специализацию и определение узкоспецифических черт объекта.

Г. П. Бондарук систематизирует географические термины на основе аналогии с диалектной лексикой в ее взаимосвязи с лексикой литературного языка, распределяя МГТ по трем группам:

- термины, общие для литературного языка и всех его диалектов;
- термины, входящие в литературный язык, но встречающиеся не во всех говорах, причем значение одного и того же термина в литературном языке и в различных говорах может быть неодинаковым;
- диалектные термины, отсутствующие в литературном языке [Бондарук 1965].

Н. И. Толстой устанавливает семантические типы МГТ, исходя из особенностей языков, связи с определенным этносом и спецификой местности. Географические апеллятивы автор членит на четыре группы, которые в свою очередь подразделяются на многочисленные подгруппы: а) лес (гора); сюда относятся видовые термины – бор, дубрава, поросль и др.; б) безлесное пространство – лес, луг, остров, веретье и др.; в) болото-багно, волок, мох и др.; г) омут – яма, лужа [Толстой 1969].

А. К. Матвеев различает в субстратной топонимии пять групп географических терминов, которые по мере проникновения в русские говоры используются в роли топонимов или компонентов топонимов (детерминативов). Таким образом, схемы лексико-семантических классификаций географических терминов и номенов отличаются определенными расхождениями в интерпретации исходного топонимического материала. Эти расхождения не столь существенны, ес-

ли иметь в виду количественные характеристики, обусловленные конкретными исследовательскими установками, лингвистическими или географическими аспектами анализа апеллятивов.

Проблема классификации топонимов на современном этапе исследований продолжает оставаться одной из наиболее актуальных. Об этом неоспоримо свидетельствует целый ряд работ, появившихся за последние десятилетия, как в нашей стране, так и за ее пределами.

На передний план выдвигаются вопросы, связанные с выявлением системных связей и закономерностей, организующих топонимию. По замечанию В. А. Никонова, в центр внимания топонимики ставятся массово повторяющиеся явления [Никонов 1970]. Однако, по мнению ряда исследователей, создание единой универсальной классификации многопланового топонимического материала представляется маловероятным или невозможным [Мурзаев 1982].

О сложностях проблемы классификации английских топонимов свидетельствует отсутствие до настоящего времени единообразного подхода к ее решению. Прежде чем перейти к рассмотрению основных топонимических классификаций географических названий, приведем две наиболее известные схемы классификации топонимов, разработанные для изучения в Англии.

Структурная классификация топонимов, предложенная А. Х. Смитом, одним из крупнейших топонимоведов Англии, автором многотомного исследования по топонимике Йоркшира и словаря «Элементы английских топонимов», предполагает выделение трех основных классов: 1) простые названия, состоящие из одного слова, типа Dale, Lea, Sale, Bedevyn, Rise; 2) сложные названия, построенные по двухэлементной модели, где повторяющийся конечный элемент по своему происхождению относится к древним кельтским или германским языкам, а описательный элемент представлен нарицательным именем или собственным, гидронимом или топонимом (Acton, Winterton); 3) сложные названия, образованные при помощи аффиксации, где под аффиксацией А. Х. Смит подразумевает добавление лимитирующего определения, выраженного именем собственным или географическим термином (Thornton Watlass, Burton on the Hill) [Smith 1956].

Как видно из приведенной схемы, классификация А. Х. Смита базируется в значительной степени на данных морфологического и этимологического анализа исследуемых топонимов.

Свою классификацию английских географических названий Э. Экуол, известный шведский лингвист, излагает в предисловии к «Словарю английских географических названий» [Ekwall 1960]. Автор исходит из следующего принципа деления: названия, происшедшие от названий животных, растений, деревьев; названия, связанные с топографией местности, с охотой на животных и т. п.

Трудно полностью принять классификацию, предложенную Э. Экуолом, так как выбор слов, становящихся названиями, определяется не только и не столько природными условиями и физико-географическими объектами, сколько уровнем развития общества. Лексический состав названия, так же как и его

структура, исторически обусловлен. Систематизация же названий по принципу, предложенному Э. Экуолом, создает смешение различных исторических слоев.

Остановимся кратко на основных схемах топонимических классификаций, выдвинутых американскими учеными для исследования и систематизации топонимов Соединенных Штатов.

Один из наиболее ранних вариантов топонимической классификации был предложен Г. Л. Менкеном [Mencken 1957]. Г. Н. Менкен считает, что все географические названия можно подразделить на восемь классов:

- названия, связанные по своему происхождению с именами собственными (*Washington, Lafayette*), сложные названия, состоящие из комбинаций имени собственного с географическим термином или топообразующим суффиксом (*Pittsburg, Knoxville, Fort Riley, Hagerstown*);
- названия-переносы из других государств и районов страны (*New York, New Windsor, Yorktown*), то есть топонимы, образованные от других, ранее уже существовавших топонимов, путем добавления определений типа *new* (новый), *west* (западный), *north* (северный) и т. д., а также различных географических терминов или топонимообразующих суффиксов. К этому классу, по мнению Г. Л. Менкена, принадлежат и прямые переносы названий из других государств и штатов: *Baltimore* (название ледника на Аляске), *Princeton* (название пика в штате Колорадо), многочисленные названия типа *Rome, Alexandria, Troy, Bremen, Stockholm* и т. д.;
- все индейские названия, встречающиеся на территории США;
- названия испанского, французского, голландского, немецкого и скандинавского происхождения, т. е. все неанглийские названия, кроме индейских.;
- названия, источником создания которых послужили библейские образы и понятия: *Conception, Beulah, Canaan, Jordan, Sharon, Adam, Eve, Aaron, Job, Sodom* и др.
- описательные названия: *Bald Knob, Sandy Hook, Bull Run, French Lick, Eagle Pass*.
- названия, отражающие богатый животный и растительный мир страны, ее минеральные богатства: *Buffalo, Alligator, Rat Lake, Crawfish, Oil City, Bromide, Goldfield, Coal Run, Cement*.
- всевозможные причудливые, экзотические названия типа *Hell-for-Sartains, Undershirt Hills, Razzle-Dazzle, Cow Tail, Yellow Dog, Jump-Off, Poker City, Goose Hill, Skunktown, Pig Eye Lake, Hot Coffee, Burning Bear*.

Представляется интересной классификация географических названий, выдвинутая Д. Р. Стюартом [Stewart 1954], в основу которой положен анализ самого механизма образования топонима. Возникновение топонима автор связывает с различными психологическими процессами (*motives*), которые лежат в основе образования того или иного названия.

Отмечая, что «возникновение всех географических названий связано с одним психологическим процессом, а именно, с желанием определить данный объект для последующего отличия его от остальных объектов», Стюарт отмечает, что наиболее ценную информацию может дать исследование механизма от-

бора лексических средств для образования названий. В соответствии с этим Стюарт выделяет девять классов географических названий.

Описательные названия, в основе которых лежит «постоянная или изменяющаяся характеристика качеств определяемого объекта»: *Black Butte, Long Island, Crescent Lake, Granite Mountain, Roaring Run, Echo Rock, Stinking Spring, Bayport*. Сюда относятся и локативные названия (compass-point names): *North River, South Island* и т. п.

Притяжательные названия. Под этим общим заголовком автор объединяет три подгруппы:

- названия, в состав которых входят имена собственные: *Culpis Hill, Smith River*;
- названия, в состав которых входят этнические имена собственные: *Mohawk River, Chinese Camp, American Fork*;
- так называемые мифологические названия, связанные с предметами религиозного культа индейцев. В качестве примера автор приводит встречающийся в географических названиях индейцев племени Сиу элемент *wacan* (дух, призрак).

Названия, данные по какому-либо происшествию (incident names): *Hat Creek, Murder Creek, Earthquake Creek, Lightning Peak*. Сюда же Стюарт относит большинство названий, связанных с именами животных (*Wolf Creek, Antelope Creek*), и названия, генетически связанные с календарными праздниками (calendar names): *Independence Rock, Point Conception*.

Коммеморативные названия, охватывающие названия-переносы: *Cambridge, Athens, Corinth, Hector, Ulysses, Hesperia, Apollo, San Francisco, San Diego, San Miguel* и т. п.; и названия-посвящения, данные в честь выдающихся деятелей, святых.

Эвфемистические названия (euphemistic names), которые давались объектам (в основном, вновь заложенным населенным пунктам) в надежде на то, что они помогут создать городам лучшее будущее. Так, название *Athens* (Афины) часто использовалось в американской топонимии как символ культуры и просвещения. По этой же причине только что созданному городку давалось название *Wheatland* («пшеничная земля, просторы пшеницы»), хотя вокруг него еще лежала неспаханная прерия.

Искусственно созданные названия (manufactured names): *Say-brook* из имен *Say* и *Brook*; *Alicel* из *Alice L.*

В особую подгруппу автором выделяются так называемые пограничные названия (border names) – названия населенных пунктов, образованных путем сращения соответствующих названий граничащих штатов: *TEXARKANA < TEXAS + ARKANSAS*.

Названия, в основе которых лежит одно исходное название, перенесенное впоследствии на ряд близлежащих объектов. Так, от *White Mountain* образовались названия *White Lake, White River, Whiteville*.

Названия, образованные в результате ложного этимологизирования: *Caño Hueso > Key West, Chemir Couvert > Smackover*.

К последнему классу относятся названия, возникшие случайно в результате разного рода типографических ошибок и ошибок при переписывании, которые в дальнейшем закреплялись: *Tolo* (штат Орегон) из *Yolo*; *Darrington* (штат Вашингтон) из *Barrington*, *Plaski* (штат Техас) из *Pulaski*.

Заслуживает внимания предложенная П. Кук классификация географических названий по их языковому происхождению [Cook 1945]. Ее классификацию можно рассматривать как более детально разработанные пункты 3 и 4 схемы, выдвинутой Г. Л. Менкеном.

К основным недостаткам перечисленных классификаций относится, прежде всего, явное смешение семантического и грамматического планов, о чем писал В. А. Никонов: «Невозможна одна общая классификация, например, семантическая, словообразовательная. Семантические типы теснее связаны с социально-историческими условиями..., тогда как словообразовательные типы, прежде всего, зависят от строя языка...» [Никонов 1974].

Слабой стороной классификаций Менкена и Стюарта, является то, что их явная ориентация направлена только на описание происхождения подлежащих исследованию топонимов. Словообразовательный анализ рассматриваемых топонимов оставался, как правило, за пределами исследования. В. Н. Топоров отмечая сходство подобных классификаций, независимо от территории, к которой они относились, пишет, что при таком подходе «получается более или менее значительный остаток неясных форм, неразрешимых в рамках выбранной классификации (естественная ситуация, когда речь идет об этимологии)» [Топоров 1962].

Взгляды отечественных топонимистов по вопросу классификации топонимов отличаются большей последовательностью. Многие из них, признавая важность семантического анализа топонимов, приходят к выводу, что основополагающей топонимической классификацией должна стать классификация, построенная на анализе формы топонимов. Так, А. И. Попов, анализируя различные виды семантических классификаций (разделение названий на группы по происхождению от природных данных местности, от личных имен, от профессий и занятий жителей, от исторических событий и т. п.), отмечает, что выводы, полученные с помощью таких первичных приемов, очень ограничены и редко приносят богатые результаты. Подчеркивая необходимость проведения языковедческой работы с топонимами с учетом данных истории и географических показателей, А. И. Попов в то же время склоняется к мысли, что выделение «таких массовых явлений в топонимике, которые покажут явное типологическое...сходство с фактическими данными каких-либо известных языков», является господствующим методом при составлении топонимической классификации. Данный метод, основан на массовом рассмотрении корневых основ названий, а также на изучении «формантов» в названиях однородных по характеру географических объектов [Попов 1973].

Привлекает своей оригинальностью группировка названий по соотносительности с называемыми объектами и по степени номинации, предложенная А. В. Суперанской. Автор выделяет непосредственные топонимы, отражающие какие-либо черты, присущие объектам, и опосредованные, т. е. не дающие ника-

кой географической характеристики объектов. По степени номинации А. В. Суперанская делит топонимы на первичные, происходящие непосредственно от имен нарицательных, и непервичные, восходящие к другим собственным именам. Сочетая эти две характеристики, автор получает четыре типа названий, каждый из которых обладает отличительными особенностями и дается определенным категориям объектов [Суперанская 2002].

А. В. Суперанская отмечает, что подход к материалу и методы его изучения, а также глубина охвата будут различными в зависимости от принадлежности названий к определенным языкам, территориям, хронологическим отрезкам и т. д. Предложенные ею типы классификаций ономастического материала представляются нам наиболее исчерпывающими. Они включают: 1) классификацию имен в связи с именуемым объектом; 2) естественно возникшие и искусственно созданные имена; 3) классификацию по имени «микро» – «макро»; 4) структурную классификацию имен; 5) хронологическую классификацию; 6) классификацию имен в связи с их мотивировкой и примыкающую к ней этимологическую классификацию; 7) классификацию имен в связи с объемом закреплённых в них понятий; 8) классификацию в связи с дихотомией язык – речь; 9) стилистическую и эстетическую классификацию.

Общим недостатком классификационных схем (не только выдвинутых американскими топонимистами) является, по словам Э. М. Мурзаева, невозможность уложить в прокрустово ложе все разнообразие географических названий. В хронологическом аспекте любая топонимическая система и архаична, и современна, она неповторима и обнаруживает черты сходства, так как основные отправные положения номинации географических объектов оказываются очень близкими во всем мире [Мурзаев 1995]. Разделяя мнение о том, что создание единой классификации для всех географических названий какой-либо территории вряд ли возможно, мы считаем целесообразным провести исследование английских топонимов по двум направлениям, а именно, посвятив его словообразовательной и семантической морфологии, рассматривая основы географических названий и модели, по которым образуются топонимы.

Распределение топонимов по типам субъективно и условно. Это связано со сложностью выделения объединяющего семантического признака. Функционирующая в роли названий номенклатурная лексика состоит из номинативных единиц, стандартных, общепринятых в литературном языке, и локально ограниченных, характерных для тех или иных местных говоров ср.: *лес-урман, болото-мочаг, село-новоселки*. Аналогичные отношения прослеживаются при взаимодействии собственно русских и заимствованных из угорских и тюркских языков топонимизированных апеллятивов [Лабунец 2007. Алишина 1994].

Лексико-семантические группы (ЛСТ) наименований, имеющих опосредованные и непосредственные внутренние взаимосвязи, позволяют в отдельных случаях допускать возможность вхождения одного и того же имени в разные лексико-семантические типы. Фактический материал на русском языке изъят из картотеки кафедры общего языкознания Тюменского государственного университета, материалы частично использованы Н. К. Фроловым в монографии

§ 2. Разряды ойконимических объектов и их семантика

Семантический тип «селение, жилье, строение» представляют отопелятивные топонимы, восходящие к узуальным и диалектным номенам. В системе языка такие наименования функционально близки исходным ИН, тогда как в системе речи они гипертрофированно номинативны и выступают в роли конкретного адресата объекта.

Семема **бутырки** (ДТС — «изба, жилище, дом на отшибе»; МГТ — «отдельное жилье, дом на отшибе»; местн. «выселок») представлена в топонимических семах: *Бурки, д., оз., Бутырское, д., с.*

Семема **заимка** (ДТС — «займище; место, занятое под распашку, расчистку»; МГТ — «небольшой охотничий или рыболовецкий поселок»; загородный дом, дача, имение, поместье»; ФЭС — «недавно заселенный участок земли»; подготовленное под пашню поле», «запруженная часть реки»; местн. «небольшое селение, отдельная усадьба») реализуется в топонимических семах: *Заимка, д., Новозаимка, д., Старая Заимка, д.*

Семема **одина** (ДТС — «односелье, поселок в один двор», МГТ — «одинокое жилище, маленькая деревушка»; местн. «усадьба, группа домов на отшибе, окраина села») включает топонимические семы типа *Одина, д., Одина-барсук, д., Одино, д., Одино-Свистуха* — всего около 100 наименований. Топонимизированные апеллятивы — амбар, база, балок, барак, будка, волость, выселок, городище, деревня, зимовье, казарма, крепость, кордон, лабаз, монастырь, погост, починок, село, слобода, хутор встречаются реже.

Семема **погост**: др.-рус. «поселок, приход, церковь с кладбищем»; «подворье, постоянный двор» — ФЭС, ДТС: *Погост, уроч., Погост (Бобровка), сел., Старый Погост, д., Преображенский Погост, д.* («погост» в местных говорах постепенно заменяется номеном «кладбище»).

Семема **село**: «деревня с церковью» — ДТС; «поле, земельный участок», «большое крестьянское селение»: *Село, пос., Сельцо, д., Новое Село, д.*, номен «село» постепенно уступает место номену «поселок»: *Заречный Поселок.*

Семема **слобода**: др.-рус. «слобода — поселок, пригород» — ФЭС; «пригородное селение, где больше одной деревни» — ДТС; местн.: «большое село, куда входили близлежащие деревни»: *Слобода, сел., Слободская д., Слободской, пос., Слобода Беляковская, с.* Термин относится к числу архаичных и не образует новых названий.

Семема **хутор**: «заимка, ферма» — ДТС; «обособленный земельный участок с усадьбой владельца» — СРЯ; местн.: «то же, что и заимка»: *Хуторки, д., Хутор, д., Большой Хутор, д., Герасимов Хутор, д.*

Менее регулярно представлены топонимизированные апеллятивы в роли ойконимов, имеющие общее значение «поселение на месте временного жилья, хозяйства, укрепления». **Амбар**: строение для хранения хлеба» — ФЭС, СРЯ: *Казенный Амбар. База* — местн.: «складские помещения»: *Исетская база, сел. Стеклобаза, пос., хутор: Склад, Нижний Склад, Верхний Склад, пос. Балаган: —*

«околица, где временно проживают переселенцы, деревянные постройки для торговых целей»: *Балаган, д. Батени* – местн.: «Основное селение по отношению к выселкам, хуторам»: *Батени, д. Богодельня* – «благотворительное учреждение для инвалидов» – ДТС, местн.: «дом престарелых»: *Богодельня, сл. Волость* – «погост, селение, округ деревень» – ДТС; «единица административного деления» – СРЯ; *Белогорская Волость, с., Волостная, д. Зимовье* – местн.: «домики для промысловиков (охотников, рыболовов, лесорубов)». *Изба* – местн.: «временное жилье для промысловиков». *Крепость*: *Крепость, д. Кордон* – местн.: «избушка, где живут лесные сторожа»: *Курган* – «могильник, холм, крепость» – ФЭС, ДТС; *Курган, д.*

Починок – «новая пашня, новое селение, выселок» – ДТС, ФЭС, местн.: «новоселок, усадьба с пашнями и сенокосами»; термин использовался широко в сочетании с антропонимами: *Завьяловский Починок, Починок Архипова, сел.*

В английском языке семантический тип «селение, жельё, строение» выражен формантами *burg/burgh/brough/ton/ington/ham/by*, напр.:

Conisbrough – город, означает поместье короля: E Conis ← ON Konungtr (король) + E brough ← OE burg (поместье). Док. 1002: Cunungesburh

Fraserburgh – рыбацкий город, порт: E burgh ← OE burg Док. 1592: burgum de Fraser (Александр Фразер, построивший гавань).

Irthlingborough (Northamptonshire): Irthling (место людей Иртли)+borough (укрепление, форт). Док. 780: Irtlingaburg.

Glastonbury – город из стекла: E glas ← Welsh glaslys (синиль, растение из семейства капусты, из которого производят краску)+ton (город). Позднее добавлен OE burg (форт). Док. 800: Glestingaburg.

Kingsbury – королевская усадьба, подаренная Эдварду исповедником Вестминстерского Аббатства: King's + bury (усадьба). Док. 1044: Kynges Byrig.

Musselburgh – город мидий: E Mussel (мидия) + burgh (город). Док. 1100: Muselburge.

Naseby – фортифицированное место: Наза (ИС) + ON by (деревня) ← OE burg. Док. 1086: Navesberie.

Roxburgh – юго-запад деревни KELSO, административный округ: Hroc's' + burgh (город). Док. 1127: Rokisburc.

Shoeburyness – мыс Шобури: OE scēo (кров, приют, защита) + burg (укрепленное место) + næss (мыс). Док. 894: Sceobyrig.

Shrewsbury (Shropshire) Док 1016: Scrobbesbyrig: OE burg + scrubb (лесной район). Док. Salopesberia 1156, Shrobesbury 1327 и Shrovesbury 1346.

Shropshire (Англия) - деревня в восточных Центральных районах (Midlands), граничит с Уэльсом. Название происходит от Шрусбери (Shrewsbury). Док. 1006: Scrobbesbyrigscir.

Newburgh – новый город. Док. 1130: Novam Civitatem

Newbury – новый город: bury ← OE burg (город) Док. 1431: Neweburgh

ton

Crediton (Девон) - древний маленький город на реке Creedy. Док. 930: Cridiantune.

Crompton (Greater Manchester): OE crumb (изогнутой) + tun (ферма, деревня). Crompton – поселение на изгибе реки.

Dalton (Камбрия) - деревня в долине: OE dal (долина) + ton.

Dulverton – деревня с тайным бродом: Digol (скрытый) + ford (брод) + tun (деревня). Док.: Dolvertune

Darlaston (Уэст-Мидлендс) - деревня Деорлафа. Док. 1262: Derlaveston

Eccleston (Lancashire) - город в графстве Ланкашир: деревня с церковью. (Eccle- ← egles (христианская церковь) + ton ← OE tun (деревня). Док. 1094: Aycleton

Edgbaston (West Midlands) - округ Бирмингема: Edgb- ← OE Ecgbald (ИС) - Большой Меч + ton ← OE tun (ферма). Док.: Celboldestone

Eton (Berkshire) - город в Беркшире, знаменитый своей частной школой: деревня на реке E- ← OE ea (река) + ton ← OE tun (деревня, ферма). Док.: Ettone

Galston - деревня незнакомцев: Gaelic gall (незнакомец) + OE tun (деревня). Док. 1260: Gaulston

Euston (Greater London) - округ Лондона: Eu- ← Eof (ИС) + ton ← OE tun (деревня). Док.: Eustona

Evanton (Highland) - деревня в Шотландии, название в честь основателя – Ивэна Фрейзера из Бэлкони в начале XIX века.

Everton (Merseyside) - округ Ливерпуля: Ever- ← OE eofor (дикий вепрь) + ton ← OE tun (деревня).

Gormanston - ферма сыновей Горман:

Girton – деревня: OE grēot → gīr (гравий, совр. – песок) + tūn (ферма, деревня). Док. 1060: Gretton

Hoxton (Greater London) – ферма Хока. Hoxheston – Hoxton.

Milverton: имя собственное Myln + ford (брод) + tun Док. 917: Milferton

Neston – ферма на мысу: OE ness (мыс) + OE tun (ферма) Док.: Nestone

Okehampton (Devon) - торговый город на слиянии рек East и West Oke-ment: Oke + hamp + ton.

Orpington (Greater London) - деревня людей Orpeds: Orp (ИС) + ing (люди) + ton (деревня). Док.1011: Orpedingum.

Royston (Hertfordshire, South Yorkshire): Roys (ИС) + OE tun (village) или возможно stan. Док.: Rorestone.

Royton (Greater Manchester): E rye (рожь) + tun (ферма). Док. 1226: Riunon.

Rustington (West Sussex) – ферма людей Rusta (прозвище рыжеволосого человека). Док. 1185: Rustincton.

Ryton (Tyne and Wear) - город на р. Тайне – к западу от Ньюкасла (ферма по выращиванию ржи). Док. 1183: Ritona.

Shepperton (Surrey) - деревня пастухов: OE scēaphierde (пастух) + tun (ферма, деревня). Док. 959: Scepertun.

Shepton Mallet (Somerset) - ферма по разведению овец: OE scēap (овца) + tūn (ферма). Док. 1227: Sheopton Malet.

Shotton (Clwyd, Durham) – шотландская деревня, альтернативное значение «ферма у крутого склона»: OE Scot (склон) + tūn. Док. 1165: Scottun.

Stratton (Cornwall) - Римская Галлия: OE tun (деревня) + strath (дорога). Название может звучать как STRATFORD (у римской дороги). Док. 880: *Strae-neat on Triconscire*.

Storrington (West Sussex) - маленький городок к юго-востоку PULBOROUGH, OE *ington* встречается в названиях многих деревень: *Sullington, Washington, Ashington*. Док.: *Storgetune*.

East Linton (Lothian) - город в графстве Лотиэн: Lin ← OE lin (лён) + ton ← OE tun (община, деревня). Док. 1127: *Lintun*

Kenington - ферма людей Кена: Cēna (ИС) + ingtūn (OE). Док. 821: *Chenitun*.

Congleton - город у подножия холма Conkhill. Док. *Cogleton*: E leton ← OE hyll + tun.

Cleckheaton, High town - ферма на возвышенности. Ср. *Kirkheaton* - церковь на возвышенности. E high ← OE hēah + E ton ← OE tūn. Док.: *Netun*. Позднее добавляется признак ON: *Klakkr* (небольшой холмик).

New Brighton - светлый город: New + bright (светлый) + E ton (город).

Newington - новая ферма, город: OE *niwe* (новый) + *tune* (ферма). Док. 1325: *Newington by Southwark*

Newton Abbot - новый торговый город: New + OE *tune* (ферма).

Newtongrange - новое зернохранилище, город: New (новый) + OE *tune* (ферма, деревня) + *grange* (усадьба, зернохранилище)

wich

Goodwick - пригород рыбацкого поселка: OE good ← ON *góthr* (хороший) + OE *wic* (причал). Док: *Wdig*.

Greenwich - зеленая гавань: E green ← OE *grene* + E *wick* ← OE *wic* (гавань, порт). Док. 964: *Grenewic*.

Lerwick: ON *leigt* (грязь) + ON *vik* (залив). Док.: 1625.

Droitwich - место солевых работ: *Drit* (грязь) + *wich* (солевые работы). Док. 1347: *Droitwich*

Dulwich - болотистая земля, где растет укроп: *Dile* (укроп) + *wisce* (болотистый луг). Док. 1277: *Dilwish*

Gatwick - ферма по разведению коз: *gat* (козел) + *wic* (ферма)

Nantwich - знаменитая солеварня, город: ME *named* (знаменитый) + OE *wic* (специальное место). Док. 1194: *Nametwich*.

Norwich: Northern (северный) + *wic* (город, порт). Док.: *Noruic*.

Elswick (Tyne and Wear) - юго-западный район Ньюкасла: Els- ← Aelfsige (ИС) + *wick* ← OE *farm* / (ферма). Док. 1204: *Alsiswick*

by

Crosby (Merseyside) - город в устье МЕРСИ: ON *cros* (крест, пересечение) + *by* (деревня).

Crossmaglen (Armagh) - пограничный город к юго-западу от НЬЮРИ: IRISH *cros* (перекресток) + *Maglen* (ИС).

Golspie - скандинавское ИС *Gold* + *by* (ферма). Док. 1330: *Goldespy*

Oadby (Leicestershire) Authis (ИС) + ON by (деревня, село). Док. 1199: Otheby.

Rugby (Warwickshire) – известный город к востоку от COVENTRY, первоначально: Rockbury. Док.: Rocheberie. OE burg (форт).

Swanscombe – промышленный запад города GRAVESEND (область herds-men's). Док. 695: Suanescamp.

West Kirby (Merseyside) West – западный, Kirby – деревня с церковью; Док.: Kirby.

Golspie – рыбацкий городок. Док. 1330: Goldespy. Происходит от скандинавского Goldsby, где ON by (ферма) + Gold's (имя собственное).

Grimsby: Док. Grimesbi: E Grims ← O Grimes (ИС) + E by ← ON bi (поселение). Cp. Grimestrope, Grimston

stoke/stoc/thorpe

Basingstoke: Basa (ИС) + ing + E stoke ← OE stoc (место, вторичное поселение). Док. X в.: Basinga stoc

Cleethorpes – деревеньки на глиняной почве: E Clee ← ON clay (глиняное место) + E thorpes ← ON thorp (деревенька).

Calstock – порт: Cal (ИС) + stock (вторичное поселение). Док.: Galestoch

ham

Buckingham – земля у реки, принадлежавшая народу Бака: Buck + ing (народ) + ham (долина). Док. 918: Buccinghamme.

Cheam (р-он Лондона) – композит, состоящий из 2-х элементов: OE seg (пень дерева) + OE ham (деревня). Док. 675: Cegeham, 1722 Cheham.

Clapham – деревня на возвышенности: E clap ← OE clor (бугор) + ham (деревня). Док: Clopeham

Faversham – деревня кузнецов: E faver ← OE fæver ← Latin faber (кузнец) + E ham ← OE ham. Док. 811: Fefresham

Downham – деревня на холме: Dun (холм) + ham (деревня). Док. 1110: Dunham

Mitcham: Micel (большой) + ham (усадьба).

Much Hadham – усадьба Хада. Док. 1257: Neuton Macreffeld.

Needham Market – усадьба необходимых товаров, город: OE ned (нуждаться) + ham (усадьба). Док. 1511: Nedeham Markett.

Oakham (Leicestershire) – город, прежде графство (луга реки Occas). OE Ham (пастбище на берегу реки). Док. 1067: Ocham.

Sheringham (Норфолк) – прибрежный курорт к северу от Норвича (Norwich), название означает «усадьба людей Сцира (Scīra's)»: OE hām (усадьба) + ng (люди). Док.: Silingeham.

North Walsham: North (север) + Walsh's (ИС) + homestead (усадьба). Док.: Walsam.

Общий список формантов представлен в таблице 1:

Таблица 1

Семанти- ческий тип «селение, жильё, строение»	римский лагерь	chester	Silchester, Lanchester, Grantchester
	римская крепость, город	caster	Leicester, Lancaster
	замок	castle	Newcastle, Corfe Castle
	форт, круглое укрепление	ker, caer	Kerrier, Caernarvon, Caerphilly
	порт, залив	wick	Greenwick, Horwich, Lerwick, Good- wick, Sandwich
	вход, ворота	port	Gosport, Cinque Port
	город, усадьба	bury	Ledbury, Kingsbury
	укрепление, порт	burgh	Leverburgh
	поместье, укрепление	brough	Jedbrough, Conisbrough
	укрепление, форт	borough	Irthlingborough
	огороженное место	worth	Letchworth, Faisworth, Cudworth, Brockworth
	вторичное поселение	stroke	Basingstoke, Calstock
	деревушка, вторичное посе- ление	thorpe	Cleethorpes, Crowthorpe, Grimesthorpe
	камень	stone	Silverstone, Dalston, Darlaston, Led- stone
	ферма, владение, посёлок	ton	Huyton, Leighton, Crompton Hanting, Hoxton, Leyton, Leiston, Kington, Kimbolton
	город		Silvertown, Culmtown
	поселение племени	ington	Kennington, Leamington, Islington
	деревня	by	Crosby, Grimsby, Golspie
	поселение	set	Dorset, Somerset
	деревня	ham	Durham, Ledsham, Dedham, Dagen- ham, Lewisham, Faversham
	поселение	ingham	Immigham, Ickenham, Clamham

Таким образом, к семантическому типу наименований с обозначением «се-
ление, жильё» относятся географические термины и номены, выступающие в
роли названий населенных пунктов.

Группа раритетных номенов (всего 30), обозначающих первоначально хозяйственные сооружения, ориентиры, прочие строения, соответственно исчисляются 52 названиями. Будучи стилистически нейтральными в своем исходе, такие трансномизированные в результате метонимии названия приобретают иногда в литературном языке негативную коннотацию, выступая в качестве названий-уродцев, хотя в речи жителей данных населенных пунктов пейоративный подтекст названия обычно стирается. В хронологическом отношении можно отметить не значительную трансформацию семантики терминов деревня, слобода, село, починок, хутор, поселок и др.

В английском языке преобладают названия поселений, включающие антропонимы (собственность+имя владельца). Имеется разделение на основные и вторичные строения, ближние и дальние. Названия крепостей, замков, усадеб являются заимствованиями из латинского, скандинавского и германских языков, в частности, *burgh/bury/borough* (город), *chester/caster/castle* (крепость).

§ 2.1. Отантропонимные и отэтнотонимные наименования — посессивы

Лексико-семантическая группа посессивы отличается от всех предыдущих прежде всего тем, что представляет собой отономастический класс названий, в основу которого положено собственное имя человека, а также этническое имя, традиционно и не совсем правомочно относимое к числу апеллятивов. Генетическая связь восточнославянских топонимов с антропонимами прослеживается со времени доклассового общества, когда происходит формирование славянских племен и последующее за ним возникновение отэтнотонимных и отантропонимных названий, патронимов и прозвищ. С. Роспонд отмечает постепенное отмирание древнерусских посессивов, на их интенсивное образование с XII в. атрибутивных топонимов на *-ов*, *-ин*. Посессивные названия возникают, во-первых, от исконно русских имен личных в их полной и демуниативной формах и, во-вторых, от личных имен, заимствованных в историческое время или принадлежащих иноземцам [Роспонд 1972].

По мере развития феодально-владельческих тенденций в эпоху Московской Руси антропотопонимический тип названий становится ведущим в системе русской топонимии. Экспансия западносибирских земель в конце XVI в. и их интенсивное освоение привело к появлению большого числа принадлежностных названий. К тому времени русская антропонимическая система вступает в полосу внутренних трансформаций: изымаются из официального употребления русские автохтонные личные имена, взамен которых используются заимствованные календарные, некалендарные имена трансформируются в прозвища и семейные названия, которые позднее закрепляются в роли современных фамилий. Семантика посессивных названий имеет прямое отношение к неоднородным классам имен — каноническим и неканоническим в их полной (литературной), демуниативной (разговорной) формах, к прозвищам и прозваниям.

Семантическая интерпретация такого рода топонимов сталкивается с трудностью установления конкретного этимона и зачастую зависит от достоверности источника. Более надежны в этом случае данные полевых записей, писцо-

вых книг и судебных документов, в которых нередко раскрывается возникновение названия; менее содержательны списки населенных мест, карты, памятные книги, в которых лишь методом допустимых аналогий можно реконструировать этимон [Фролов 1991]. Некоторые попытки описания региональной антропотопонимии уже предпринимались отечественными ономастами, хотя комплексного исследования не проводилось. А.С.Кривошекова-Гантман определяет группы региональных антропотопонимов, используемых в различной огласовке в русской и нерусской языковой среде [Кривошекова-Гантман 1974]. Наш материал показывает исключительную продуктивность топонимических дериватов, восходящих к именам собственным: личным, патронимическим, прозвищам и фамилиям [Фролов 2005, т. I].

При семантической интерпретации региональной группы антропотопонимов необходимо принимать во внимание, во-первых, позиции посессивных названий в процессе становления топонимической системы, во-вторых, внутреннее взаимосвязи антропонимов в их диахронии, в-третьих, общерусские и локальные тенденции взаимодействия топонимо- и антропонимических систем, случаи использования готовых топомоделей, регенерирующих традиционно русские и заимствованные, а также эндемические наименования, и, в-четвертых, специфику ономастической метонимии. Семантическое распределение материала по конкретным рубрикам обуславливается структурными особенностями континуума словообразовательных моделей.

Семантический тип **название от мужского (женского) личного имени** конденсирует круг семем, значение которых раскрывается в посессивных названиях, соотносимых с аффиксально не переоформленными личными именами в их полной и деминутивной форме, напр.: семема христианское полное личное имя: *Борис, р., Ермак, оз., Светлана, р.* Семема неканоническое личное имя отражает круг антропотопонимов в основном XVII столетия: *Безсон – Безсонка, д., Богдан – Богдана, д.*

В отдельную группу следует выделить наименования, возникшие на базе нерусского именника, но образованные по правилам русских антропонимов. Среди них преобладают тюркские личные имена, используемые татарами, включая русско-татарские национально смешанные семьи: *Матмас – Матмасы, д., Турай – Тураева, д.* [Алишина 1994].

Семантический тип **патронимическое (матронимическое) имя** состоит из семем, отразивших в принадлежностных топонимах особенности русского именника в дофамильный период, когда общее семейное наименование – отчество указывало имя родоначальника семьи, которое одновременно выступало в роли ойконима. Грамматически географические названия оформлялись посредством генетивных формантов *-ова, -ина, -овский, -инский, -ий, -ой*, согласуясь с предшествующим номеном. Названия этого типа относятся к числу первообразных и наиболее ранних, хотя их семантико-словообразовательные модели используются в качестве эталонов и в последующие периоды, что создает исключительную сложность при разграничении отпатронимических и отфамильных дериватов. Одним из достоверных критериев такой дифференциации являются документальные свидетельства.

Семема отчество с основой от календарного имени: д. посадского человека Селиванки Алферьева – отец Алферий Васильев, д. пашенного крестьянина Евси Демьянова сына Ельчина (Демьяновская); д. Рафайлова (Рахвалова Ивашки) [Парфенова 1974]. В полевых материалах патронимическое имя, особенно при обозначении микрообъектов, выступает как в сочетании с личным именем: р. Ивана Ивановича, б. Ивана Яковлевича, руч. Ивана Ильича, так и автономно: Артемичев колодец, Феофаныча избушка, Сазонычев клин.

Семема отчество с основой от прозвищного имени: Баландина Игнашки, д., – отец его ... Баланда, крещеный калмык, Зяблова, д., – отец его посадский человек Макашка Зяблой [Парфенова 1994].

Семантический тип «отфамильное название» состоит из семем, содержание которых раскрывается в ходе исторического формирования посессивных топонимических моделей. По значению основ фамилии обычно делятся на отыменные (прозвищные, патронимические), делокальные (земляческие), а также искусственно созданные.

Семема отфамильные онимы представлена двумя группами названий: а) с основой от канонического личного имени, б) с основой от славяно-русского личного имени. Первая группа отфамильных топонимов, в свою очередь, отличается разнообразием моделей производящих основ, восходящих к именам в их полной и усеченной (в т.ч. суффигированной) формах с формантами *-ова, -ева, -ина, -ово, -ево, -ино, -овка, -евка, -инка, -овский, -овских, -евских, -цкий, -цких, -ий* и др.: *Абрамова, д., Александровка, д., Петровщина, д.* Названия гидрографических и прочих объектов с аналогичными основами менее распространены, будучи главным образом вторичными, перенесенными.

Вторая группа отфамильных названий имеет отношение к нехристианским именам, которые воспринимаются в качестве личных вплоть до XVIII века. Проблематичным является разграничение сходных по семантике и структуре отфамильных и отпрозвищных названий, хотя антропонимические исследования последних лет дают некоторую возможность установить различие функций фамилий и прозвищ на разных этапах их взаимодействия и места в составе именника: *Баландина, д., Бабина, д., Барневка, с.* [Парфенова 1994:164].

Семантический тип отпрозвищное название объединяет семемы, структурно идентичные рассмотренным выше. Положенные в их основу названия лишь частично отражают семантическое многообразие прозвищ. Прозвища начального периода формирования русского литературного языка по функциональным признакам идентифицировались с личными именами (Шумилко), патронимами (Шумилин, Шумилов), с катойконимическими и этнонимическими семейными прозваниями (Вычегжанин, Чусовитин, Калмыков, Черкашенин), а также с именами-кличками (Белой, Орало, Севрюк). В современном русском языке прозвища – это добавочные к личному имени (отчеству, фамилии) неофициальные, обычно нежелательные имена, которые распространяются либо на одного или нескольких членов семьи, либо на отдельную семью или группу родственных семей, либо на жителей одного или нескольких населенных пунктов [Подольская 1988].

Если в системе антропонимии прозвищные имена, претерпев изменения, сохраняют относительную стабильность, то их участие в топонимических процессах носит как в прошлом, так и в современном топонимообразовании случайный характер.

Семема прозвищный топоним-посессив реализуется в названиях в основном позднего периода, донесших до нас разнообразные по семантике прозвища: *Булаша, д., Бурнаша, д., Каршина, д.*

Семема прозвищное название катойконимического происхождения: *Коломенца, д., Пинегина д.*

Подобные названия помогают восстановить связь с топонимией соседних регионов. Лежащая на поверхности та или иная топонимическая сема отражает внутренние смысловые отношения хоронимии, катойконимии и антропонимии. Суммарность коннотаций позволяет допускать наличие экспрессии (метафоры, метонимии) в топонимах типа *Азия (офиц. Шаньгина-Татарская), д., Воркута, д., Жигули, д., Камчатка, оз.*

Семема отэтнонимное прозвищное название имеет отношение к прозвищам в силу того, что мотивировка топонимической номинации обусловлена фактором, дифференцирующим происхождение имени по национальному признаку его владельца: *д. служилого человека Зыряна, д. посадского человека Митьки Зырянина, Мансийский, пос.*

Число прозвищных наименований резко возрастает при их переносе по мере освоения новых территорий на другие объекты, с характерными маркерами *нов-, нижн-, верхн-, средн-, мал-, больш-.* Этим самым удается избежать одноименности, возникающей в результате метонимии.

Семема оттопонимное название отличается тем, что концентрирует «усеченные» топонимообразования. «Прозвищность» такого рода названий порождается фонетическим воздействием сходных антропонимических и апеллативных деминутивов, а само усечение обуславливается экономией коммуникативных языковых средств в живой речи. Формирование мотивировки вторичных топонимических моделей протекает по мере перестройки первичных структур, что нередко приводит к переосмыслению исходного значения наименования: *Байкал, д., (Байкалово, д.), Батрак, с., Бегуны, д., Бегуново, д., Беляк, оз.*

Топонимические трансформации подобного плана имеют гораздо большее распространение в сфере ойконимии, нежели среди других ономастических классов. Функционирование прозвищных оттопонимических названий в литературном языке обеспечивается исключительным влиянием стихии разговорного языка с характерной для него эллиптичностью. В английской топонимии посессивные названия – самые распространённые – объединяют имя владельца (либо прозвище) и собственность (земля, жилье). **land:**

Cumberland (England): Cymry + land – земля уэльса (Cymry – соотечественники).

Rutland (Leicestershire) – название прежней самой маленькой британской деревни сохранено в современном административном округе в восточном Лейкестершире, также в Ратленд Вотер (Rutland Water), водохранилище к востоку

от Стамфорда (Stamford). Название означает «имущество Rota (Rōta) + OE (land). Док. 1060: Roteland.

Shetland (Шотландия) - северная группа шотландских островов: Normann hjalt (рукоятка) + land (земля).

Westmorland (England) - западная страна мавров (moor – мавр). Док. X в.: Westmoringland (западная земля людей Мора).

Northumberland: Northern (северный) + Humber (ИС) + land (земля, страна). Док. 867: Northhymbre, 895: Northhymbraland.

Система современных английских фамилий складывалась на протяжении многих столетий и своими корнями уходит в далекое прошлое. Она тесно связана с историей страны, народа и историей английского языка. Уже в письменных памятниках IX – XII вв. (Domesday Book (1085 – 86) – кадастровая книга, свод материалов всеобщей поземельной переписи в Англии на латинском языке; содержит исключительно ценные сведения об английском антропонимиконе на рубеже древнеанглийского и среднеанглийского периодов развития английского языка) встречаются прозвища крупных и мелких землевладельцев, должностных лиц графств, представителей духовенства и других слоев населения. В сводах законов и грамот, в судебных архивах, в монастырских книгах записей (картуляриях) и в других документах того времени, составленных на средневековом латинском языке, а позднее, в XII – XIV вв., и на французском языке, прозвища записывались рядом с личными именами и указывали, главным образом, на место жительства или рождения именуемых лиц, на место их земельных владений или угодий, на родственные отношения и на род занятий.

В период развитого феодализма (конец XI – XV вв.) в Англии складывается централизованная феодальная монархия, быстро растут города, ремесла и торговля, развиваются товарно-денежные отношения и рыночные связи. В этот период значительно возрастает социально-различительная функция прозвищ, увеличивается удельный вес прозвищ, заключающих в себе явные или скрытые насмешки, иронию, шутку, различные эпитеты. Иногда писцы, по-видимому, сами придумывали некоторые прозвища и переводили их с английского языка на латинский и французский языки и наоборот. Эти прозвища были непрочными, эфемерными приложениями к личным именам и, как правило, не переходили от отцов к детям, т.е. не были наследуемыми.

Значительное влияние на образование английского литературного языка, главным образом, на его лексический состав, как известно, оказали латинский язык, скандинавские диалекты и французский язык. Современный английский антропонимикон сохраняет следы взаимодействия родственных древнеанглийских и скандинавских диалектов (IX – XI вв.). Сравним фамилии с древнеанглийскими этимонами BAXTER, BRADLEY, FATT, MERRY, PINK, SHARP и фамилии с древнескандинавскими этимонами ASHKETTLE, ASKWITH, KETTLE, THOROLD и др. После Нормандского завоевания Англии (1066), в период булингвизма английский антропонимикон претерпел радикальные изменения, его состав значительно увеличился за счет французских заимствований. До наших дней сохранились фамилии, образованные от французских топонимов:

AGUILAR, BASKERVILLE, BAYARD, CHEEVER, CORBET, COURTENAY, DEVEREUX, EVEREST, MONTAGUE, RUSSELL и др.

По мнению автора словаря английских фамилий, включающего более 20 000 единиц [Рыбакин 2000] английские прозвища можно разделить на следующие основные классы:

1. Оттопонимные прозвища: название графств, провинций, городов, деревень, земельных угодий, лесных участков, полей, холмов, бродов и других микротопонимов. Например: Oswig aet Aethelington (около 980), Aelfweard aet Langadune (около 1050) > LONGDEN; Richard de Cestersir (1212) > CHESHIRE; Hugo de Montgomeri (1086) > MONTGOMERIE, MONTGOMERY; Rogerus de Berchelai (1086) > BERKELEY, BERKLEY и др.
2. Отантропонимные прозвища, образованные от личных имен и их дериватов, а также от сочетаний личных имен и их дериватов с терминами родства: сын, дочь, брат, сестра, внук и др. В документах XI – XIV вв. наряду с древнеанглийским термином родства *sunu* > среднеанглийским *son* – сын встречается латинский *filius*, старофранцузский (*le*) *fiz*, *fitz* – сын. Например: Aelfic Aelfwines sunu (2-я половина X в.), Richard le Fitz Joan (1327), Robert Johns (1327), Wautier Jonesone (1296) > John, Johns, Johnes, Johnson, Jonson; Richard Janekyn (1296), William Jankins (1327) > Jenkin, Jenkins; Rauf le fuiz William (1299), Henry FitzWilliam (1300), Arnald Williamssone (1360) > WILLIAM, FITZWILLIAM, WILLIAMSON и др.
3. Прозвища-эпитеты, образованные от имен нарицательных, не входящих в топонимическую и антропонимическую лексику: борода, боров, козел, жаворонок, дятел, кузнец, барон, смелый, дикий и др. Например: Aelfsige mid tham Berde (около 1100 – 30), Alwine bierd (1148) > BEARD; Ailmar Bar (1087 – 98), Robert le Bor (1287) > BOAR; Lefuine Barun (около 1087 – 98), Geoffrey le Barun (1236), John Baron (1296) > BARON, BARRON; Uluricus Wilde (1086), Henry le Wylde (1236) > WILD, WILDE и др.

В составе прозвищ-эпитетов по лексическому значению исходных форм можно выделить несколько подгрупп прозвищ, а именно:

- прозвища, указывающие на внешний вид именуемого: Henry Bigge (1177) – большой; полный, Thomas Blac (1198) – черный, John le Brade (1212) – широкий, Geoffrey Bunch (1195) – горб, Adam Cheke (1202) – щека, Hugh Crees (1316) – прекрасный, изящный, Richard Fatt (1260) – жирный, упитанный, William Short (1327) – короткий и др.;
- прозвища, указывающие на поведение, духовные и душевные качества именуемых, на их пороки и добродетели: Henry Brag (1260) – хвастун, Hugh Bullour (1354) – обманщик, враль, Robert le Curteis (1168) – вежливый, учтивый, Robert le Meke (1300) – кроткий, смиренный и др.;
- прозвища, указывающие на сходство именуемых (по складу ума, характера, по поведению и другим признакам) с животными, птицами, рыбами, растениями и другими представителями окружающей фауны и флоры: William Bulloc (1225) – бычок, Robert Calf (1163) – теленок, Geoffrey Popy (1275) – мак, Richard Starling (1230) – скворец, John le Wolf (1279) – волк и др.;

- прозвища, указывающие на род деятельности, профессию именуемых: William le Bakere (1177) – пекарь, Robert le Carpenter (1212) – плотник, столяр, William the Floutere (1268) – флейтист, Humphery le Hunte (1203) – охотник, Richard le Scrivien (1208-13) – писец, переписчик и т. д.

Невозможно точно установить время, когда английские прозвища превратились в фамилии, т.е. передавались по наследству. После Нормандского завоевания постепенно по всей стране вводилось право старшего сына на наследование недвижимости. Возможно это потребовало наследственного именования. Постепенно прозвища феодальных лордов, баронов, рыцарей, переходя от отца к старшему сыну, становились наследуемыми антропонимами. Позднее всего этот процесс затронул низшие слои городского и сельского населения: ремесленников, мелких торговцев, крестьян. В южных и центральных графствах прозвища стали наследоваться раньше, чем на севере, в Шотландии. В Уэльсе фамилии вошли в обиход еще позднее. Можно заключить, что становление системы современных английских фамилий происходило в течение всего классического средневековья (конец XI–XV вв.), а в Шотландии и в Уэльсе оно продолжалось еще и в начале позднего средневековья (XVI–XVII вв.). По мнению А. И. Рыбакина по этимологическим признакам английские фамилии подразделяются на следующие основные классы:

1. Фамилии, образованные от антропонимов: BRADLEY, FORD, DEVEREUX, EVEREST, WESKER и др.
2. Фамилии, образованные от топонимов: ADAM, ADAMS, ADAMSON, MacNEAL, NEAL, O'BRIAN, BRIAN, PRITCHARD, RITCHIE, ROBINS, ROBYNS, ROBINSON.
3. Фамилии прозвищные, образованные от различных прозвищ: ARKWRIGHT, BEGGS, FINCH, LONGMAN, PEACOCK, SHAKESPEARA, YOUNG и др.

Однако, есть много фамилий, которые невозможно причислить к какому-либо одному из указанных классов. Например: BAILEY, BAIN, BEARD, CAIN, CLARE, DEAN, FELL, FENNELL, KAY и др. В антропонимных фамилиях широко представлены аффиксальные морфемы, образующие патронимы и (реже) матронимы. Английские суффиксальные форманты *-son* [-sn] и *-(e)s* [-s, -z] образуют патронимы: ATKINSON, ATKINS; DICKSON, DICKS; GIBSON, GIBBS; HUGHSON, HUGHES и др. и матронимы: IBSON, IBBS; MABSON, MABBS; MAGSON, MAGGS и др. Формант *-son* указывает, чьим сыном был именуемый, а формант *-(e)s* выражает посессивные отношения. В фамилиях, образованных от топонимов, формант *-(e)s* выступает как суффикс множественного числа, например: BANKES – холмы, DALES – долины, и др.

Префиксальные форманты образуют, как правило, только патронимы, к ним относятся: газльский *mac-* – сын: MacLISTER, MacKAY, MacNAB, MacNELL и др.; ирландский *o-* или *o'-* – потомок, сын; O'CLEARY, O'DOWD, O'FLYNN и др. валлийский *ap(p)-* (*ab-*); *p-(b)-* – сын: APSIMON, ABADAM, BADAM, BRODERICK, PENRY, PRICE, PRITCHARD и др.; старофранцузский *fiz* > среднеанглийский *fiz* > современный английский *fitz-* – сын: FITZGERALD, FITZHUGH, FITZWALTER и др.

В написании отантропонимных фамилий с гаэльским формантом *mac-* нет единообразия, возможны варианты: Macgregor, MacGregor, McGregor, M'Gregor; Macdonald, MacDonald, McDonald и др. Ирландский антропоформант *O'* может встречаться и без апострофа: O'BRIEN, O'DONNELL, O'HAGAN, O'SHEA и др.

Английская орфография, как известно, является консервативной, и написание английских слов часто кажется непонятным с точки зрения современного произношения и морфологического состава слов. Объясняется это тем, что изменения в звуковом строе новоанглийского периода развития языка с XVI в. до настоящего времени почти не отразились на написании слов, например: knight [nait] – рыцарь, talk [t : k] – беседа, write [rait] – писать и т. д. Многие английские фамилии до сих пор не имеют нормативной орфографии. Вследствие сохранения традиционного написания во многих фамилиях наблюдается значительное расхождение между их звучанием и написанием, например: ATTENBOROUGH ['ætnbre] – 6 звуков, 12 букв; CHOLMONDELEY ['tʃ'mli] – 5 звуков, 12 букв; WORCESTER ['wuste] – 5 звуков, 9 букв.

Общий список посессивных формантов представлен в таблице 2:

Таблица 2

Посессивы	Имя собственное	Leofwine Jarrod Godhelm	Levenshulme, Levington Jarlshof Godalming, Broxholme
	Фамилия	Krokr Goodwin Manahan Connant Golder Bucca Centisc Hanstan Fraser Godmann Grimr	Croxtefh Hall, Croxton Goodwood, Goodwin Sands Fermanagh, Managhan Connemara, Connah's, Quay Goldens Green, Goldthorpe Buckingham, Buckden Kentish Taon, Kenton Hunstanton, Huntington Fraserburgh, Frizell Godmannchester, Gomersal Grimes Graves, Grimby
	Прозвище	Langadune Richard de Cestersir Rogerus de Berchelai Atten	Longden Cheshire Berkley Bradley Attenboraegh

§ 2.2. Названия объектов, связанные с понятиями материальной и духовной культуры

В процессе формирования региональной топонимической системы, безусловно, отражается как общественно-экономический уклад жизни, так и общественные отношения людей и их идеология. Функционирование топонимов во многом определяется национальным и социальным составом жителей, их возрастными особенностями. Топонимическая лексика обнаруживает исторические

черты, восстанавливающие национальные традиции взаимодействия с апеллятивной и ономастической лексикой.

Семантические внутритопонимические отношения вскрываются в ходе лексико-семантической дистрибуции топонимов, помогающей определить доминирующие и периферийные дифференциальные признаки в их взаимосвязи. Последние определяются причинами языковыми и неязыковыми. Как уже было отмечено выше, семантические связи слов языка отражают реальные связи между объектами и явлениями действительности: система лексики языка, поэтому системна и топонимия, взаимообусловленные явления действительности – взаимозависимы и топонимические процессы. Значение поименованного объекта не ограничивается его односторонней номинативно-указательной ролью: семантический признак может быть членом нескольких семантических рядов и тем самым устанавливать определенные отношения между рядами. Так, семемы «искусственное русло», «хозяйственное назначение» (ЛСГ-III) каждая по-своему отражает признак ориентации и одновременно входит в круг понятий материальной культуры: *Копь, р., Плотина, рч., Дамба, рч.* [Фролов 1996].

Значительное влияние на топонимическое словопроизводство оказывает в каждую эпоху идеологический фактор. Социально-экономические условия, национальные обычаи и их содержание в известной мере устанавливаются посредством названий-дескриптивов и названий – меморативов. Если определенная часть гидронимических названий в прошлом выражала дескриптивные и медитативные понятия, а в сфере ойконимии – меморативные, то в современной топонимии важное место отводится названиям, связанным с идеями социальных преобразований в городе и деревне, новыми моральными устоями.

Пережитки прежних социальных отношений, обычаи и традиции, так или иначе отраженные топонимией, обрастают другими указательно-различительными и ритуально-харизматическими элементами. Появление новых наименований, знаменующих эпоху, ее символику, образно-эмоциональную инфраструктуру, вносит существенные коррективы в топонимическую систему.

Описываемый семантический тип **общественно-социальные мотивы** состоит из небольшого числа семем, выражающих признаки названий, по их роли в духовной жизни, общественной психологии людей.

Семема **культовые мотивы** (профилактика, пожелание, суеверие) представлена наименованиями, коннотирующими скрытые, в том числе предупреждающие об опасности признаки: *Проклятая, рч., Смертное, оз., Худая, р.*

Семема **эстетические мотивы** обнаруживает себя в названиях с так называемой топонимической абстракцией: *Благодатное, с., Отрадная, д., Мысля, д.*

Семема **социальные мотивы** смыкается с рядами семем «занятие», «принадлежность», хотя преобладающим мотивом названия являлся социальный: *Архирейское, оз., Боярская, р., Гренадерская, д.*

Семема **церковно-религиозные мотивы**: *Богословка, д., Вознесенка*, в английском языке включает имя Святого:

St Abb's Head (Borders) – мыс к северо-западу от Аймауса (Eyemouth) и деревня Сент Аббс к югу от него получили свои названия от St AEbba или St Ebbe в VII в. **St Andrews (Fife)** – исторический университетский город получил

название от Св. Андрея, покровителя Шотландии, чьи мощи по легенде хранятся здесь с VIII в. Док. 1158 : Sancti Andree. **St Austell (Cornwall)** – город к северо-востоку от Труро (Truro), который получил название от Святого монаха VI в., которому посвящена церковь. Остелл был учеником св. Мевана (St. Mewan). **St Bees Head (Cumbria)** – мыс, рядом с которым расположена деревня Св. Биса, к югу от Вайтхевена (Whitehaven), названа в честь ирландской святой VII в. Док. 1125 : Kirkby. **St Blazey (Cornwall)** – город к северо-востоку от Св. Остелла назван в честь Св. Блейза, мученика IV в. бывшего епископа Армении. **St Brides Bay (Difed)** – бухта на западном побережье Уэльса получила свое название от маленькой деревни Св. Брайде (St Brides) больше известна как св. Бригид (St Brigid) Ирландии. **St Budeaux (Devon)** – район Плимута к северо-западу от центра города, чье название происходит от Св. Будок (St Budoc), которому здесь посвящена церковь. Св. Будок был кельтским святым в VI в., чье имя – мужской вариант имени Будикка (Boudicca). Док. 1671: Butshead al. Budo-coshide al. St Budeaux. **St Columb Major (Cornwall)** – деревня к востоку от Ньюквея (Newguay), чье название показывает, что церковь посвящена Св. Колумбии. Док. 1266 : Sancte Columbie. («Major» и «Minor» добавлены примерно в одно время для различения двух церковных приходов). **St Helens (Мерсисайд (Merseyside))** – промышленный город к востоку от Ливерпуля получил название в первой записи о часовне Св. Елены в 1552 г. **St Heiler (Channel Islands)** – название главного города о. Джерси в честь мученика VI в., первого святого о. Джерси, бельгийского монаха, по легенде жившего в пещере под городом, который сейчас носит его имя. Маленький остров, на котором в середине XVI в. был построен замок королевы Елизаветы, также изначально был назван в честь святого и был известен как St. Heiler. **St Ives (Cambridgeshire, Cornwall)** – 2 города, посвященные разным святым, соответственно мужчине и женщине. Св. Ив в Кембриджшире (ранее Хантингтоншир) на реке Оуз (Ouse), к востоку от Хантингтона получил свое название в честь Св. Ива (St Ivo or Ives or Yves). Док. 672: Slaepi, 1110 St Ivo de Selepe, 1283: St Yaw. **St John's Wood (Greater London)** – район на северо-западе центрального Лондона носит название, которое связано с рыцарским орденом Св. Джона. Док. 1294: Bo scum Priories Sic Johannes, 1524 Sent Johns Wooded. **St Just (Корнуолл)** – город к северу от Land's End, формально известный как St Just в Пенвисе (Penwith). Док.: 1334 Sancti Justi in Penwith. **St Leonards (Восточный Сассекс)** – прибрежный город к западу от Гастингса назван в честь оригинальной приходской церкви, посвященной Св. Леонарду. Док. 1279: Ecclesial Leonardi de Hastynges. **St Mawes (Корнуолл)** – город на восточной стороне дороги Кэррик (Carrick Roads), к югу от Труро (Truro), носит название во имя Святого-покровителя, Модеса (Mawseth), кельтского монаха и миссионера. Док. 1345: Sanctus Maudestus. **St Michael's Mount (Корнуолл)** – хорошо известный остров в Маунтс Бей (Mounts Bay), получил свое название от часовни Св. Михаилу Архангелу; Domesday Book: Sanctus Michael. **St Monance** – маленький рыбацкий и судостроительный город на Firth of Forth, который получил свое название в честь Епископа Монанса в XVI в. В Ирландии ему посвящена местная церковь. **St Neots (Cambridgeshire)** – этот город

на реке Оуз (Ouse) к юго-западу от Хантингтона вырос вокруг монастыря, построенного в X в. в память корнуоллского святого Неота. Док. 1132: St Neod.

Church

Dymchurch (Kent) – город в графстве Кент (церковь Дюма):

Dym (ИС) ← OE dema (judge) библеизм, означающий Судию + church ← OE cirice (церковь)

Muirkirk - церковь на окраине, город: ON mor (пустошь) + kirkja (церковь)

Sturminster Newton (Dorset): OE mynster (церковь) + название реки. Маленький город к северо-западу от BLANDFORD. Док. 1291: Sturministr Nywenton.

Таблица 3

Духовная культура	Монастырь	minster	Leominster, Beaminster
	Церковь	llan	Lampeter, Launceston, Lesslyn, Lanhydrock House, Lanark
		church	Church Stretton, Christchurch
	Часовня	chapel	Chapel End, Chapel Hill, Chapelton
		kirk, kil	Kikby Stephen, Lawrencekirk, Kilmallock, Kilwinning Abbey, Kilmacthomas

§ 3. Номинативные семемы гидрографических реалий

Семантический тип «вода»

Семантическое поле этого типа составляют топонимизированные апелляции, обозначающие разновидности водотока.

Семема **исток**: ст.-слав. «источник, поток, ручей» – СРЯ; «ключ, начало, устье реки» – ДТС, РГТ, СРЯ; «проток, соединяющий два озера или озеро с рекой» – МГТ: *Исток, р., Истокская, д.*

Семема **ключ**: общеслав. «источник, родник, ручей» – СРЯ, ФЭС: *Ключи, пос., Ключевая, д.*

Семема **колодец**: др.-рус. «колодязь», ст.-слав. «кладязь (студенец) – источник, ключ» – СРЯ, ПЭС, ФЭС; «узкая глубокая яма, одетая срубом» – ДТС; «глубокая яма, защищенная от обвалов срубом и служащая для добычи воды из водоносных слоев земли» – СРЯ; местн.: «искусственный (копанный) источник»: *Ванечкин Колодец, руч., Зайцев Колодец, сел.*

Семема **плёсо (плёс)**: др.-рус. «колено реки между двух изгибов – ПЭС, ДТС; «открытая широкая часть реки» – ФЭС; «водное пространство на топком болоте» – Толстой; местн.: «участок реки от одного изгиба до другого, заводь на реке или озере»: *Плесовская, д., Долгое Плесо, д., Дальний Плес, старица.*

Семема **полой (полуй)**: «глубокая ложбина, где в половодье застаивается вода» – ФЭС; «разлив, заливной луг» – ДТС, МГТ; местн.: «река, образованная разливом», «протока»: *Полой, р., Полуй, р., Заполой, д., Горный Полуй, прот., Сухой Полуй, р.*

Семема **протока (проток)**: сибир. «рукав реки, побочное русло, связь озера с рекой» – ДТС; местн.: «ответвление русла реки, а также речка, соединяющая два водоема»: *Протока, рр., Большая П., Горная П., р., Проточное, оз.*

Семема река (речка): общеслав. река – «водный поток» – СРЯ и др.; речка – «небольшая широкая река» – СРЯ; местн.: «меньший по сравнению с рекой водоток»: *Речка, д., Зарека, д., Заречное, сел., Большая Речка, Малая Р., д., Сухая Речка, р., Горная Речка, рч.*

Семема ручей: общеслав. «небольшой поток, маленькая речка» – ПЭС и др.: *Ручей, оз., Горный Ручей, рч.*

Семема старица: исконно рус. «старое русло реки, староречье» – ФЭС, МГТ; «покинутое рекою русло, руслина, речье, сухоречье» – ДТС; местн. (РГТ): «старое невысохшее русло реки»: *Старицкая, д., Старица, р.*

Семантический тип «водоём» включает апеллятивы с семантическим признаком «водное пространство с непроточной или относительно проточной водой, пространство, залитое водой».

Семема залив: др.-рус. «заводь, вдавшаяся в сушу, часть озера» – СРЯ; для обозначения видов заливов отмечены слова: *богала, бугиха, заводь, затока, затон, затопа, рукав*; местн.: «заводь, курелка; малая по сравнению с губой заводь»: *Залив, рыбоугодье, Гнилой Залив, оз.*

Семема курья: др.-рус. «продолговатый речной залив, заводь» – СРЯ; – фин. *курья* «завода, речной залив»; обычно объясняют как заимств. из коми *курья* – «залив» (ФЭС); по Б.Л.Серебренникову – угорский субстрат; *курья* – «заводь в реке или на озере»; «залив, протока, соединяющая два озера» (Матвеев); «старое русло» – РГТ; местн.: «старица, продолговатое озеро, залив, широкая протока между рек или озер»: *Курья, р., д., Курьянская, д.*

Семема озеро: общеслав. «естественный замкнутый в берегах водоем, водная котловина» – СРЯ и др.: *Озерная, д., Озерное.*

Семема омут: рус. (на базе ст.-слав.) «глубокое место в реке или озере, обрывистое место на водоеме» – ДТС, СРЯ; «глубокое место в реке» – Толстой; местн.: «водоворот, дно озера»: *Омут, оз., Омутина (Глубокая), д., Горный, Хитрый Омут, оз., Круглый Омут, оз., Страшный Омут, оз., Черный Омут, оз.*

Апеллятив «омут» правомерно рассматривать в семантических полях «река» и «озеро», что в полной мере относится и к номенам; *брод* – «путь, проход, мелкое место на озере, болоте»; *голдоби́на* – «рытвина с водой»; *заво́дь* – «омут, ответвление»; *зато́н* – «непроточный залив»; *пру́д* – искусственный водоем, запор»: *угодья, Затон, р., Пруд, оз., Медвежий Брод, угодья, Бродки, д.*

Семантический тип «болото»

Данный тип дополняет на первый взгляд семантическое поле предыдущего континуума семем, но отличается спецификой самих гидрообъектов, а также набором апеллятивов, ставших собственными именами.

Семема болото: общеслав. «грязь, трясина, топкое низкое место со стоячей водой; низменное пространство со стоячей водой» – СРЯ, местн.: «водоем с непроточной водой; сырое топкое место в лесу, в поле; заливная нетопкая низина: *Белкинское Болото, уроч., Большое Б., оз., Горелое Б., Чистое Б., Заболотный, пос.*

Семема **мох**: общеслав. «плесень, болото» – ФЭС, ШЭС; «мшистое болото; кочкарник, поросший мхом» – ДТС, МГТ; местн.: «заболоченное место со мхом»: *Мох, рч., Моховая, д., Моховое, оз., Моховка, Моховое, д.* Топонимизация номена характерна и для других регионов.

Семема **рям**: По ФЭС, **рям** – финское заимствование; «болото с порослью»; «моховое болото с кустарниковой порослью, мелким сосновым лесом» – МГТ; местн.: «моховое болото с сосной»; «залесенный участок между болотами»: *Рям, б., Рямовое, оз., Зарям, пос.*

Семема **согра**: по ФЭС, **согра** – финноугорское заимствование «топкое болото с плохим редким хвойным лесом; болотистая равнина с кочкарником, ельником» – ДТС; «кочкарниковое болото в тундре; труднопроходимая сырая местность с зарослями кустарников» – МГТ; местн.: «болото с кочками, поросшее кустарником, любой заболоченный топкий участок с кустарником и мелким лесом»: *Согра, б., Согроватое, д., Согринский, пос., Засогра, д.*

Семема **сор**: заим. из хант.; «заливаемое при половодье место, залив» – ФЭС; «обширные поймы, род залива» – ДТС «озеро, род залива, низменное заболоченное пространство» – МГТ; «разлив, широкий залив» – РГТ; местн.: «заболоченное сеноугодье»: *Сор, д., Сор., р., Соровская, р., Сорок, оз., Большой Сор, оз., Дальний Сор, оз.*

Таким образом, географический апеллятив играет немаловажную роль в формировании региональной топонимической системы, являясь знаком номинации реалий, такой апеллятив естественным и экономичным путем создает представление о сущности языковых средств индивидуализации объектов.

В теоретическом плане перенос апеллятивных явлений в ономастическую сферу приводит к неограничению системы апеллятивной и системы ономастической. Семантическая связь нарицательной и топонимической лексики обусловлена «естественной» номинацией, отличающейся стихийным учетом свойств объекта, апробацией народного типа мотивированности названия [Матвеев 1969].

С переходом географического апеллятива в топоним его семантическая емкость подвергается определенной деформации, имеющей неоднозначные последствия. Использование одного и того же апеллятива в качестве названия типологически разнородных объектов приводит к семантическим сдвигам в коннотации, т. е. способствует расширению содержания апеллятива.

Оно возникает за счет, во-первых, одноименности различных классов объектов, когда название одного объекта переносится на смежный объект или когда наименование части объекта переходит на целый объект, во-вторых, в результате омонимии, когда одинаково звучащие апеллятивы имеют в говорах различный смысл: остров «лес» и остров «гребень», а также в случаях синонимии: овраг-буерак-провал, протока-посол. Взаимодействие апеллятив-онома завершается как правило, обогащением семантики нарицательного имени. К числу топоподелей продуктивных в регионе относятся бор, деревня, грива, заимка, озеро, река, согра, яр и некоторые другие.

В английском языке семантический тип «вода» выражен формантами ber/bro/burn, more, lough:

Sherborne – город к востоку от Йивила (Yeovil), имеет название (встречаемое повсеместно в стране как Sherburn), означающее «яркий ручей», «ясный ручей»: OE *scīr* (яркий, чистый) + *burna* (ручей). Док. 864: Scireburne.

Shirebrook (Derbyshire) – город к северу от Мэнсфилда, название означает «яркий ручей»: OE *scīr* (яркий, чистый) + *brōc* (ручей). Док. 1202: Scirebroc

Sittingbourne (Кент) – индустриальный город к востоку от GILLINGH: OE *sidinga* (наклон) + *burna* (поток). Док. 1200: Sidingeburn.

Humber (Humberside) – широкоустная река: Bro- (река) + Su- или Hu- (хороший). Док. XIX в: Humbre.

Humberside (England) – графство на северо-западе Англии, (берег реки Humber).

more, mere, ware, lough

Ellesmere (Shropshire) – город в графстве Шропшир: озеро Эли (Elle- ИС) + *mere* (озеро). Док.: Ellesmeles.

Lough Erne (Fermanagh) – озеро в Северной Ирландии: Lough (ирландское озеро, залив) + Erne ← *Erni* / *Ernai* (название племени). Ирландское название: Loch Erne.

Cromer (Norfolk) – морской курорт (озеро ворон): OE *crawe* (ворона) + *mer* (озеро, водоем).

Edgware (Greater London) – район Барнета: Edg- ← OE *Aecges* (ИС) + *ware* ← *Wer* (запруда). Док. 975: Aecges Wer.

mor(e)

Morar – название реки, впадающей в озеро Loch – *mor dobhatr* (большая вода). Док. 1292: Morderer.

Moray: Mor (морское) + *tref* (поселение). Док. XI: Moreb

Morden: Mor (болото) + *dun* (холм). Док. 969: Mordune

Morecambe – Большая долина

Moretonhampstead: Mor (болото) + *ton* (ферма) + *hampsted* (хозяйство). Док. 1483: Morton Hampsted

Morley: Mor (болото) + *leah* (светлый, чистый). Док.: Moreleia

Morpeth: Mor (болото) + *peth* (путь). Док. 1200: Morthpath

Mortehoe: Mor (болото) + *hoe* (холм). Док.: Morteheo

Mortlake: Mort = salmon (лосось, семга) + *lacu* = stream (проток, ручей). Док.: Mortelege

Ogmore (Mid Glamorgan) в названиях: Ogmore Vale, Ogmore Forest, Ogmore-by-Sea имеет значение «острая река».

Lamorna – долина, спускающаяся к морю: La + *mor* + *pans* (к морю). Док. 1305: Nansmorno, 1309: Nansmurnou

Glamorgan – рожденный на берегу моря: *glan* (берег) + *môr* (море) + *geni* (рожденный).

Общий список формантов гидрографических реалий представлен в таблице 4.

Таблица 4

Вода	поток	allt	Cumbernauld
	болото	fen	Fenstanton, Fen Ditton, Fenwick, Fenton
	родник	funt	Cheshunt, Tolleshunt, Boarhunt
	источник	fons	Fountains Abbey, Coquedi Fluminis
	водоём	poll	Polanass, Poolbeg, Balhnfile, Polmont, Delabole
	крутой берег	brae	Scara Brae
	быстрая река	bru	Bruton
	ручей	burn	Kilburn, Myndburn, Leyburn, Lisburn
	поток	bourne	Broxbourne, Ashbourne, Pangbourne, Sittingbourne, Brochesborne
	устье	mouth	Grangemouth, Falmouth, Darthmouth
	вода	ey	Teifi, Tywi, Wylfe, Borey, Cary, Tary, Fowey
	исток реки	inver	Invesurie, Inveraray, Invermess, Irvine
	вода	isis	Thamesis
	глубокий водоём	llyn	Lincoln, Linton, Lindores, Dublin
	озеро	loch	Lochness, Kinloleven
	течение	lish	Dawlish, Glasnevin
	ручей	let	Hunslet
	запруда	larm	
	озеро	mere	Grasmere, Crowmere, Cromer
	болото	moor	Lammermuir, Skelmorlie, Beaumaris
	болото	hor	Gorseinon, hornsea, Lacock
	болото	gors	Corcach, Currie
	болото	cors	
	колодец	well	Sizewell, Kidwelly

§ 4. Географические названия, обозначающие разряды топографических реалий

Семантический тип «возвышенность»

Рассматриваемый круг наименований представлен ономизированными апеллятивами со значением «приподнятый, положительный рельеф местности».

Семема **бугор**: «возвышение, холм» – ФЭС; «горб, сгиб, курган, куча, небольшой холм» – ШЭС, ДТС, СРЯ; «отдельная небольшая возвышенность» – РГТ: *Бугры, д., Бугровое, д., оз., Бугорки, д.*

Семема **верх**: «возвышение, вершушка, вершина» – ПЭС, ФЭС, ШЭС; «оконечность, вершушка, самая высокая часть чего-то» – ДТС, СРЯ: «овраг» – *Верх, д., Верх-Стриха, д., Верх-Каменка, д., Верх-Речки, д., Верхукрон, д., Вершина, д.*

Семема **гора**: общеслав. «возвышенность» – ПЭС, ФЭС, ДТС, СРЯ; местн.: «отдельная небольшая возвышенность, древний могильник» – РГТ: *Гора, пос., Горка, д., Горки, д., Горный, пос., Нагорка, д., Горная, р., Подгорное, оз.*

Семема грива: восточнослав. «горная цепь, гора, гряда» – ПЭС, ФЭС; «хребет, гребень, ребро, рёлка» – ДТС; «поросшая лесом возвышенность, лесная гряда с пологими склонами» – СРЯ, «вытянутая невысокая гряда» – РГТ; местн.: «возвышенная залесенная полоса, гряда вдоль водоема с высокой травяной, кустарниковой и древесной растительностью»: *Грива, д., Березовая Грива оз.*

Части больших по размеру грив обозначаются апеллятивами, которые в ряде случаев выступают в качестве названий: 1) *гряда* – «ряд, полоса, гребень» – ДТС; местн.: «продолговатая вершина гривы»: *Грядовая, д.; Костина Гряда, Лысая Гряда*; 2) *вереть, веретье* – «узкая гряда среди болот»; «вереть, веретенец – высокое место между низин»: *Большое Веретье, сел., Горелое Веретье, лесоучасток, Сосновое В., Мысовое В., зимовье.*

Семема камень: общеслав. «гора, скала, возвышенность» – ПЭС, ФЭС; «утес, гребень» – ДТС; «каменистая гряда, одиночная гора»; местн.: «твердый грунт»: *Каменка, с., Большой Камень, пос. Каменный Мыс, пос., Каменное, оз.*

Семема мыс: – «узкий мыс, выступ горы, стрелка, обрыв на конце горы» – ДТС, «выступ на изгибе реки, участок леса» – РГТ; местн.: «горка, нос, возвышение с лесом, вдающееся в водное пространство»: *Мыс, д., Святой Мыс, д.*

Части леса в тюменских говорах обозначаются номенами, имеющими топонимическое значение: *елбан/лобан* – «высокий округлый мыс, холм» – ДТС; «высокий, гладкий лес на берегу реки или озера» – МГТ; открытое место в лесу: *Елбан, уроч., Малый Лобан, уроч.*

Семема остров. В отличие от литературного значения (окруженный со всех сторон участок суши) – СРЯ) апеллятив *остров* в говорах региона занимает промежуточное положение в семантических полях «возвышенность», «лес»: 1) «гребень, вершина, сухое место, возвышение среди болот», 2) «небольшой лес» – ДТС; «участок леса в степи, отдельная лесная роща, грива, возвышенность на равнине; песчаные бугры на болотах, покрытые» – МГТ; «холм на болоте, лесной массив среди болот» – РГТ: *Остров (Островская, Вороний Остров), д., Остров (Островная, Озерная, Заозерная), д. Заостровка, р., Большая Островная, д., Малая Островная, д., Островки, р., Малая Заостровка, д.*

Семема увал: рус. «скат горы»; «небольшой холм, кряж, ухаб, большая неровность по зимней дороге» – СРЯ, ПГТ; «крутой склон, понижение почвы, скат; округлый уступ» – ДТС; «гряда с пологим склоном, цепь холмов или отдельный холм» – МГТ; «небольшая горка, очерченная возвышенность» – РГТ; местн.: «возвышение между оврагами, склон яра»: *Увал, д., Подувальное, оз., Подувал, уроч., Первый Увал, Второй Увал, уроч.*

Семема Яр: др.-рус. «крутой обрывистый берег, глубокий овраг, крутизна, круча» – во всех источниках: *Яр, д., Белый Яр, д., Березовый Яр, д., Красный Яр, д., Большой Краснояр, д., Ярки, д., Ярок, д., оз., Яровское, оз., Яры, д.*

Из достаточно широкого состава локальных оронимов спорадически используются в качестве топонимов *бердо, гляден,* головка, бровка, *веретенец, круча, кочка* (болотный холмик), сопка и некоторые другие: *Берданка, рч., Гляден, (Гляденское), д., оз., Головка, уроч., Чистая Бровка, угодые, Беретенец (Мысовой), лесоучасток, Кочкарное, д., оз., Кочковатое, оз.* Подобные назва-

ния характерны при обозначении объектов локального назначения, отличаясь широким набором сем и словообразовательных моделей.

В английском языке семантический тип «возвышенность» выражен фармантами **don, dūn, dew, ton, beorg, knock, droim, hill, head, cap:**

Yeadon - высокий холм: E Yea ← OE hēah + E don ← OE dūn

Faringdon - небольшой городок среди холмов, заросших папоротником: E fern ← OE fearn (папоротник) + E don ← OE dūn (холм) Док. 924: Feardun

Chessington - район Лондона, в отличие от Paddington или Kensington имеет другую этимологию: Cissa's + E done ← OE dūn (холм). Док. 1255: Chessendon (холм)

Clevedon - за городом много скал и высоких утесов: E Clive ← OE clif (скала) + E den ← OE denu (долина у скал). Док. 1180: Clivedon.

Crowborough (Восточный Суссекс) - город (холм вороны): OE *crawe* (ворона) + *beorg* (насыпь, холм). Док. 1390: Crowbergh.

Downpatrick Dun Padraig - форт Патрика: Dun (форт) + Padraig (ИС). Док.: Downpatrick

Dornoch: Dorn (первый) + och (камни). Док. 1145: Durnoch

Dromore: Droim мог (большой гребень) в честь соседнего холма Droim (гребень) + мог (большой). Док.: Druim Mocholmog в XVI в.

Drumcondra: Droim (гребень) + conrach (напротив). Док: Droim Conrach

Earlston (Borders) - город на территории Бордерз: Earl ← Earcil (ИС) + ton ← OE Dun (hill) холм

Edgehill (Warwickshire) - историческое место в графстве Уорвикшир (холм с опушкой). Впервые упоминается в 1642 г.

Hendon - высокий холм: Heap (высокий) + dun (холм). Док. 959: Hendune

Minehead: Mynydd ← hill (холм) + heafod ← headland (мыс). Док. 1046: Myneafdon

Montacutu (франц.) *Mont aigu* (острый холм). Док. XII: Mons acutus

Mow Cop: Мура (куча) + copp (холм). Док. XIII: Rocha de Mowa.

Notting Hill - холм семьи Нота: hill (холм) + Knotting (ИС) + family (семья). Док. 1346: Knottynghull

Neasden (холм в виде носа): ME nese (нос) + OE dun (холм). Док. XI: Neosdune

Ochill (Cenryal/Tayside) - гряда гор, происходит от uchel (высокий).

Ruabon (Clwyd) - промышленный юго-запад города WREXHAM, означает 'Mabon's hill (холм Mabon's). Welsh Rhiwabon (Уэльское rhiw) означает «склон холма». Док. 1291: Rywuabon

Shildon - город к юго-востоку от Bishop Auckland: OE scelf (склон) + dūn (холм). Док. 1214: Sciluedon.

Shugborough (Staffordshire) Название означает «холм гнома»: OE *scucca* (демон, злой дух) + *beorg* (холм).

Silbury: oe beorg (холм) + oe sele (жилье, зал)

Док. 1235: seleboruwe, 1281 seleburgh.

Knocktopher (холм - дорога через топкое место). Док: Снос на Tóchair

Langbaurgh (название хребта Langbaurgh): E lang ← OE long + beorg (OE hill длинный холм)

Hurstpierpoint (лесной холм + имя собственное Pierpoint – the Norman lord Robert de Pierpoint).

Leatherhead Leode (народ) + hīde (поездка) + head (холм)

Bucchurst Hill (березовая роща на холме) E bucc ← OE bōc (береза) + hyrst (роща).

ea, ey, y, inis, ennis, ay, sey

Ireland's Eye (Dublin) – маленький остров севернее Дублина: Ireland's ← Eria's island от имени женщины Eria, которая основала церковь – первое строение на острове в XVII в. Ireland's + Eye (остров) = «Остров Эрии» – Ирландский остров.

Brightlingsea – судостроительный город в устье реки, название оссацируется с Brightsea (яркое море), но реально происходит от имени собственного Beorhtic's ēy (остров Беотричи). Док.: Brictricesea.

Tersey Остров Терса от имени Ciersus (1070) и Gersu (1170).

Ilkley (West Yorkshire) Ilkl (ИС) + ey – город-курорт на севере Вредфорда.

Cumbrae (Стратклайд) – остров уэльса: Cymru + ON ey (остров). Док. 1264: Cumberays.

Dalkey (Дублин) – морской курорт, который имеет скандинавское название «остров шипов»: Old Norse *dalkr* (шип) + ey (остров).

Denny (остров): den (долина) + eg (остров). Док. 1510: Liull Dany

Devenish Island: damh (вол) + inis (остров). Док.: Diamhinis

Enniskillen (Fermanagh) – город в графстве Ферманаг: Ennis ← ирландское inis (island) остров + killen ← Cethlenn (имя собственное). Док.: 1689.

Ennistymoon (Clare) Ярмарочный город в графстве Клэр: Inis (побережье) + tymoon ← Diomain (ИС). Ирландское название ярмарки – Inis Diomain.

Eriskay (Western Isles) – остров в Западном архипелаге: Эрискей (ИС) + (остров). Док.: 1549: Eriskeray

Hoy (Orkney) (высокий остров): ON har (высокий) + ey (остров).

Nunney. Nunna (ИС) + ey (остров) Domesday Book: Nonin

Nailsea – город: Nægl (ИС) ← OE eg (остров). Док. XII: Nailsi

Orkney (Scotland) – группа островов. Впервые записано как Orcades: греч. ορυγα (морской монстр) от ON ey (остров).

Oronsay (Strathclyde) – «Остров St Orans» (ИС) + ON ey (остров). Док. 1549: Orvansey.

Sheppey, Isle of (Кент) – остров у северного побережья Кента, название означает «остров овец»: OE scēap (овца) + ēg (остров). Док. 696: Scereig.

Stroma (Highland) – морское течение: ON straum (река) + ey (остров).

East Molesey (Surrey) – поселок в графстве Суррей: Mul (ИС) + ey ← OE eg (остров). Док. 670: Mulsege.

West Mersea (Essex) – западный остров Mersea (ИС). Док.: Westmeresheye.

Westray (Orkney) – западный остров: ON vestr (запад) + ey (остров).

Olney (Buckinghamshire): Ollas. (ИС) + OE eg (остров, земля, окруженная водой). Док. X в.: Ollaneg.

Runnymede – исторический северо-запад лугов EGHAM. OE *run* (секрет, совет) + *eg* (остров) + *meadow* (луг). Место для королевских встреч. Док.: Ronimede.

Rye (Восточный Сассекс) – город, один из Пяти портов (Cinque ports) в 2 милях от моря к северо-востоку от Гастингса: OE *æt thære iēge*, (на острове), начальная R – все, что осталось от второго слова. Фраза была «смягчена» до *ater ie*, а затем неправильно разделена как *atte Rie*, на основе чего *atte*, “at the” встречается в других названиях, например даже сейчас в Гаверинг-атте-Бовер (Havering-atte-Bower). Док. 1130: *Ria*.

crick

Criccieth (Gwynedd) – название уэльского происхождения от *crug* (насыпь, холм) + *caith*, (пленник), т.е. «захоронения пленников». Док. 1273: Crickeith.

Crickhowell (Powys) – деревня, название которой базируется на *crug* (насыпь), означает «насыпь Хивэля».

Cricklade (Уилтшир) – деревня к северо – западу от Суиндона: *crick* (холм) + OE *gelad* (пересечение реки). Док. 900: Cressa gelad.

Cricklewood (Greater London) Crickle – слово диалекта (морщина). Док. 1294: *Crikeldwode*.

Общий список формантов представлен в таблице 5.

Таблица 5

«возвышен- ность»	холм	hill	Silbury Hill, Sidlaw Hills, Chiltern Hills
	холм	head	Leatherhead
	вершина холма	knock	Knocktopher, Knowle
	вершина	cup	Sid Cup
	насыпь, холм	crick	Cricklade, Crickhowell, Criccieth, Crewkerne
	крутой склон	larg	Largo, Largs
	влажный склон	leitir	Letterkenny, Leitrim
	холм	baurgh	Langbaurgh
	скала	rock	Gourock
	холм	done	Chessington, Faringdon, Yeardon
	лесной склон, остров	Hurst, ey, ay	Hurstpierpoint, Sissinghurst, Buckhurst Hill, Sheppey, Westray, Orkney, Nunney, Eriskay.

Семантический тип «равнина»

Семема поле: общеслав. «открытое место, поляна, луг» – СРЯ, ПЭС; «незастроенная обширная равнина, пашня, нива» – ДТС, местн.: «безлесное пространство, степь»: Поля; д., Дальнее Поле (Дальнопольная), д., Пашня, д. Является переходным звеном между равниной и низиной и материализуется в науюре семем, определяющих разновидности и размер лесоугодий, полей.

Семема бор – общеслав. «сосна, сосновый или еловый лес» – СРЯ; «сухое возвышенное место, где растут сосны» – ДТС, МГТ, РГТ: Бор д. Боровая, д., Боровое, село, Новый Бор, д., Заборка, д., Боронушка, д.

Семема дубрава: ст.-слав. «лес», – ЭССЛ; «роща, лиственный лес» – МГТ, РГТ; местн.: «березовый или осиновый лес с хорошим древостоем»: Дубрава, д., Дуброва, д., Дубровная, д., Дубровное, оз., Стародубровное, с.

Семема лес: «покрытое деревьями пространство» – ДТС: Лесной, пос., Залесная, д.

Семема сад: «участок земли, засаженный кустами» – ДТС; местн.: 1) «небольшой, участок леса в поле; 2) садок – «запруда»: Садок, д., Садовый, пос., Садовое, пос., Садбище, оз., Садишко, оз., Зырянов Сад, Царев Сад, оз.

В английском языке семантический тип «равнина» выражен формантами **lie, lei, leah, lev, leigh, le:**

Filey – курорт (5 полян): E fi ←OE fif (пять) + E ley ←OE lēah (поляна). Док.: Fiuelac.

Fairlie – курорт E fair ←OE fæger (прекрасный)+E lie ←OE lēah (поляна).

Fazarkerley – район Ливерпуля. Название включает 3 OE слова:

E faz ←OE fæs (граница)+E aker ←OE æser (акр, участок культивированной земли)+ E ley ←OE lēah (поляна). Док. 1325: Facrelegh.

Leigh-on-Sea Lēah (OE) – woodland, clearing, meadow (компонент – on- Sea добавлен в XIX веке). Док. 1254: Leye.

Buckfastleigh – лесная поляна Buckfast, где OE Bucc (олень) + festen (быстрый). Док. XIII в.: Leghe Bucfestre.

Leigh Lēah (OE) – woodland, clearing, meadow. Док. 1276: Leeche

Knottingley (clearing of Cnotta's people – поляна людей Кнотта). Док.: Notingeleia.

Knowsley (поляна Кинвульфа). Док.: Chenulueslei: ley ←OE lēah.

Greenock (солнечная поляна) E green ←ME gre ←Gaelic grìanaig (кельтск. солнечная) ock ← ME hillock (поляна). Док. XIV в.: Grenok.

Buckley (город в березовой роще): OE boc (береза)+ leah (лес, роща).

Budleigh Salterton (добывание соли): OE sealt (соль)+ærn (зданье)+ ton. Budda's (ИС)+leigh (лес, роща). Док. 1405: Salterne in the manor of Buddeleghe.

Chudleigh Cedda's (ИС) + OE lēah (просека). Док. 1259: Cheddeleghe.

Batley (текстильный город): E Bat ← OE Bata (ИС)+E ley ←OE lēah (просека, лес). Ср.: Ardsley, Morley, Pudsey, Bromley, Stanningley.

Disley/ Distilegh (просека на холме): Dust (холм) + leach (просека). Док. 1274 г: Distilegh.

Ely (Cambridgeshire) – город в Кембриджшире: El ← OE ael (угорь)+у ← OE ieg (остров). В 731 упоминается преподобным Бэдэ как «место, где много угрей». Док. 1100: Eli.

Shirley (Лондон) – район Кройдона, чье название означает «яркий лес»: OE scīr (яркий) + lēah (лес). Док. 1314: Shileye.

Swanley (Кент) – юг города DARTFORD, (herdsmen's clearing): OE swan (гуртовщик) + leah (очистка). Док. 1334: Swanle.

Eastleigh (Hampshire) – город в Гэмпшире: leigh ← OE leah (засека). Док.: Estleie.

Rugeley (Staffordshire) – юго-восток города STAFFORD: OE hrycg (ridge) + leah (очистка лесистой местности). Док.: Rugelie.

Shipley (Западный Йоркшир) - промышленный город к северо-западу от Бредфорда, название означает «лесная поляна, где пасутся овцы»: *scēap* (овца) + *lēah* (лес, поляна). Док.: *Scipeleia*.

Horley: *Hor* (озеро между двумя ручьями) + *ley* (поляна).

Studle (лошадиное пастбище): OE- *stod-* (стадо лошадей) ← *stud*. Док.: *Stodlei*.

field

Fallofield: E *fallo* ← OE *fealy* (поваленные деревья) + E *field* ← OE *feld* (поле). Док. 1317: *Fallufeld*.

Huddersfield: *Hudder* (ИС) + *field* (поле). Док.: *Hundraed's open land*.

Cuckfield (Западный Суссекс) - город к западу от HAYWARDS: OE *feld* (поле, открытая земля) + Old French *cucu* (кукушка). Док. 1114: *Kukufeld*.

Dukinfield: *Duce* (утка) + *feld* (поле). Док. XII: *Dokenfeld*.

Dalry (Стратклайд) - город к северо-востоку от ARDROSSAN (поле вереска) Gaelic *dail* (поле) + *fraoch* (вереск).

Huddersfield (West Yorkshire): *Hudders* ИС + OE *feld* (открытая местность).

Henfield (скалистая открытая земля) *Han* (камень) + *feld* (поле). Док. VIII в.: *Hanefeld*.

Mirfield: *Myrig* (приятный) + *feld* ← *field* (поле).

Murrayfield (поле Archibald Murray) + E *field* (поле).

Dronfield: *Dron* (трутень) + *field* (поле). Док.: *Dronfield*.

Общий список формантов представлен в таблице 6.

Таблица 6

Равнина	Земля	<i>tyre</i>	<i>Kintyre</i>
		<i>land</i>	<i>Leyland, Highland</i>
		<i>lis</i>	<i>Lismore, Limerich</i>
		<i>Hithe, al</i>	<i>Gomersall, Kinsale</i>
		<i>field</i>	<i>Huddersfield, Fallowfield</i>
	Лес	<i>wood</i>	<i>Kenwood House, Good wood</i>
		<i>grove</i>	<i>Gravesend, Kidsgrove</i>
		<i>(h)al(t)</i>	<i>Kensal Green, Chadle</i>
		<i>coillte</i>	<i>Cults</i>
		<i>forest</i>	<i>Corrou Forest, Copeland Forest</i>
		<i>ley</i>	<i>Dawley, Backley, Batley, Horley, Knowsley, Knottingley</i>
		<i>leigh</i>	<i>Budleigh, Salterton, Chudleigh, Leigh, Buckfastleigh, Leigh-on-sea, Fazakerley</i>
		<i>leah</i>	<i>Ardsley, Morley, Pudsey, Bromley, Stanningly</i>
	Остров	<i>ey</i>	<i>Laxey, Dalkey, Jersey, Ilkley</i>
		<i>ea</i>	<i>Brownsea, Cumbrays</i>
	Поле	<i>field</i>	<i>mirfield, Huddersfield</i>

Семантический тип «низина»

Описываемые семемы этого типа относятся к семантическому полю «рельеф», геоморфологическая структура которого отличается естественным чередованием ровных поверхностей с разного рода их понижениями и впадинами (нейтральный и отрицательный рельеф) [Фролов 1995].

Семема **буерак (баярак, боярак)**: «овраг, провал» – СРЯ – ДТС; местн.: «овраг»: *Баярак, р., Боярак, оз., Буераки, угодья, Большой Буерак* (см. картотеку топонимов кафедры общего языкознания ТюмГУ).

Семема **елань**: заим. из тюрк, «открытое место, луг, поляна, пастбище, просторная просека в лесу» – ПЭС, ФЭС, ШЭС, РГТ; «луговая и полевая равнина, обширная прогалина в лесу» – СРЯ; сиб. «возвышенная голая и открытая равнина; лысина, плешина» – ДТС; местн.: «чистое место в лесу, ялань»- «ровное безлесное пространство, открытое безлесное незаболоченное место»: *Елань, д., Еланская, д., Еланское, оз., Красная Елань, д., Яланский Колок, угодье*.

Семема **лайда**: заим. из фин. «лауто – невысокий берег» ФРС, «илистая песчаная отмель» – ФЭС; «речные поемные берега, низы, поймы» – ДТС; «прибрежная равнина» – МГТ; «мелкое заросшее озеро» – РГТ; местн.: «заливной луг с хорошим травостоем»: *Лайда, оз., сенокос, пастбище, Лайдешна, р., Большая Л., Средняя Л.* Номен обычно используется в обозначении сеноугодий, пастбищ.

Семема **лог**: общеслав. «лощина» – СРЯ; «широкий овраг, балка» – ПРЯ; «долина, широкий овраг» – ФЭС, ДТС; местн.: «широкий пологий овраг, впадина на месте старого русла реки»: *Лога, д., Логовская, д.*

Семема **луг**: общеслав. «ровное низкое место, роща, кустарник, дубрава» – СРЯ, ФЭС; «покос, пастбище» – ДТС. Номен используется повсеместно при обозначении пашни, покоса, пастбища: *Луговая, д., Луговое, с., Залужовая, д.*

Семема **низина**: общеслав. «низкое место» – СРЯ; «основанье, небольшая впадина, конец, край» – ДТС; «низкое место, заливаемое весенней водой, ложбина»: *Низ (часть д.), Низовская, д.*

В английском языке семантический тип «низина» выражен формантами **hamm, glen, den, don, glean, dal, combe, hope**:

Greenham Common: Green (зеленая) + ham ← OE hamm (прибрежный участок земли). Док.: Greneham.

Dyrham Park (Avon) - поместье в графстве Эйвон: Dyr ← OE deor (deer) олень + ham ← OE hamm (берег реки). Док. X век: Deorham.

Shrivenham (Oxfordshire) – деревня к северо-востоку от Свиндона (Swindon), хорошо известна Королевской Военной академией наук. Название «луга у берега реки»: OE scrifen (выделенный) + hamm (земля на берегу реки). Док. 821: Scriuenham

East Dereham (Norfolk) – город в графстве Норфолк: Dere ← OE deor (олень) + ham ← OE hamm (луг). Док.: Derham.

East Ham (Greater London) – пригород Лондона: Ham ← OE hamm (изгиб реки). Док. 958: Hamme.

West Ham (Greater London) – западные пастбища: West (западный) + hamm (пастбище). Док.: westhamma.

Northiam (северный). Док. 1288: Northeham (северные луга)

Great Missenden / Little Missenden (два поселка расположены в миле друг от друга): E missen ← OE mos (мох) + E den ← OE denu (долина). Док. 1210: Missedene.

Glendalough (долина двух озер: верхнего и нижнего Upper & Lower Lake). Irish: Gleann Dá Lock (где Dá – два) Ср. Glenfinnan, где Finnan – название реки Glengarnock, Garnock – название реки.

Glen Affric (долина быстрой реки): E Aff ← Gaelic ath (усилитель слова, а (река) + the + E ric ← OE breac (быстрый, резвый).

Glenelg (поселок в долине Ирландии): Glen (долина) + Ealg (родина ирландцев).

Croydon (Большой Лондон) - город к востоку от SUTTON: OE croh (шафран) + denu (долина). Док. 809 *Crogedene*.

Gleneagles: eaglais → eagles (церковь) Док.: 1165 Gleninglese.

Glengarnock (певущая река): Gaelic glen (река) + gearanach → garnock (петь, стонать).

Glengarriff - Irish: Gleann Garbh (долина)

Howden (Humberside): OE heafod (голова) + denu (долина). Док. 1300: Heaffuddane.

Rushden (Northamptonshire) – промышленный город на востоке WELLSBOROUGH (rushy valley): OE riscen (rushy) + denu (долина). Док.: Risden.

Rutherglen (Strathclyde) - город на юго-востоке от CLYDE: Gaelic (красная долина) ruadh + gleann (долина). Док. 1160: Ruthirglen.

Rydal Water (Cumbria) - одно из центральных озер Lake District, расположенное к северу от Виндермера (Windermere). Rydal (долина ржи): OE ryge (рожь) + dæl (долина). Док. XIII в.: Routhmere, 1576 г. Rydal Water.

Saffron Walden - древний город к северу от Стотфорда (Bishop's Stotford) изначально был известен как Вальден (долина бриттов): OE walh (иностранец) + denu (долина). Позже «Saffron» добавлен, чтобы отличать Вальден от других городов: Кингс Вальден (King's Walden), Полс Вальден (St Paul's Walden) к западу от Стевенеджа (Stevenage). Док. 1582: Saffornewalden.

Silsden (Уэст-Йоркшир) - город к северу от KEIGHLEY: OE sigan (погрузить, перемещать) + OE ley (долина). Док.: Siglesdene.

Denton (порт, поселок): E Den ← OE denu + E ton ← OE tūn (долина вдоль реки Tame). Ср. Denbigh: E Den ← Welsh din (крепость) + E high ← Welsh bach (маленькая). Док. 1269: Dinbych.

Ilfracombe (Devon) - известный курорт (долина народа Илфреда): Ilfra (ИС Илфред) + combe (долина).

Ryhope (Tyne and Wear) - район Сандерленда (неровная долина). OE hrēof (неровный) + hop (долина). Док. 1050: Reofhoppas.

Общий список формантов представлен в таблице 7.

Низина	Долина	glen	Glenelg, Glendalough, Glenfinnan, Glengarnock, Glen Affric
		glin	Crumlin
		dal	Skelmersdale, Daluhinnie, Deal
		combe	Cwmbran, Ilfracombe
		den	Denton, Cliveden, Great Missenden

§ 4.1. Топонимы с отличительными внешними и внутренними признаками реалий

Семантическое ядро предлагаемой лексико-семантической группы представляет собой синтез топонимических типов в своем большинстве с атрибутивными признаками, значение которых раскрывается в ряду формально близких по семантике топонимов. Превалирующей особенностью топонимов этой группы является наличие определительного признака, который свидетельствует о фактической или потенциально реконструируемой связи с другим, господствующим компонентом наименования – географическим номеном [Фролов 1996]. Словосложения на базе препозитивного определения и субстанции отмечаются в индоевропейских языках до их распада. По мере утраты детерминатива атрибутивный член как бы вбирает в себя исчезнувшее существительное и начинает обозначать уже не только то, что оно обозначало раньше..., а еще и то, что обозначало существительное. В сфере топонимии эллиптированное образование способно обозначать поименованный объект независимо от того, что доминировавшая определительная функция вытесняется адресной функцией. Процесс субстантивации подробно описан в диссертации О.К. Ирисхановой [Ирисханова 2004]. Субстантивация – традиционный продуктивный приём географических номинаций. Древнейшие восточнославянские названия поселений являются по происхождению прилагательными. Топонимический материал «Повести временных лет» обнаруживает генетическую зависимость от прилагательных, а также переход многих топонимов из прилагательных в существительные. Признак предмета служит познавательным целям, указывая на свойства предмета. В языке это проявляется в создании описательного сочетания, в котором фиксируется признак явления как принадлежащего соответствующей понятийной категории, в том числе и отличительных признаков этого явления. При этом последние, будучи видовым компонентом составного наименования, заключают в себе его мотивировочные признаки. В дальнейшем можно пронаблюдать семантическую конденсацию (в плане содержания) и стяжение (в плане выражения), когда при частой употребительности составного названия один из его компонентов начинает предполагать другой, создавая избыточность его выражения. [Ермоленко 2007] Механизм стяжения составного наименования в простое достаточно ясен: основой названия остается видовой компонент, а родовой редуцируется, но его значение включается в значение эллипсиса: *Каменная Деревня – Каменка, Щучье Озеро – Щучье, Быстрая Речка – Быстрица*.

Топонимия дозорных и писцовых книг Тюмени и Тобольска XVII столетия, меновых карт XVIII-XIX вв. свидетельствуют о неустойчивости структуры описательных наименований, впрочем, характерных для ойконимии северных, центральных и южных уездов Московского государства того периода. Названия поселений в XVII в. представляли собой многочленные описательные формулы: деревня Матвеевская, что дал вкладу боярин Матвей Годунов, над речкой Тайменкой; погост Преображенский на Аболаке, а в нём церковь во имя Преображения господня (ЦДК). Следовательно, ойконимообразование первоначально включало: а) номенклатурный термин, указывающий тип поселения; б) посессивное антропонимическое определение, которое могло замещаться другим определением; в) местоположение ойконима относительно другого, более известного (названия) объекта. Сочетание этих компонентов давало возможность установить, кому принадлежал объект, тип объекта, где он расположен. Каждый из компонентов в силу экстралингвистических причин мог стать впоследствии названием. Однако процесс выпадения сопутствующих компонентов проходил постепенно и не отличался закономерностью.

Проследивая трансформацию трехчленных топонимических формул в одночленные, способные выполнять номинативную функцию выделяют следующие её этапы: 1) отсечение локатива, который, однако, мог стать самостоятельным топонимом; 2) освобождение от географического термина и образование топонимов-эллипсисов. Устранение географического термина могло проходить также путем включения его в топоним-одночлен (Карповы горы - Карпогоры). Превращение апеллятива в топоним в свою очередь приводит к его детерминологизации. Необходимо в этой связи учитывать и неодинаковую интенсивность указанных процессов: детерминологизация географических терминов и переход их в топонимы не относится к числу продуктивных топонимических новообразований, тогда как топонимизация номенов в последнее время заметно активизируется.

Формирование номенклатурной лексики падает на XVII-XIX вв. В пермских деловых документах XVII-XVIII вв. отмечается параллельное использование двучленных и одночленных структур типа болотное место – болото, наволожное место – наволок, угодное место – угодье [Полякова 1976]. Стабилизация подобного рода одночленных номенов – неологизмов (гарь, огород, поскотина и др.), по нашим данным, относится в основном к XIX столетию. Одновременно они активно включаются в словосочетания топонимического типа, образуя местные географические названия – *Зырянова Пашня*, *Хмелевская Дубрава*. Анализ образования топонимов в их диахронии частично подтверждает предложенную схему, но далеко не ограничивается ею. Разумеется, в реальной номинации объектов пути трансформации субстантивированных топонимов, несмотря на наличие семантических и структурных универсалий, сугубо индивидуальны, о чем свидетельствует разнообразие семантических типов.

Семантический тип **форма объекта** включает набор семем, различающихся внутренним содержанием, но условно объединяемых на основе универсальности семантического признака, возможности использования тополексем для обозначения разных классов объектов.

Семема очертание объекта:

- кривой – общеслав.: «изогнутый, непрямолинейный» (ФЭС, ДТС, СРЯ): *Кривая, д., Кривое, оз., Кривушка, д.,* сходный, но не равнозначный смысл субстантива «косой» (непрямой, идущий наклонно – ДТС): *Косуха, д., Косая, р., Косое, оз.;*
- круглый: общеслав.: «все, что образует круг, имеет форму круга» – ФЭС, ДТС, СРЯ: *Круглая, д., Круглое, оз., Круглинка, д.;*
- овальный: «кривой в форме яйца» – ДТС: *Овальное, оз.;*
- плоский: общеслав.: «ровный, не имеющий неровностей» – СРЯ: *Плоская (Плоские), д., Плоское, оз.* Синонимическими являются топонимы: *Гладина, угодье, Ровнец (Равнец, Ровнецкий), Долинка, р.;*
- крутой: общеслав.: «отвесный, обрывистый» – ФЭС, ДТС, СРЯ: *Крутая, д., Большая Крутая, Малая К., дд., Крутенький, пос., Крутиха (Крутихино, Крутищина), д., Крутоозерское (Крутые Озерки) д.*

Близки по семантике к отмеченным выше метонимические названия: *Ведерки, д., Коробка, д., Лопатка, д., Лукошки, д., Сапог, р.,* в которых реализуется переносное значение соответствующего апеллятива, то есть в основе топонимической метафоры положена общеязыковая образность.

Семема величина группирует отаппеллятивные названия, с семантическим признаком размера объекта, который определяется его сравнительностью, протяжённостью в горизонтальной или вертикальной плоскости. Часть таких названий возникла в результате переименования, переноса названий на смежные объекты, ср: большой – малый: *Большое, оз., Малое, оз., Большая, р.; глубокий – мелкий*: *Глубокая, д., Глубокое, с., Глубокий Полуь, р.; длинный (долгий)*: *Долго Болото, Длинное, оз., Длинный (Долгий), руч.;* Субстантив – «долгий» в говорах имеет также значение «дальний»: *Долгая, грива; высокий – низкий*: *Высокий, пос., Высокая Гора, Высокая Грива.*

Семантический тип особенности водотока объединяет преимущественно названия-субстантивы, обозначающие объект по признаку интенсивности-неинтенсивности водотока и выражен семамами: быстрый: *Быстрая, р., Быструха, р., Быстрица, рч.*

Семантический тип тепловой режим логически предполагает наличие бинарных наименований, однако фактические материалы не всегда подтверждают реальное противопоставление, представлен семами: холодный: *Холодная, р., Холодное, оз., Холодный Омут, оз.;* студеный: *Студеное, оз., Студеная Протока, рч.;* ледяной: *Ледяной Полуь, р., Ледяное, оз.;* горячий: *Горячее, оз.;* тёплый: *Теплоозерная, д., Теплодубровное, д.;* талый (незамерзающий): *Талая, р., Талица, оз., Заталица, оз.*

Семантический тип грунт, гумус включает семемы, отражающие в названиях лексику, которая обозначает торфяно-болотные, подзолистые и малочерноземные почвы в основном на глинистом, песчаном и каменистом субстрате [Фролов 1996].

Семема горелый (гарь): «выкорчеванный участок в лесу – ФЭС; выжженный лес, луг» – ДТС; местн.: «пашня на месте раскорчевки», «сенокос»: *Гари, д., Горелый Мыс, Горелая Яма.*

Семема глина: общеслав. «земля или землистое вещество» – ДТС, СРЯ: *Глина, б., Глиниха, рч., Глинская, д.*

Семема дресва: «песчаная, песчано-каменистая земля»; «рыхлый, мелкий каменный материал» – МГТ: *Дресвянка, д.*

Семема земля: общеслав. «земля-почва, верхний слой суши» – ДТС: *Земляная, д., Землянка, д., Землянское, с.*

Семема ил: «топь», «низина» – МГТ; – «глинистая, вязкая, истертая земля пенистого цвета» – ДТС; «отложения на дне водоемов, состоящие из мельчайших частиц минеральных и органических веществ» – СРЯ: *Иловатое, оз., Кольняцкий Ил, рыбоучасток.*

Семема каменный (см. выше «камень»): *Каменная, р., с тем же смыслом: Галька, Галишний Лог.*

Семема песчаный (диал. песьяный): общеслав. «песок – сыпучие крупинки твердых минералов» – СРЯ: *Пески, д., Песьянка, д., Пещаное, оз., Песьяново.*

Семема солонец: общеслав. «пропитанная солью земля, почва» – МГТ, ДТС; местн.: «солонцы» «травы»: *Солончаки, пос., Солянка, д., Солянская, д.*

Семема торф: местн.: «верхний слой почвы из плотно слежавшихся растений и мхов»: *Торф (Балта), б., Торфяник, б., Тундрин, прот.*

Торфяно-болотистые почвы характеризуются неоднозначными определениями, которые отражают как антонимические, так и синонимические отношения: сухой-мокрый: *Суходольник, оз., Мокрая, д.; гнилой*: *Гнилое, оз., Гнила, д.; грязный*: *Грязное (Грязно), оз., Грязнуха, р.; кочковатый*: *Кочки, оз., Кочнихи, д.; липкий*: *Липкое, б.; топкий*: *Топкое, оз.; тягучий*: *Тягучее, б.*

Семантический тип запах в нашем материале представлен составом семем с общим признаком «неприятный запах» (примеры единичны).

Семема вонючий: *Вонючее, б., Вонючка, р., Вонючее, оз.*

Семема духовой: общеслав. «дух, вонь, противный запах» – ФЭС, ДТС: *Духовая, р., Духовка, р.; синонимичными являются тополексемы: Мареный, зали, Поганое, оз., Томное, оз.*

Семема смородный: общеслав. «смрад, смород» – вонь, грязь – МГТ: *Смородная, р., Смородиновка, д., Смородная Утина, угодые.*

Семантический тип вкусовые ощущения включает семемы, послужившие доминантой назывного слова.

Семема горький: *Горькое, оз., Горьковка, д.*

Семема сладкий: *Сладкая, д., Сладково, оз., Сладчанка, д.*

Семема пресный: *Пресное, оз., Пресновский, пос., Преснопесчаное, оз.*

Семема солёный: *Солёная, рч., Солёное, оз., Солянка, д.*

Семема кислый: местн. «торфяно-глинистые почвы с высоким содержанием солей»: *Кислая, д., Кислый, выс., Кислиха, р.*

Семантический тип цвет концентрирует семемы с бинарными признаками лексем, что обусловлено денотативным и коннотативным значениями.

Семема белый: Белая, д., Белое, оз., Бельное, д.

Семема светлый: Светлая, рч.; Светлое, оз., Светлый, пос.

Семема ясный: Ясная, рч.; Ясное, оз., в том числе с метафорическим оттенком: Зеркальное, оз., Зеркальце, оз., Серебрянка, рч.

Семема черный: Черная, р.; Черное, оз.; Чернорка, д.

Семема темный: Темная, д.

Семема смоляной: общеслав. «чернь, чернота»; местн. «смолить» – варить смолу, переносн. «делать черную работу»: Смоляное, оз.; Смоленка, д.

Семема пестрый (разноцветный – СРЯ): Пестрое, оз., Пеструха, рч.

Семема красный: общеслав. «краса» – рус. в знач. цвета: Красная, р.; Красная Горка, д., Красноярское, с.; в том числе с идеологическим подтекстом: Красный Север, д., Красный Партизан, д., Красноселькуп, пос. Синонимический ряд данной семемы представлен тополемами: бурый – др.-рус. рыжий, гнедой» (ФЭС): Буренька, р.; огневой (о цвете: огненно-красно-бурый): Огневая, прот., Огненка, рч.; ржавый (о цвете темно-красный): Ржавое, б., с аналогичным смыслом: Железенка, р., Железный Перебор, д., Близкая Ржавчина, оз.; рудый (о цвете: «красный»): Рудна (Рудная).

Семема зеленый: Зеленая, р., Зеленое, оз., Зеленый пос.

Семема пегий – др.-рус. «рыжевато-коричневый, золотисто-жёлтый» – ФЭС; «пестрый» – ДТС: Пеганка, р., Пегуха, д.

Таким образом, рассмотренный, семантический тип наименований в большинстве случаев содержит признак противопоставленности. Сущность такого номинативного процесса объясняется невхождением 21 онимов в синонимические и антонимические отношения, поскольку топонимы не имеют иного значения кроме денотации. Все разговоры о семантике аналогичных топонимов сводятся к значению образующих основ. Бинарные оппозиции являются системообразующими, что проявляется в объектной соотнесенности парных названий, их принадлежности, так сказать, к одному ряду и деривационной близости. Отношения противопоставленности, существующие в топонимии. О. Т. Молчанова считает манифестацией её системного характера, а не явлением антонимии [Молчанова 1979]. Отрицание корневого понятия, выраженного апеллятивом, не означает отрицания названия. Ясно, что речь идет о признаке противопоставленности в исходных апеллятивах, однако невозможно отрицать объективные ассоциации, сущность мотивов наименования, которые вскрывают живую связь онима и апеллятива, лингвистические закономерности и экстралингвистические факторы функционирования топонимии.

В английском языке отличительные признаки реалий обозначены оппозициями **great/little**, **new/old**, а также определениями **moss**, **strath**, **worth**:

Muswell Hill (холм у мшистого источника). OE meos (mox) + OE wella (источник). Док. 1155: Mosewella.

Mossley (очищенная от мха земля). Док. 1319: Moselegh.

Moston (ферма на мшистой земле). Док. 1195: Moston.

strath

Strood – индустриальный район к северо – западу от Rochester. OE strod (болотистая земля, покрытая кустарником). Док. 889: Strod.

Strathmigo (Fife) – долина в Migo (болотистый длинный участок). Док. 1220: Scradimiggolr.

Strathmore (Scotland): OG srath (долина) + mor (великий). Обширная плодородная долина, разделяет HIGHLANDS на север и юг.

Strathaven (Strathclyde) (уровень воды в долине): Gaelic Stath + OE Avon (вода). Док. 1190: Strathouen.

worth

Nailsworth (усадьба Nægl'a). Док. XII: Nailleswurd

Narberth (место за изгородью): Welsh yn (в) + ar (the) + berth (изгородь). Док. 1220: Nethebert.

Saddleworth: OE sadol встречается в средневековых пактах, означает скалу в форме седла. Док. 1230: Sadelword.

Failsworth: E fails ← OE fēgels (соединять) + worth (забор, ограда), Док. 1212: Fayleswrthe.

old

Oldbury (West Midlands) Док. XII в.: Aldeberie.

Oldham (Greater Manchester) (старый мыс). Ham (ферма) или ON Holmr (остров, мыс).

Old Sarum (Wilshire) – часть города. «Sarum» – аббревиатура с лат. названия Salisbury.

Old Trafford (Greater Manchester) – район Salford с площадками для крикета и футбола. Нормандская форма Stratford без инициалл –S- и с –tf-, смесь с –ff-.

Olney (Buckinghamshire) (остров Ollas): Eg (остров, земля, окруженная водой). Док. 10в.: Ollaneg.

Openshaw (Greater Manchester) (открытое дерево). OE Open (открытый) + sceaga (дерево).

Oldsall (Greater Manchester, Nottinghamshire) OE halh (укромный уголок). Док.: 1777: Ordeshale.

Newark-on-Trent (новая работа, город). Док. 1060: Newarcha

new

Newbiggin-by-the-Sea (новое здание, рыбацкий город): ME bigging (здание). Док. XII: Niwebiginga

Newbridge (новый мост, город)

New Brighton (светлый город): new + bright (светлый) + E ton (город) ← OE ston.

Newburgh (новый город): Док. 1130: Novam Civitatem

Newburn (новый поток, город) OE niwe (новый) + burna (поток). Док. 1121: Neuburna.

Newbury (новый город): bury ← OE burg (город). Док. 1431: Neweburgh.

Newcastle-under-Lyme (новый замок под Вязом, город) Lyme Forest (лес вяза). Док. 1168: Nouum Oppidum sub Lima.

Newcastle upon Tyne (новый замок). Док. 1130: Novum Castrum.

Newham (новая усадьба, город). Док.: new Ham.

Newington (новая ферма, город): OE niwe (новый) + tune (ферма).
Док. 1325: Newington by Southwark.

Newlyn (Новое место размещения армии, деревня) Newlyn ← Lulyn ← Cornish lu (флот).

Newport (новый порт или торговый город) Port (порт или торговый город).

Newry (новое дерево, город): ry ← new tree

Newton Abbot (новая ферма, торговый город): New + OE tune (ферма, деревня).

Newtongrange (новая деревня зернохранилище, город): New (новый) + OE tune (ферма, деревня) + grange (усадьба, зернохранилище).

Общий список формантов семантического типа **отличительные признаки объектов** представлен в таблице 8.

Таблица 8

Отличительные внешние или внутренние признаки реалий	Черты объекта	количество	Filey, Fivemiletown
		качество	Gidea (ветренный) Park, Govan (дорогой), Brentwood, Fair/Fulford (чистый, грязный), Huntington (охотничий)
		форма	Langholm, Kyle of Lochalsh, Hugh Town, Hoylake, Kent, Cromarty, Belcoo, Bradwell-on-Sea
		размер	Great/Little Tew, Great/Little Brighton
		цвет	Greenford, Grimes Graves, Fairford, Glastonbury, Fulford, Greenhithe, Driffeld, Chealsea (мел)
		звук	Leeds Castle, Chigwell (журчащий ручей)
		грунт	Grain (мелкий гравий), Clayton (глина)

§ 4.2. Названия географических реалий, отражающих пространственную ориентацию объектов

Онимы, включаемые в данную лексико-семантическую группу, указывают на сопутствующие, ориентировочные близлежащие объекты. Названия последних могли стать основой для возникавшего и нуждавшегося в наименовании другого объекта. Следовательно, потенциально часть топонимов предлагаемой ЛСГ – метонимические названия. Так, в эллиптированных топонимах – субстантивах – *Перегребное д.*, *Угловое оз.*, утраченные компоненты восстанавливаются документально: Перегребновские остяцкие юрты на Оби при Ямской переправе, Угловский выселок при озере на угловом лугу. В большинстве же аналогичных случаев приходится иметь дело с отсутствием каких-либо исторических свидетельств [Фролов 2005].

Лексико-топонимическая база ЛСГ-Ш неоднородна, поскольку состоит из названий, восходящих к географическим терминам и номенам, субстантивированным апеллитивам и бинарным атрибутивам, которые постепенно стабилизировались в роли топонимов.

К ним примыкает часть псевдо- и де-факто топонимов-оказионализмов. Однако их цементирующим семантическим примарным признаком является ориентация в пространстве и времени, отношение к локально значимым объектам, воздвигнутым природой или созданным человеком.

Семантический тип **сторона света** представляет собой совокупность семем с признаком общей ориентированности. Ожидаемая бинарность относящихся сюда названий в локальной топосистеме, однако, не всегда имеет место, так как местонахождение поименованного объекта априори соотносится с центральным пунктом отсчета, т.е. появление поселка с названием *Восточный* ни в коей мере не свидетельствует о наличии названия *Западный*.

Семема **север**: *Северная, д., Северное, оз., Северный, пос.*

Семема **южный**: *Южное, с., Южноплетнево, с., Полуденно-Кедровка, д., Полднево, с., Полуденная, р.*

Семема **восточный**: *Восток, пос., Восточный, пос.*

Семема **западный**: *Западный, пос., Западная Боровлянка, д.,* в том числе диалект., с тем же смыслом: *Вечернее, оз., Закатное, оз.*

Семема **левый**: *Левая, р.*

Семема **правый**: *Правый Полой, рыбоугодье.*

Семема **главный (центральный)**: *Главная Протока, прот., Центральный, пос.*

Семема **боковой**: *Боковая, д., Боковая Протока, прот.*

Семема **угловой**: *Углы, хутор, Угловский, выс., Угловая, д.*

Квантитативно-временной критерий номинации определяет семантический тип **понятие отсчета**, включает семемы, устанавливающие своеобразную очередность функционирования названия в зависимости от возникновения или обнаружения объектов и их количественной характеристики.

Семема **порядковое число**: *Первый, пос., Первотроица, д., Второй, пос., Второтроицк, пос., Девятая Ветка, участок.*

Семема **новый / старый**: *Новая, д., Новое, с., Новый Путь, пос.; Старовяткино, д., Стародеревской, пос., Старый Мост, прот.* Определения «новый», «старый», коррелирующие очередность возникновения наименований, в равной мере способствуют стабилизации словообразовательной топо модели, хотя продуктивность сочетаемости с этими определениями -неравнозначна. Малая активность модели на **стар-** объясняется, как ни парадоксально, её вторичностью по сравнению с моделью на **нов-**. Появление названий на **нов-**, как в форме эллипсиса, так и словосложения, часто меняет название первоисточника: *Новоборовая, д., Староборовая, д. (бывшая Боровая), Новая Пуртова, д., Старая Пуртова, д.* В других случаях дочерними являются образования с определением **нов-**: *Курская, д., Новокурская, д., Георгиевский, пос., Новогеоргиевская, д.*

Семантический тип **местонахождение, граница** представлен кругом семем, отличающихся бинарностью названий, которые возникали по мере освоения рек, озер, угодий при продвижении русского населения с запада на восток и с юга на север.

Семема верхний: *Верхняя Речка, д., Верхний Омут, оз.*

Семема нижний: *Нижний, пос., Нижнепристанский, пос., Нижний Тагил.*

Семема устье: др.-рус. «конечный или начальный участок течения реки» – ФЭС, ДТС: *Устьбарсух, р., Усть-Демьянка, д., Усть-Лотовка, д.*

Семема дальний / ближний: *Ближний Бор, лес, Дальнеостровное, д., Дальний, пос.* Признаки «дальний-ближний» отражают также названия: *Здесьняя, д., Здешнещекина, д., Глухая, д.*

Семема межа: *Межевая, д., Межна (Межевая), р., Меженница, оз.* Близкими по значению можно считать топонимы: *Междуреченский, пос., Пограничная, д.*

Семантический тип **природный или искусственный ориентир** включает семемы, содержащие признаки (локальные указатели – примечательные естественные или искусственные объекты), которые послужили источником метонимизированных наименований. Их регулярное использование в качестве номинативного средства дает право на автономное рассмотрение.

Семема сопредельный гидроапеллятив находит свое вещественное выражение в топонимизированных терминах и номенах, а также непервичных топонимах, «вторичность» которых обозначена морфологически: *Заречная, д., Заозерная, д., Прииртышский, пос., Приобье, станция.*

Семема сопредельный топографический номен: *Загорное, оз., Заостровка, д., Подбугорная, д., Подгорная, д., Пригородный, пос., У-Трех-Сосен, оз.*

Семема искусственный ориентир включает отапеллятивные наименования, обозначающие разного рода сооружения, которые свидетельствуют о хозяйственном предназначении и занятии: *Копанка, р., Запор, д., Запрудная, р., Плотины, рч., Вахтовый, пос., Шигечное, б.*

В английском языке объекты пространственной ориентации выражены предложными сочетаниями:

Clayton-le-Moors –le – Moors (возвышенность): E Clay ← OE clæg (глинистая почва) + E ton ← OE tūn (поселок). Док. 1263: Clayton, 1284: Clayton super moras, Clayton – le – Dale, Clayton – le – Woods. **Dalton – in – Furness** – (2-ой компонент выражает локализацию), E dal ← OE dael (долина) + E ton ← OE tūn (город). Ср. Barrow – in – Furness. **Bourton-on-the-Water** (город на реке). Ср.: Bour – upon – Trent, Bourton – on – the – Hill, Black Bourton, Burton Constable. **Grantown-on-Spey** (город, основанный в 1765 г. Дж. Грантом, стоит на реке Spey). Ср.: Goring-by-Sea (поселение людей Gora), Forest of Dean (dean – долина). **Shoreham-by-Sea** (порт на западе от Брайтона) основное название: Шохам (ферма у реки): OE scora (берег) + hām (усадьба). Док. 1457: port of Hулkesmoith alias Shorham. **Goring-by-Sea** (поселение людей Gora у моря). **Gorleston-on-Sea**: E Gorles ← OE Gurla's. (посессив) + ton. Док.: Gorlestuna. **Shipston-on-Stour** (Ворвикшир) – основное название Шипстон (ферма по разведе-

нию овец), расположена недалеко от Sheepwash, где купают овец. Часть названия «wash» редуцирована до одиночного -s: OE scēap (овца) + waesce (мыть) + tūn (ферма). Док. 770: Scerwaeistune. **Shipton-under-Wychwood (Oxfordshire)** (деревня к северо-востоку от Берфорда). Название «Шиптон» распространено и в других районах южной Англии. Основное значение: «ферма по разведению овец» OE scēap (овца) + tūn (ферма). Док. 1391: Sciptone (Domesday Book: Shipton under Wycchewode). Southend-on-Sea, Leigh-on-Sea, Greatstone-on-Sea Gortleston-on-Sea, Frinton-on-Sea (курорты).

Рукотворные объекты, служащие пространственным ориентиром (мост, столб, крепость), представлены ниже:

bridge

Bembridge (город на острове): Вуппе ← OE Binnan (witnin или between)+brycg E bridge←OE brycg. Док.1316: Beynnebrygg

Groombridge: Groom (слуга) + bridge (мост), в отличие от Knightsbridge (рыцарский мост). Док. 1318: Gromenebregge.

Cowbridge (рынок, коров ведут на рынок через мост): Roman Bovium ←лат. bos (в генетиве bovis «корова»): E cow ← lat.bos←Rom. Bovium Замена заимствованного слова bos на исконно английское cow.

Corbridge (римская станция Corstopitum сокращена): Cor E + bridge←OE brycg (мост).

Fordingbridge (мост, построенный людьми из форта). Док. 1320: Fordinge-bridge: Ford+ing+bridge – композит, состоящий из 3-х элементов.

Greta Bridge – поселок, назван от реки Грета, которую пересекает мост: E greta ←O Norse grjót (камень гравий)+ á (река, поток).

Brora Поселок по названию реки – river of the bridge ON brú (мост)+ a (река). Долгое время это был единственный мост через реку. Док. 1499 : Srabrogay, где sra (южный) относится к Sutherland в Шотландии.

Kingsbridge: Kings (cinges – AS) королевский + bridge (brycg – AS) мост. Док. 962: Cinges Bricge.

Knightsbridge – рыцарский мост слуг баронов и лордов. Док. 1516: Cnightebridge.

Ironbridge (Shropslūre): brycg (мост) + Iron (железо). Железный мост – название города.

Ivybridge (мост через реку Иви) Bridge (мост) + Ivy (река Иви). Док. 1280: Ponte Enderoso.

Gorebridge Треугольный мост OE: gara (треугольный) + bridge (мост).

ford/caer(w)/ver

Knutsford Canute (имя короля) + ford (переправа). Док.: Cunetesford

Hungerford: Hunger (ИС) + ford (брод, переправа).

Lifford: (ирл. ИС) Leifear + ford (переправа, брод).

Gresford: E gres ← (Welsh) croesffordd (пересечение дорог). ff = f, dd = d.

Fairford: E Fair ← OE fæger (чистый)+ ford. Док. 872: Fagranforda – антоним к названию Fulford (грязный): E Ful ←OE foul + ford.

Greenford - незначительная трасса, заросшая травой. Док. 845: Grenan (имя собственное) + Forda (слияние).

Cinderford: E Cinder ← OE sinder (зола) + ford (переправа через ручей, впадающий в большую реку). Док. 1285: Sinderford.

Caerphilly (город к северу от Cardiff): Welsh caer (fort) + Ffili'sfort (форт Филиппа).

Yelverton: Elford означает Ella's ford, (Elford)→Yelver + (town)→ton. Док. 1809: Elfordtown.

Deptford: Deor (глубокий) + ford (брод). Док. 1334: Depford.

Hungerford (голодный брод). Док. 12в: Hungreford.

Mudford (грязный брод, побережье). Док. 1811: Midderford

Orford (Suffolk) - деревня на реке Ore (брод через реку).

Swinford (Mayo) Irish Béal Atha na Muice (брод свиней).

stone

Greystones (серые камни). Ирландский синоним Na Chlocha Liatha

Greatstone - on-Sea - морской курорт в отличие от Littlestone-on-Sea. Хотя сейчас этот курорт намного меньше чем Littlestone-on-Sea, т. е. название не соответствует действительности, но сохраняется в силу консервативности топонимии.

Folkestone: E folk←OE folc (народ) + E stone ← OE stān (камень), интерпретируется как место народных встреч. Док. 696: Folcastan.

Johnstone - посевив Jone'stone: Jone (имя собственное) +E ton ← OE tun (поселение) - ферма Джона.

Brixton, где - ton не ферма, а камень stone (место встреч собрания). Док. 1062: Brixges (имя собственное) + stan.

Leytonstone - город на реке Lea (Stone - римский километровый столб). Док. 1370: Ley + ton + Stone (река+город+столб).

Ingatestone (Essex) Ingate (у ворот) + Stone (камень, столб).

Godstone - деревня Бора: godig (bor) + ton (деревня). Док.: 1248 Godesum.

Gorleston-on-Sea - деревня + sea (море). Док.: Gorlestuna.

Stonehenge (Wiltshire) - земляное укрепление и каменный круг на SALISBURY Plain. Название означает «подвешенные камни»: OE Stone (камень) + henge (висеть). Док. 1130: Stanenges.

Stenhousemuir (Central) (местность рядом с каменным домом) - город северо-западнее FALKIRK: OE stan + hus + mor. Док. 1200: Stan House, 1601 Stenhous.

Humberstone (Leicestershire) Humbeorhts (ИС Гумберт) + stone (камень).

east

East Bergholt (Suffolk) - деревня в графстве Саффолк: восточный лес на холме Berg ← OE beorg (холм) + holt ← OE holt (лес). Док.: Bercolt.

Eastbourne (East Sussex) - курорт недалеко от Брайтона: восточный поток + bourne ← OE burna (поток). Док. 1279: Estburn, 1302 Westburne.

East Dereham (Norfolk) – город в графстве Норфолк; *Ист Дирхем* Букв.: восточный олений луг Dere- ← OE *deor* (deer) олень + -ham ← OE *hamm* (meadow) луг. Док.: Derham

East Grinstead (West Sussex) – город в Западном Сассексе; *Ист Гринстед* Букв.: восточный город в травянистой местности Grin- ~ green зеленый + -stead ← OE *stede* (green site) зеленая местность. Док. 1121: Grenestede, 1271 Estgre-nested

East Ham (Greater London) – пригород Лондона: восточный берег реки + ham ← OE *hamm* (изгиб реки). Док. 958: Hamme

East Kilbride (Strathclyde) – город в графстве Стретчклайд: восточная церковь святой Бригитты. Kil ← гэльское *cill* (церковь) + bride ← St. Brigid (святая Бригитта). Док. 1180: Kellebride с 1947 года и по сей день: New Town.

Eastleigh (Hampshire) – город в Гэмпшире: leigh ← OE *leah* (росчисть, за-сека). Док.: Estleie.

East Linton (Lothian) – город в графстве Лотиэн: OE *lin* (лён) + ton ← OE *tun* (община, деревня). Док. 1127: Lintun.

East Molesey (Surrey) – поселок в графстве Сюррей: восточный остров Мула: Mole- ← Mul (имя собственное) + sey ← OE *eg* (остров). Док. 670: Mule-seg.

Eastwood (Nottinghamshire) – город в Ноттингэмшире (восточный лес). Книга Судного Дня: Estewic. Док. 1165: Estweit, 1575 Estwood.

west

Western Isles (Scotland) Западные острова (Шотландия)

Westgate-on-Sea (Kent): West (западный) + gate (ворота), «Западный выход на море».

West Ham (Greater London) – западные пастбища: West (западный) + ham (долина). Док.: Westhamma → West Ham.

West Kilbride (Strathclyde): West (западный) + bride (Св. Бригита) + Kill (церковь).

West Kirby (Merseyside): West (западный), Kirby (деревня с церковью). Док.: Kirby.

West Mersea (Essex) – запад острова Mersea. Mersea Island – остров.

Westminster (Greater London). Вестминстерское аббатство, английский парламент. Док. 785: Westminster.

Westmorland (England) Западная страна мавров, moor – мавр. Док. X в.: Westmoringland.

Weston – super – Mare (Somerset) (западная ферма на море)

Westport (Mayo). Ирландское название Cathair na Mart – каменный форт.

Westray (Orkney) (западный остров). ON *vestr* (запад) + *ey* (остров).

north

Norfolk Northern (северный) + folk (народ). Док.: Nordfolk

Normaton (ферма Норманца). Док.: Normantone.

Northallerton: Northern (северный) + Allerton (ИС). Док. 1293:North Alverton. Domesday Book: Aluretone.

Northam «northern homestead» Northern (северный) + homestead (усадьба)

Northampton: Northern (северный) + Hampton (ИС). Док.: 1065 Northhamton, 1011 Hamtunscir, 1114 Northhamtunscir.

Northiam: Northern (северный) + hamm (долина). Док. 1288:Northeham.

Northolt: Northern (северный) + holt (закоулок). Док. 960: Northhealum.

Northumberland: Northern (северный) + Humber (ИС) + land (земля, страна). Док. 867: Northhymbre 895 Northhymbraland.

North Walsham: North (север) + Walsh's (ИС) + homestead (усадьба). Док.: Walsam.

Northwood: Northern (северный) + wood (лес). Док.: 1435 Northwode.

Norwich Northern (северный) + wic (город, порт). Док.: Noruic.

Norwood: North (север) + wood (лес). Док.: 1176 Norwude.

Общий список формантов, отражающих пространственную ориентацию объектов, представлен в таблице 9.

Таблица 9

Пространственная ориентация	Переправа, брод	ford	Gresford, Elfordtown, Cinderford, Dartford, Lifford, Knutsford, Hungerford
	Столб	stone	Leytonstone, Ingatestone, Johnstone
	Камень	stone	Greystones, Greatstone-on-Sea, Littlestone-on-Sea, Folkstone, Brixton
	Мост	bridge	Kingsbridge, Groombridge, Knightsbridge, Ironsbridge, Ivybridge, Brora Greta Bridge, Fordingbridge, Corbridge, Cowbridge
	Стороны света	east	Eastbourne, Eastham, East Kilbride
		west	Westminster, Westham, West Kilbride
		north	Normaton, Northampton, Norwick
		south	Southbourne, Southampton, Southwick

§ 5. Наименования географических реалий, связанных с окружающей флорой

В пределах Зауралья находятся природные зоны тундры, лесотундры, лесной зоны, лесостепи и степи с характерной для каждой зоны фауной и флорой. В арктической тундре растительность состоит главным образом из кустистых лишайников, осоки, зеленых мхов, к которым в южной части постепенно присоединяются, кустарники карликовой березы, ольхи, ивы, а из травянистой растительности – багульник, голубика, морошка, в том числе яркоцветущие желтые купальницы, незабудки, желтые и лиловые мытники, а также грибы – сыроежки, волнушки и подберезовики. В лесотундре тундровая растительность чередуется с деревьями лиственницы, ели и березы. К югу лесотундра постепенно сменяется тайгой – лесами хвойных пород (сосны, кедр, ели, лиственницы и пихты).

В лесостепи и степи распространены смешанные леса и сибирские колки, состоящие из березы и осины. Здесь также представлены дикая вишня, черемуха, смородина, малина, рябина, шиповник, крушина и многие виды травянистой растительности, грибов и дикорастущей ягоды. Преобладающая часть лесной территории региона характеризуется елово-кедровыми с лиственницей, пихтой, сосной, березой, осиной и кустарнико-зеленомошными лесами, которые сочетаются со сфагновыми лесами, занимающими заболоченные участки. Выделяются также серии болотисто-луговой, луговой, степной и лесостепной растительности с ассоциациями, отражающими динамику ландшафта [Фролов 1996].

Столь значительная широта природных зон сама по себе предполагает наличие разных лексико-семантических типов названий, отражающих фитонию региона. Являясь денотативной группой лексики, номенклатурная лексика, служащая для обозначения видов растений, по мере членения может быть сгруппирована в отдельные подвиды со схожими признаками. На наш взгляд, родо-видовая дистрибуция флоры может быть построена на основе близости ботанических номенов, семантические дифференциальные признаки которых генетически идентичны.

Переход ботанических номенов в топонимы не приводят к окончательной десементизации исходной лексемы, приобретающей номинативную функцию. Тесная взаимосвязь онама – номен определяется актуальностью вида флоры в жизнеобеспечении населения. Отсюда высокая продуктивность фитоапеллятивных топонимов. Они возникают там и тогда, когда в объективной реальности имеется наибольшая концентрация растительного вида, доминирующее положение которого берется за основу конкретного названия. В более редких случаях географический объект получает свое название, фиксирующее единичный признак, который отражает нехарактерные для территории виды растительности, выделяя одиночные экземпляры, служащие местными ориентирами (Два Кедр, оз.).

Семантический тип «древесная растительность» концентрирует семемы, являющиеся названиями лиственных и хвойных пород деревьев. Функционирование топонимов этого круга служит своеобразной информацией о специфике местной флоры и её экономическом потенциале. Лиственные породы включают следующие семемы: берёза: Березовая, р., Березовка, д., Березянка, д.; дуб: Дубовка, д., Дубки, выс., Дубинское, с.; вишня: Вишневое, оз., Вишневый Ручей, рч.; крушина: Крушинская, д., Крушинское, б., Крушиновый, Лог.; липа: Липовка, р., Липовое, оз., Липиха, д.; ольха: Ольшанка, д., Ольховская, сл., Ольховка, д.; осина: Осиновое, оз., Осина, р., Осинка, д.; рябина: Рябиновая, д., Рябиновый, пос.; черёмуха: Черемуховое, оз., Черемуховское, с, Черемухник, угодье.

Хвойные породы включают семемы: ель: Еловка, рч., Елово, р., Едовочка, д.; кедр: Кедровая, р., Кедровое, д., Кедровый, пос.; лиственница: Лиственный, пос., Лиственничный, лес.; пихта: Пихтовка, р., Пихтач, угодье.; сосна: Сосновая, р., Сосновское, с., Сосновский, пос.

Семантический тип «кустарниковая растительность» включает семемы – ботанические номены, активность которых в топонимопроизводстве менее выражена в сравнении с номенклатурой древесных пород, например: боярышник: «колючий кустарник» – СРЯ: Боярка, с.; калина: «кустарник с кремовыми цветами и красными ягодами» – СРЯ: Калинка, р., Калиновская, д., Калиновка, д.; малина: «кустарниковое ягодное растение – СРЯ: Малинник, д.; таль: «кустарниковая ива» (заимств. из тюрк. – ФЭС) – СРЯ: Талы, д.

Семантический тип «травянистая растительность» характеризуется особенностями таких дифференциальных семантических признаков, которые выделяют в окружающей флоре наиболее важные (лекарственные и другие необходимые в хозяйстве) виды растений, которые при их концентрации становятся названием объекта. Данный семантический тип включает следующие семемы: камыш: «высокое травянистое растение, растущее по берегам рек, озёр, на болотах» – ФЭС: Камышевка д., Камышевское, с.; клюква: Клюквиное (Клювино), б., Клюквино, оз.; крапива: Крапива, д.; лопух: Лопушное, оз.; лук: Луковая, прот., Луковый Ручей, рч., Луковка, д.; таволжан (таволга): «луговое травянистое растение» – СРЯ: Таволжан оз., Таволжаново, д.; черемшанка: «дикий чеснок, вид дикорастущего лука, по вкусу и запаху напоминающий чеснок» – СРЯ: Черемшанка с., Черемшанка, д.

Характеристика данного семантического типа была бы неполной, если исключить факты использования в топонимических целях родовых номенов и терминов: гриб: Грибной Бор, угодье; опёнок: Опенки, оз., куст: Кустовое, оз., трав: Травное, с.; ягода: Ягодная, р., Ягодное, б.

В английском языке родовой номен дерево означает место проведения собраний: Daventry, Coventry, Jswestry (Dafa's tree, Cjfa's tree). Семантический тип древесная растительность выражена семемами dar/der (дуб): Derwent, Darent, Dart, Dalry, Darvel (celtic: Deruenta → dar/der; beith (Gaelic: beither → E birch) берёза: Dalbeattie, ash (ясень): Knotty Ash. Кустарниковая растительность пред-

ставлена семемами: брам (ракитник для изготовления веников): Bramhall, Bramton, Bromley, Bromsgrove, Bromyard; можжевельник: juniper Green.

Травянистая растительность представлена семемами: шафран: Creydon; полевица: Beeston; папоротник: Farn ham; синиль (растение из которого производят краску): Glaston bury; ячмень: Barton и др. Общий список семем представлен в таблице 10.

Таблица 10

Растительный мир	дуб	Deruent	Darvel, Dartford, Dartmoor, Dartmouth, Derwent
	древесина дуба	Dobhar	Darent, Dart
	вереск	Fraoch	Dalry
	кора	Crickel	Cricklewood
	шафран	Croh	Creydon
	папоротник	Fern	Farnham
	трава-полевица	Bees	Beeston
	ячмень	Barley	Barton-upon-Humber
	древесина	Keith	Dalkeith
	ясень	Ash	Knotty Ash
	дерево	Try	Coventry, Daventry
	можжевельник	Juniper	Juniper Green
	берёза	Beattie	Dalbeattie, Beith
	ракитник	Brom	Bramhall, Brampton, Bromley, Bromsgrove, Bromyard

§ 6. Названия, восходящие к фауне местности

Роль зоотопонимов в региональной топонимической системе определяется различными экстралингвистическими и лингвистическими факторами, имеющими непосредственное отношение к составу представителей животного мира той или иной природной зоны, использованию животных в хозяйственной практике человека и историческими традициями наименования реалий.

Животный мир разнообразен: зона тундры представлена семемами: белый медведь, северный дикий олень, полярный волк, голубой песец, горностай, заяц, ласка и др. Из морских представителей фауны следует выделить белуху, моржа и тюленя. В зоне лесотундры и тайги – это бурый медведь, лось, волк, рысь, лисица, горностай, белка, соболь, куница, хорёк, заяц, барсук, бурундук, бобр, ондатра, выдра и др. Среди 75 видов птиц в зоне тундры наиболее распространены белая сова, полярная куропатка, поморник, кулик, утка, лебедь, гусь, казарка и др., а из 220 видов птиц южных зон – филин, сыч, ястреб, глухарь, рябчик, куропатка, кедровка, дятел, утка, гусь и др. Из более чем 40 видов

рыб известны осетр, нельма, муксун, ряпушка, пыжьян, шёкур, стерлядь, язь, лещ, щука, окунь, чебак, налим, гальян.

Мир насекомых, пресмыкающихся и земноводных представлен более чем 100 видами. До недавнего прошлого лес и вода со всем богатством их фауны являлись важным источником жизнеобеспечения населения (жилье, одежда, пища), что и обусловило необходимость привлечения зоономенов для нужд топонимии. Однако если сравнить все многообразие животного мира Сибири с отражением его в системе топонимии, то окажется более чем скромное участие зоономенов в топонимобразовании: лишь отдельные представители фауны, имевшие определенное воздействие на условия жизни человека, послужили мотивом при наименовании объектов. Взаимосвязь зоонимов и породивших их зоономенов в основном не отличается от рассмотренной выше связи фитотопонимов и фитономенов: дифференциальным семантическим признаком называемого объекта становится признак, отражающий доминирующее положение в природной среде вида фауны и реже – его единичности. Но в любом случае номинативным средством становится словесный знак, который так или иначе сигнализирует о взаимоотношениях человека с природой.

Семантический тип «низшие организмы» формулирует семемы, содержание которых определяется кругом различных зоономенов, в редких случаях ставших топонимами. Сюда мы условно включаем родовые номены, выделяющие насекомых, рептилий и земноводных, среди которых ведущее место принадлежит представителям насекомых, напр.:

волосатник: местн.: «мелкий водный червь»: *Волосатник, оз.*

вошь: «паразитирующее насекомое» – СРЯ: местн.: «мелкая водяная блоха, тля»: *Вишвая, грива, Вишвое, оз.*

змея: *Змеиное оз., Змеиная, рч., Змеиные Рудники, угодье.*

комар: «двукрылое кровососущее насекомое» – СРЯ: *Комарица, д., Камарицкий, выс., Комарье, оз.*

Семантический тип «рыба» представляют семемы, выделяющие наиболее ценные породы рыбы, а также преобладание одного из видов, важного в промысловом отношении. Семема рыбный – родовой термин устанавливает в скрытой форме признак наличия, обилия рыбы в водоёме, который коррелируется с признаком отсутствия, «бедности» фауны: *Рыбья, р., Рыбная, р., Губное, оз.*

Семема гальян: «рыба-выюн» – ДТС: *Гальянное, оз., Гальянный, руч.* Семема ерш: *Ершовая, прот., Ершово, оз., Ершовый Сор.* Семема линь: *Линевое, оз.,*

Линевые Ямки, плесо. Семема муксун (максун, моксун) «белая рыба» заимств. из хант.: *Максунья, прот., Муксунья, р., Моксунье, оз.* Семема налим: *Налимья, р., Налимье, оз.* Семема нельма: местн.: «ценная порода белой рыбы»:

Нельмовая, р. Семема окунь: *Окунь, оз., Окуневая, р., Окуневое, оз.* Семема омуль: *Омулевая, прот.* Семема осетр: *Осетровая, прот., Осетровый (Песок),*

рыбоугодье. Семема пыжьян – местн.: «вид лосося»: *Пыжьян, оз., Пыжьянная, рч.* Семема стерлядь: *Стерляжья, р.* Семема сырок – «вид лосося»: *Сырковое, оз., Сырковая, рч.* Семема чебак – «вид белой рыбы»: *Чебачье, оз., Чебачье, д., Чебаково, д.* Семема щука: *Щучье, оз., Щучья, д.* Семема язь: *Язевая, р.,*

Язевка, р.

Семантический тип **птица** включает семемы, связанные прежде всего с названиями промысловых перелетных, кочующих и в меньшей мере живущих рядом с человеком птиц – водоплавающих, лесных и луговых, хищных и насекомоядных. При этом сам родовой термин топонимизируется исключительно редко: *Птицы, с., Птицкое, с.* Семантический тип «птица» представлен следующими семемами: **баклан**: тюркск. «дикий гусь» – МГТ: *Баклан, оз., Бакланье, б.*; **беркут**: тюркск. «орел» – ФЭС: *Беркутская, р., Беркутское, оз.*; **ворона**: *Воронье, оз., Вороний Угол, угодье.*; **гагара**: *Гагарье, оз., Гагара, оз.*; **глухарь**: *Глухариное, б., Глухариный, пос., Глухари, д.*; **гусь**: *Гусиная, р., Гусиное, оз.*; **журавль**: *Журавлиное, б., Журавлица, угодье.*; **кулик**: *Кулишка, б., Куличики, б., Кулики, р.*; **лебедь**: *Лебедь, р., Лебяжье, оз., Лебяжья, д.*; **утка**: *Утичье, оз., Утиное, оз., Утянка, р.*; **чайка**: *Чаечье, оз., Чаечное, оз., Чайчий, залив.*

При номинации микрорегиональных объектов широко используются зоономены – воробей, голубь, грач, дятел, коршун, кукушка, куропатка, синица.

Семантический тип **млекопитающие** состоит из семем, отразивших в названиях породы домашних и диких животных.

Семема **барсук**: *Барсук, р., Усть-Барсук, д., Барсучья, р.*

Семема **бобр**: *Бобровая, р., Бобровка, р., Бобровое, оз.*

Семема **волк**: *Волчье, оз., Волчья, д., Волчиха, д.*

Семема **заяц**: *Заячья, р., Зайчиха, д.*

Семема **кабан**: *Кабанье, оз., д.*

Семема **корова**: *Коровье, оз.*

Семема **лиса**: *Лисица, р., Лисье, оз., Лисятник, уроч.*

Семема **медведь**: *Медведье, оз., Медвежий Брод, р.*

Семема **олень**: *Олень, оз., Оленек, д., Оленевская, д.*

Семема **песец**: *Песец, р., Песцовая, р., Песцовое, оз.*

Семема **собака**: *Собачье, оз., Собачья, прот.*

Семема **тюлень**: *Тюлений, залив. Тюлениха, р.*

В английском языке общий список формантов ЛСГ **животный мир** представлен в таблице 11.

Таблица 11

Животный мир	Рыба: лосось	Leax	Leixlip
	Птицы: ворон	Crow	Crowborough
	дрозд	Clithe	Clitherroe
	ласточка	Guennel	Brown Willy
	кукушка	Cuck	Cuckfield
	гусь	Gos	Gosfield
	пчёлы	clon	Clonmel
	олень	Hliep	Liphook
		Keard	Liskeard (загон)
		Buck	Buchhaven
	медведь	Bear	Bearsden
	суслик	Brock	Brockworth
	змея	Ormes	Great Ormes Head, Little Ormes Head

Домашние животные: коза, лошадь, овца, ягнёнок	Gat	Gatwick
	Hors	Horsham
	Shiel	Galashiels
	Lam	Lambourn, Lambeth

Краткие выводы

Предложенная выше дефиниция топонимической системы, как исторически сложившейся типологии географических названий, служащих номинативно-указательным и коммуникативным средством обозначения естественно-природных и рукотворных объектов, предопределяет уровни соотношения топонимических единиц в функциональном отношении, но не до конца решает вопрос о противопоставлении онима и апеллятива в языке и речи, узуального и диалектного статуса топонимов. Парадигматическое описание региональной топонимии дает возможность выявить объективность и закономерность дистрибуции наименований в их генетической связи с апеллятивной лексикой языка.

Отношения топонима с денотатом в принципе носят универсальный характер, отличаясь лишь этнолингвистической окраской. Поэтому всегда есть возможность выделить на основе относительной идентичности семантики однородные типы топонимов и их вариантов. Они предстают в своеобразной системной организации, свидетельствующей о парадигматических признаках топонимии. Предлагаемая схема парадигм имеет непосредственное отношение к узуальной топонимии. Но на её основе мы устанавливаем аналоги наименований, отличающихся диалектными особенностями.

Анализ фактического материала показывает, что число лексико-семантических типов зависит от детализации исследуемых семем и их множителей. В данном случае мы не преследуем полного охвата топонимических единиц в их парадигматических отношениях, поэтому для иллюстрации остановимся на пяти компактных типах, восходящих к узуальным номенам:

- а) гидронимы: *Исток*, *р.*; название возникло от созвучного апеллятива *исток*, отражает корреляцию онима – апеллятив; *Омут*, *р.*;
- б) оронимы: *Гора*, *д.*, *Мыс*, *д.*, *Поля*, *д.*;
- в) фитонимы: *Борок*, *д.*, *Кедровый*, *пос.*, *Черемшанка*, *д.*;
- г) зоонимы: *Заячья*, *р.*, *Чаечье*, *оз.*, *Тайменка*, *р.*;
- д) ойконимы: *Займка*, *д.*, *Село*, *д.*, *Хутор*, *д.*

Предложенная тематическая группировка отаппеллятивных топонимов позволяет интерпретировать распределение номенклатурной диалектной лексики, используемой автономно или в сочетании с другими словами в качестве региональных наименований. Последние отличаются локальным ограничением функционирования, спецификой лексических значений и приёмов деривации. Это касается не столько самого состава образующих основ, морфем и правил из спайки, известных в русском топонимообразовании, сколько нешаблонной сочетаемости слов и формантов, в результате которой рождается диалектное название.

Среди них можно выделить следующие:

- а) словообразовательные диалектизмы, относимые к разряду гидрономенов: Забродское, оз., Истошное, с., Исток, р.
- б) топонимы от словообразовательных диалектизмов орономенов: *Горка, д., Нагорно, оз.; Ямки, д.*
- в) топонимы от словообразовательных диалектизмов фитонимов: *Бор, д., Боровое, пос., Таловое, оз.*
- г) топонимы от словообразовательных диалектизмов зоонимов: *Медяшное, Медянки, д., Червишево, д.*
- д) топонимы от словообразовательных диалектизмов ойконимов: *Землянская, д., Земляная, д., Зимовье, д.*

В выделенных отапельлятивных топонимах, с точки зрения их словопроизводства, вполне очевидны отклонения от норм моделирования названий. Такие отклонения свидетельствуют о разной степени активности локальных топонимических формантов и топоструктур в целом. Одни из них могут быть представлены словообразовательными рядами например, с префиксом за-, отражающими стерильность деривационного акта: *Забора, д., Заозерная, д., За-река, д.*

Другая часть диалектных топонимообразований представляет собой не менее регулярные модели названий типа Арапщина и Цыганщина, Гришуха и Рогалиха, Комарица и Решица. Группировка такого рода топонимообразований может быть осуществлена не только тематически, но и по принципу рядности, созвучия конечных сегментов: *дд. Боровушка – Горушка, Истошное – Тальнишное – Червишное.*

Региональные топонимы отапельлятивного происхождения отличаются рядом особенностей лексико-семантического характера. В их числе как русские, так и заимствованные из контактирующих языков наименования, выражающие понятия материальной и духовной культуры и обозначающие локальные географические реалии: лайда – местный номен со значением «заливной луг с хорошим травостоем»; который используется в роли топонима – *Кривая Лайда, сенокосье, Карпухина Лайда, рыбоугосье*; посол (посал) – номен, восходящий к хант. посыг, пост «протока» и имеющий значение «рукав реки»; *Посол, р., Посольская, д.*; топка – местн. «мелкое моховое болото». Данный номен засвидетельствован в названиях: *Долгушинская Топка, Репинская Топка, б.*

Лексические диалектизмы в топонимии нередко смыкаются с семантическими и словообразовательными диалектизмами, отражая в совокупности эндемическую окраску. Лексико-семантические диалектизмы характеризуются той семантической близостью, которая обнаруживается при проекции на называемые объекты. Как показывают наши наблюдения, объединение лексических и семантических диалектизмов в одну рубрику возможно и важно с целью установления парадигматики смысловых связей между наименованиями по линии их лексических значений и грамматической структуры слова. Для иллюстрации приведём случаи топонимизации диалектных номенов, эндемический характер которых устанавливается при сопоставлении наших материалов с материалами по Томской, Новосибирской и Кемеровской областям:

- а) Лексико-семантические диалектизмы из числа топонимизированных гидрономенов: *Полуйка, р., Полойное, р.*, где местн. *полой* «широкая протока, речка во время разлива»; *Сограшная, (офиц.) Согра, д., Согринский, выселок, местн. Согра* – «низина под горой, болото с кочками у реки, заболоченная часть леса»;
- б) топонимы, образованные от оронимов, относящихся к разряду лексико-семантических диалектизмов: *Грива, д.*, – *грива* местн. «лесная полоса, возвышение вдоль рек, около озер», «возвышенная лесная полоса в тайге»; *Кулига, Кулишка, с.*, – *кулига* местн. «поляна в лесу, небольшой лесок, поле»;
- в) топонимизированные фитономены, являющиеся лексико-семантическими диалектизмами: *Забошное, оз., Забока, выс.* – *забока* местн. «лес от деревни в стороне реки; *Остров, д., Островная, д., Островное, оз.*, – *остров* – диал. «лесной массив на болоте», «хвойный массив леса в березняке», «колок»;
- г) топонимизированные зоономены, имеющие региональную коннотацию: *Сырковое оз.*, диал. *сырок* «сравнительно ценная порода белой (речной и озерной) рыбы; *Лопоносья, прот.*, – диал. *лопоносок* – «порода диких уток»;
- д) топонимизированные ойкономены, представляющие собой лексико-семантические диалектизмы: *Балки, пос.*, – диал. *балок* – «оборудованный для жилья вагончик»; *Батени, д.*, – диал. *батень* «селение, по размеру больше заимки, один; родовой надел земли, около которого формировался населенный пункт»

Таким образом, идея парадигматического описания топонимии может быть осуществлена, во-первых, по линии апеллятив-онома, во-вторых, в плане дистрибуции узуальных и диалектных наименований, в-третьих, по линии соотносительности семантических значений и др. Это позволяет установить локальные особенности семантики и структуры топонимических единиц, организующих названия в единую систему.

Лексико-семантическая интерпретация топонимии дает ответ на основной вопрос, что явилось мотивировочной основой названий и каким образом это название выражает свою позицию в системе других наименований. Являясь двусторонними знаками, топонимические единицы вступают в такие взаимоотношения друг с другом, которые могут быть сведены к их парадигматическим отношениям. Такие отношения имеют системный характер, выявляющий смысловые связи лексических единиц, своеобразие типов и группировок в их взаимодействии, условия и формы языкового выражения. Лексико-семантическая система в топонимии представляет собой синтез, результат сложного взаимодействия наименований в их отдельных значениях по двум сферам языка: по номинативно-классификационной (парадигматике) и по линии лексической сочетаемости (синтагматике). Характеристика семасиологических уровней региональной топонимической системы раскрывается по мере членения и группировки топонимической лексики на соответствующие рубрики: лексикосемантические группы (ЛСГ) – семантические типы – семемы. Место той или иной ЛСГ, которое она занимает в системе топонимии, определяется количественными показателями,

дающими; возможность судить о соотношении различных лексических пластов, закономерностях функционирования классов названий и их семантических моделей.

Классификация топонимов в русском и английском языках осуществляется по родовидовым признакам, напр.: родовой номен «дерево» означает «место проведения собрания сотни»: Daventry, Coventry, Oswestry (Dafa's tree, Cofa's tree). Семантический тип «Древесная растительность» выражена семемами dar/der ((дуб): Derwent, daren't, Dart, Darly, Darvel (celtic: deruenta → dar/der); beith (Gaelic: beithier → E birch) береза: Dalbeattie; ash (ясень): Knotty Ash. Кустарниковая растительность представлена семемами: bram (ракитник для изготовления веников): Bramhall, Bramton, Bromley, Bromsgrove, Bromyard; можжевельник: Juniper Green. Травянистая растительность: шафран – Creydon, полевица – Beeston, папоротник – Farnham, синиль (растение, из которого производят краску) – Glastonbury.

Отличительные признаки объектов в топонимии часто проявляются в оппозиции: Great Driffild / Little Driffild; Great Tew / Little Tew; Great Brighton / Little Brighton; Fairford / Fulford (грязный/чистый).

Предложные сочетания уточняют: **местоположение объекта**: Dalton-in-Furness; Barrow-in-Furness; Bourton-in-the-Water; Bourton-upon-Trent; Bourton-in-the-Hill; Black Bourton; Burton Constable; Clayton-le Moors; Clayton-le- Dale; Clayton-le- Wools; **качество объекта**: Bradwell-on-Sea / Belcoo (широкий/узкий); Cromarty (изогнутый залив); Hugh Town (высокий город); Kyle of Lochalsh (узкое озеро); Langholm (длинный остров); Huntington (охотничий холм); Leeds Castle (шумный замок); Gidea Park (ветреный парк); Chidwell (журчащий ручей).

Нерегулярные названия, отражающие исторические важные события, представлены топонимами: Brentwood (burnt wood) – сгоревший лес; Fotheringhay (forth + here + ing + hay) – остров людей из передового войска; Barnstaple, Dunstaple где staple – наблюдательный пост; Brittas Bay (briotas – тип деревянной башни для осады); Beaconsfield, Dunkery Beacon, Brecon Beacons – сигнальные огни.

В ономастике утвердилось мнение, что в процессе употребления имен мотивы номинации могут быть утрачены и в речевой практике онома часто становится номинативным дифференцирующим знаком, а вся его доономастическая информативность оказывается избыточной. Подобный процесс имеет место при заимствовании имен иностранным языком, когда приобретенное название обрастает новой этимологией, удобной для носителей языка. В целом процесс классификации собственных имен ничем не отличается от распределения на тематические рубрики апеллятивов, но характеризуется более глубокой детализацией, исходящей из индивидуализирующих свойств онимов. Топонимические классификации проводятся по семантическим признакам, определяющим разновидности географических реалий.

Лексико-семантическая классификация русских топонимов

№ п/п	Лексико-семантическая группа (ЛСГ)	Семемы	Примеры
1.	Семантический тип «Селение, строение» Всего 323	бутырки заимка одина городище село, поселок хутор барак будка деревня погост	Бутырское, с. Новозаимка, д. Одина-Свистуха, д. Городищенская, р. Выселки, пос., Сельцо Герасимов Хутор Нижние Бараки, с. Буткинская, с. Деревенское, оз. Погост, сел.
2.	Гидрографические классы реалий Всего 529	полый речка болото	Сухой Полуй Зареченский, р-н Заболотный, пос.
3.	Топографические классы реалий. Семантический тип «Возвышенность» Всего 878	камень остров лобан увал яр бугор грива гряда мыс верх гора	Каменка, д. Малая Заостровка, д. Малый лобан, уроч. Подувал, д. Красный Яр, д. Бугрово, оз. Темная грива, Лысая Гряда, угодьё Мысовская, д. Верх-Каменка, д. Горная, р. Подгорное, оз.
	Семантический тип «Равнина»	буерак елань лог лес роща	Буераки, угодьё Еланское, оз. Логовская, д. Боровое, пос. Рощино, пос.
	Семантический тип «Низина»	лайда луга низина поле	Лайдешна, р. Луговая, д. Низовская, д. Дальнее Поле, д.
4.	Отличительные внешние или внутренние признаки реалий Всего 625	форма грунт запах вкус цвет количество	Плоское, оз. Кривая, д. Глиниха, рч. Вонючка, р. Горько-Соленое, оз. Светлый, пос. Пять озер, с.

№ п/п	Лексико-семантическая группа (ЛСГ)	Семемы	Примеры
5.	Пространственная ориентация Всего 441	восток юг дальний нижний верхний	Восточный, пос. Левая прот. Нефтеюганск, г. Дальневосточный, пос. Нижнесвартовск, г Верхний, пос
6.	Растительный мир (флора) Всего 840	береза кедр калина камыш	Березовая, р., Ольховка, д. Кедровый, пос., Сосновая, р. Калинка, р., Малинник, д Камышенка, д., Талы, д.
7.	Животный мир, (фауна) Всего 421	мошка рыба птицы звери	Мошкарник, б. Линское, оз., Ершовая прот. Воронье, оз., Глухариный, пос. Волчья, д., Бобровое, оз.
8.	Посессивы Всего 2258	имя отчество фамилия прозвище	Екатеринбург, г. Антипино, д., Лена, р. Богдановичи, пос. Выселок Дмитриева, д. Баськи Лаптева, д.
9.	Духовная культура Всего 204	церковная мемориальная лексика	Благовещенск, г. Воскресенское, с. Куйбышев, г. Коммунар, пос.
10.	Нерегулярные названия Всего 234	Окказионализмы Неясная этимология	Бой Давыдов, р. Потоскуй, р.
	ИТОГО: 6753		

Наиболее продуктивной группой названий являются антропотопонимические образования (2258 единиц), среди которых выделяются отфамильные посессивы – 1675 наименований. Не менее значителен пласт топонимообразований, возникших в результате детерминологизации номенклатурной лексики, относящейся к понятиям материальной культуры, рельефа, растительного и животного мира. В целом семантическая типология отличается равномерно-

стью распределения типов наименований в пределах тех или иных микрорегионов, цельностью и завершенностью компонентов топонимической системы.

Таблица 13

Лексико-семантическая классификация английских топонимов

№ п/п	Лексико-семантическая группа (ЛСГ)	Семантический тип		Примеры
I.	Семантический тип «селение, жилье, строение» Всего 370	римский лагерь	chester	Silchester, Lanchester, Grantchester
		римская крепость, город	caster	Leicester, Lancaster
		замок	castle	Newcastle, Corfe Castle
		форт, круглое укрепление	ker, caer	Kerrier, Caernarvon, Caerphilly
		порт, склад	wick	Greenwick, Horwich, Lerwick, Goodwick, Sandwich
		вход, ворота	port	Gosport, Cinque Port
		город, усадьба	bury	Ledbury, Kingsbury
		укрепление	burgh	Leverburgh
		поместье,	brough	Jedbrough, Conisbrough
		укрепление, форт	borough	Irthlingborough
		огороженное место	worth	Letchworth, Faisworth, Cudworth, Brockworth
		вторичное поселение	stroke	Basingstoke, Calstock
		деревушка, вторичное поселение	thorpe	Cleethorpes, Crowthorpe, Grimesthorpe
		город	stone	Silverstone, Dalston, Darlaston, Ledstone
		ферма, владение, посёлок	ton	Huyton, Leighton, Crompton, Hanting, Hoxton, Leyton, Leiston, Kington, Kimbolton
		город		Silvertown, Culmtown
		поселение племени	ington	Kennington, Leamington, Islington
		деревня	by	Crosby, Grimsby, Golspie
		поселение	set	Dorset, Somerset
		деревня	ham	Durham, Ledsham, Dedham, Dagenham, Lewisham, Faversham
		поселение	ingham	Immigham, Ickenham, Clamham

№ п/п	Лексико- семантическая группа (ЛСГ)	Семантический тип		Примеры
2.	Гидрографи-ческие классы реалий Всего 530	поток	allt	Cumbernauld
		болото	fen	Fenstanton, Fen Ditton, Fenwick, Fenton
		родник	funt	Cheshunt, Tolleshunt, Boarhunt
		источник	fons	Fountains Abbey, Coquedi Fluminis
		водоём	poll	Polanass, Poolbeg, Balhnfile, Polmont, Delabole
		крутой берег	brae	Scara Brae
		быстрая река	bru	Bruton
		ручей	burn	Kilburn, Myndburn, Leyburn, Lisburn
		поток	bourne	Broxbourne, Ashbourne, Pangbourne, Sittingbourne, Brochesborne
		устье	mouth	Grangemouth, Falmouth, Dartmouth
		вода	ey	Teifi, Tywi, Wylle, Borey, Cary, Tary, Fowey
		исток реки	inver(s)	Invesurie, Inveraray, Inverness, Irvine
		вода	isis	Thamesis
		глубокий водоём	llyn	Lincoln, Linton, Lindores, Dublin
		озеро	loch	Lochness, Kinloleven
		течение	lish	Dawlish, Glasnevin
		ручей	let	Hunslet
		запруда	larm	
		озеро	mere	Grasmere, Crowmere, Cromer
		болото	moor	Lammermuir, Skelmorlie, Beaumaris
		болото	hor	Gorseinon, homsea, Lacock
		болото	gors	Corcach, Currie
		болото	cors	
		колодец	well	Sizewell, Kidwelly

№ п/п	Лексико- семантическая группа (ЛСГ)	Семантический тип		Примеры
3.	Топографические классы реалий. Семантический тип «Возвышенность» Всего 537	холм	hill	Silbury Hill, Sidlaw Hills, Chiltern Hills
		холм	head	Leatherhead
		вершина холма	knock	Knocktopher, Knowle
		вершина	cup	Sid Cup
		насыпь, холм	crick	Cricklade, Crickhowell, Criccieth, Crewkerne
		остров	ey	Laxey, Dalkey, Jersey, Ilkley
			ea	Brownsea, Cumbrays
		крутой склон	larg	Largo, Largs
		влажный склон	leitir	Letterkenny, Leitrim
		холм	baurgh	Langbaurgh
		скала	rock	Gourock
		холм	done	Chessington, Faringdon, Yeardon
		лесной склон	hurst	Hurstpierpoint, Sissinghurst
	Семантический тип «Равнина» Всего 263	Земля	tyre	Kintyre
			land	Leyland
			lis	Lismore, Limerich
			hithe	
			field	Huddersfield, Fallowfield
		Лес	wood	Kenwood House, Good wood
			grove	Gravesend, Kidsgrove
			(h)al(t)	Kensal Green, Chadle
			coillte	Cults
			forest	Corrour Forest, Copeland Forest
			ley	Dawley, Backley, Batley, Horley, Knowsley, Knottingley
			leigh	Budleigh, Salterton, Chudleigh, Leigh, Buckfastleigh, Leigh- on-sea, Fazakerley
			leah	Ardsley, Morley, Pudsey, Bromley, Stanningly

№ п/п	Лексико- семантическая группа (ЛСГ)	Семантический тип		Примеры
	Семантический тип «Низина» Всего 200	Долина	glen	Glenelg, Glendalough, Glenfinnan, Glengarnock, Glen Affric
			glin	Crumlin
			dal	Skelmersdale, Daluhinnie, Deal
			combe	Cwmbran, Ilfracombe
			den	Denton, Cliveden, Great Missenden
4.	Отличительные внешние или внутренние признаки реалий Всего 600	Черты объекта	количество	Filey, Fivemiletown
			качество	Gidea (ветренный) Park, Govan (дорогой), Brentwood, Fair/Fulford (чистый, грязный), Huntington (охотничий)
			форма	Langholm, Kyle of Lochalsh, Hugh Town, Hoylake, Kent, Cromarty, Belcoo, Bradwell-on-Sea
			размер	Great/Little Tew, Great/Little Brighton
			цвет	Greenford, Grimes Graves, Fairford, Glastonbury, Fulford, Greenhithe, Driffield, Chealsea (мел)
			звук	Leeds Castle, Chigwell (Жур-чащий ручей)
			грунт	Grain (мелкий гравий), Clayton (глина)
5.	Пространственная ориентация Всего 474	Переправа, брод	ford	Gresford, Elfordtown, Cinderford, Dartford, Lifford, Knutsford, Hungerford
		Столб	stone	Leytonstone, Ingatestone, Johnstone
		Камень	stone	Greystones, Greatstone-on-Sea, Littlestone-on-Sea, Folkstone, Brixton

№ п/п	Лексико- семантическая группа (ЛСГ)	Семантический тип		Примеры
		Мост	bridge	Kingsbridge, Groombridge, Knightsbridge, Ironsbridge, Ivybridge, Brora Greta Bridge, Fordingbridge, Corbridge, Cowbridge
		Стороны света	east	Eastbourne, Eastham, East Kilbride
			west	Westminster, Westham, West Kilbride
			north	Normanton, Northampton, Norwick
			south	Southbourne, Southampton, Southwick
6.	Духовная культура Всего 326	Монастырь	minster	Leominster, Beaminster
		Церковь	llan	Lampeter, Launceston, Les-slyn, Lanhydrock House, Lanark
			church	Church Stretton, Christchurch
		Часовня	chapel	Chapel End, Chapel Hill, Chapelton
			kirk, kil	Kirkby Stephen, Lawrencekirk, Kilmallock, Kilwinning Abbey
7.	Посессиивы Всего 2350	Имя собственное	Leofwine Jarrod Godhelm Leofwine Jarrod	Levenshulme, Levington Jarlshof Godalming, Broxholme Levenshulme, Levington Jarlshof
		Фамилия	Krokr	Croxteff Hall, Croxton
			Goodwin	Goodwood, Goodwin Sands
			Manahan	Fermanagh, Managhan
			Connant	Connemara, Connah's, Quay
			Golder	Goldens Green, Goldthorpe

№ п/п	Лексико- семантическая группа (ЛСГ)	Семантический тип		Примеры
			Bucca	Buckingham, Buckden
			Centisc	Kentish Taon, Kenton
			Hanstan	Hunstanton, Huntington
			Fraser	Fraserburgh, Frizell
			Godmann	Godmannchester, Gomersal
			Grimr	Grimes Graves, Grimby
			Krokr	Croxtefh Hall, Croxton
		Прозвище	Langadune Richard de Cestersir Rogerus de Berchelai Atten	Longden Cheshire Berkley Bradley Attenboraegh
8.	Нерегулярные названия Всего 211	сигнальные огни	Beacons	Brecon, Beacons, Beacons-field, Dunkery Beacon
		деревянная башня для осады	Briotas	Britfas Bay
		наблюдатель- ный пункт	Faire	Forfare
		пост	Stapol	Bartnstaple, Dunstable, Whitestable
9.	Растительный мир (флора) Всего 773	дуб	Deruen ta	Darvel, Dartford, Dartmoor, Dartmouth, Derwent
		древесина дуба	Dobhar	Darent, Dart
		вереск	Fraoch	Dalry
		кора	Crickel	Cricklewood
		шафран	Croh	Creydon
		папоротник	Fern	Farnham
		травя-полевица	Bees	Beeston
		ячмень	Barley	Barton-upon-Humber
		древесина	Keith	Dalkeith
		ясень	Ash	Knotty Ash
		дерево	Try	Coventry, Daventry
		можжевельник	Juniper	Juniper Green
		берёза	Beattie	Dalbeattie, Beith
		раkitник	Brom	Bramhall, Brampton, Bromley, Bromsgrove, Bromyard

№ п/п	Лексико- семантическая группа (ЛСГ)	Семантический тип		Примеры
10.	Животный мир (фауна) Всего 427	рыба: лосось	Leax	Leixlip
		птицы: ворон	Crow	Crowborough
		дрозд	Clithe	Clitherroe
		ласточка	Guennel	Brown Willy
		кукушка	Cuck	Cuckfield
		гусь	Gos	Gosfield
		пчёлы	clon	Clonmel
		оленье пастбище	Hliep	Liphook
		олень	Keard	Liskeard (загон)
			Buck	Buchhaven
		медведь	Bear	Bearsden
		суслик	Brock	Brockworth
		змея	Ormes	Great Ormes Head, Little Ormes Head
коза	Gat	Gatwick		
лошадь	Hors	Horsham		
овца	Shiel	Galashiels		
ягнёнок	Lam	Lambourn, Lambeth		
ИТОГО: 7061				

Анализ фактического материала показал, что лексико-семантические группы топонимов характеризуются численным различием составляющих топонимических лексем, находящихся в парадигматических отношениях и способных к морфемной и семемной вариативности. Преобладающее положение занимают антропонимические образования, включая посессивные названия – 60%. Широкий круг топонимов, возникших в результате детерминологизации номенклатурной лексики – 25%. В целом же семантическая типология показывает относительную равномерность при распределении названий в пределах отдельных микро-регионов и в русском, и в английском языках.

ГЛАВА III.

МОРФЕМИКА РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ТОПОНИМИИ

§ 1. Морфемный спектр русской топонимии

Сочетаемость морфем в составе производного слова зависит от целого ряда ограничений – семантических, лексических, словообразовательных и др. [Земская 1973], способствующих установлению регулярно повторяющихся, структурно закрепленных позиций [Винокур 1959]. Последнее дает возможность говорить о типичности или нетипичности морфем. Состав суффиксальных морфем в топонимии неоднократно описан в ономастической литературе, в исследованиях О. Н. Трубачева, С. Роспонда, Ю. А. Карпенко, В. А. Никонова, Л. В. Суперанской, И. А. Воробьевой, Н. К. Фролова, С. П. Васильевой и многих других. Однако остается нерешенным вопрос об интерпретации региональных типовых формантов, их локализации и продуктивности. Несомненно, разные топонимические регионы имеют общий фонд идентичных суффиксов, но могут и отличаться набором специфичных суффиксальных морфем, без установленной распространенности которых невозможно создание общеславянского ономастического атласа.

В ономастике известно несколько подходов к интерпретации суффиксальных морфем: хронологический (с элементами этимологии): С. Роспонд, О. Н. Трубачев, Б. А. Серебренников, В. А. Семушкин, Ю. А. Карпенко, Е. С. Отин; квантитативные (с учетом продуктивности – непродуктивности и участия суффиксов в номинации типов объектов): В. А. Никонов, И. А. Воробьева, М. Н. Морозова; словообразовательный (с учетом отношения суффиксов к морфологическим разрядам слов): А. А. Реформатский, А. В. Суперанская, В. Н. Топоров, Н. К. Фролов, З. В. Рубцова. Весьма перспективным явилось описание обратного словаря суффиксов [Трубачев 1968], картографирование формантов [Поспелов 1971]. Однако следует подчеркнуть, что ни один из отмеченных подходов не применяется автономно, что подтверждается наблюдениями на нашем материале, который позволяет описать топонимические аффиксы в хронологическом плане с использованием квантитативного и других способов анализа топонимических дериватов, в том числе по гнездовому принципу, при котором учитываются компоненты суффиксальной морфемы в их отношении к окружающим морфам и семантической роли в структуре слова, обозначающего тематически разнородные объекты. Преимущество формантного анализа состоит в том, что он придает суждениям об условиях образования и этнической принадлежности названия почти историческую достоверность [Топоров, Трубачев 1962]. Наш материал позволяет дифференцировать онимы по рубрикам, которые образуются от именных основ существительных и прилагательных на твердый и мягкий согласный. Нулевая морфема определяется нами, вслед за Н. К. Фроловым, как материально невыраженная часть слова, очевидность которой устанавливается при сопоставлении с коррелятами, имеющими материальное выражение. Квалитативы с основой на мягкий согласный в количественном

отношении среди имен существительных примерно в четырех, а среди имен прилагательных в три раза уступают основам на твердый согласный.

По семантике образующей основы выделяются следующие типы качественных – имен существительных: а) топографический и гидрографический номен: *Болото, д., Гора, д., Елань, д., Плесо, оз., Согра, д., оз., Яр, д., с.*; б) фито- и зоографический номен: *Баклан, оз., Крапива, д.*; в) социально-идеологический термин: *Заря, д., Победа, д.*; г) антропоним: *Борис, р., Светлана, пос.*; д) топоним: *Жигули, д., Урал, с., Уфа, д.* и под. (Примеры здесь и ниже изъятые из топонимической картотеки кафедры общего языкознания Тюменского государственного университета; в картотеке систематизированы топонимы Тюменской области [Фролов 1984:31]).

Теоретически возможно выделение в отдельную группу аффиксальных образований, не имеющих специальной топонимической деривации: *Ров-ин-а, Ров-ок, Гол-ец, Реч-к-а, Лис-ци-а*, однако такое выделение морфов является актуальным на апеллятивном уровне.

Аналогичная ситуация возникает при типизации топонимических субстантивов, омонимичных именам прилагательным. Здесь мы также имеем дело с нулевой топонимической аффиксацией. Дотопонимические функции флексий качественно – относительных прилагательных при топонимизации последних остаются практически неизменными. Их (флексии) лишь условно можно включить в число топонимообразующих суффиксов. Семантико-словообразовательный аспект формантов в субстантивированных названиях достаточно полно отражен в работах О. Н. Трубачева и В. Н. Немченко. Анализируемый нами материал позволяет выделить следующие типы топонимов-субстантивов с нулевой словоизменительной морфемой: **-ий/-ый** (муж. р.), **-ая/яя** (жен. р.), **-ое/-ее** (сред. р.): *Белый (-ая, -ое), пос., рч., оз.; Быстрый (-ая, -ое, -ые), пос., оз., рр.; Большой (-ая, -ое, -ие), пос., р., оз., б., рч.; Левая (-ый, -ое), р., д., рч., оз.; Новый (-ая, -ое, -ые), д., оз.*

К суффиксальным топонимам мы относим субстантивы, аналогичные созвучным притяжательным именам прилагательным с формантами: **-ий, -ья, -ье, -ьи**: *Вороний (-ья), бор, оз., Лисий, рч., Барсучья, р., Белужий, залив, Карасье, оз., д.; Кабанье, д., оз.; Лебяжье (-ья), оз., д., р.*

Относительные имена прилагательные в топонимическом употреблении обычно не изменяют характера своих формантов. Самый активный суффикс топонимов-субстантивов на **-ий(-ый)** с общим значением «относящийся к чему-нибудь», «сделанный или состоящий из чего-либо», «имеющий какие-то свойства», как и суфф. **-ск(ий)** оброс множеством алломорфов. Суффикс **-н-, -ьн-** производит онимы от основ имен существительных мужского и женского рода (обычно не относящихся к категории одушевленности), реже от основ среднего рода имена прилагательные, которыми обозначаются качества и отношения, связанные со значением производящего существительного [Виноградов 1975]. Морфемный спектр топонимов – субстантивов, в основном идентичный морфемике исходных апеллятивов и онимов, сохраняет свою актуальность при описании топонимических дериватов [Суперанская 1969], хотя генетически такие дериваты лишь в редких случаях обнаруживают собственно топонимиче-

ские функции. Сама по себе квалификация топонимов, не имеющих специальных аффиксов, как нульаффиксальных, является дискуссионной.

Суфф. **-н (-ая, -яя, -ое, -ее, -ие)**: *Банный, пос., Верхний, руч., Дальнее, оз., Волостное, с., Зимняя, д., Жирное, оз., Лесной, пос., Лопушное, оз., Сахарное, оз., Урожайный, пос., Церковное, оз.* Суфф. **-ан/-ян (-ый, -ая, -ое)**: *Песчаный, руч., Песьяное, оз., Волосая, р.* Суфф. **-ин (-ый, -ая, -ое)**: *Глухариный, пос., Гусиная, р., Клюквенное, б.* Суфф. **-ов (-ой, -ый, -ий, -ая, -ое)**, по В. В. Виноградову, с общим значением относительно – притяжательной прилагательности, образует названия от именных производных и непроизводных основ всех трех родов, которые обозначают признак, выраженный через отношение к чему – либо [Янценецкая 1979]: *Баржовая, р., Березовый, пос., Бобровая, д., р., Боровая, р., д., Бугровая, д., р., Ершовый, руч., Кедровая, д., Луковая, р., Моховое, б., Плотовая, р., Соровая, д.* Отантропонимные образования типа Аксеновое, оз., возникшие в результате распада топонимических словосочетаний (дифференцирующее определение + номен), несмотря на их известность в старорусской топонимии [Карпенко 1973], не относятся к числу распространенных.

Суфф. **-ев (-ая, -ое)** в отличие от предыдущего присовокупляется к основе на мягкий согласный: *Ключевая, д., Кочевая, р., Огневая, р., Окуневая, р., д., Язевая, р.* Суфф. **-оват/-еват (-ый, -ая, -ое)** образует от именных основ топонимические субстантивы, имеющие значение ослабленного признака: *Иловатое, оз., Кочковатое, оз., Сорватое, д.* Суфф. **-ов/-ев**, восходящий генетически к флексии дательного падежа единственного числа имен существительных мужского рода, преимущественно употреблялся в именах одушевленных и факультативно – в именах не-лица. Впрочем, уже в древнерусских названиях формант **-овъ** приобретает топографическую, а не поссесивную функцию [Роспонт 1972].

К начальному периоду формирования русского литературного языка формант **-ов(-ев)** использовался в топомоделях двух видов:

- в названиях, засвидетельствованных в форме именительного падежа: *г. Березов, д. Друганов, рч. Лихачев*, что скорее всего отражало индивидуальную манеру фиксирования топонимов;
- в генетивных названиях типа: *деревня Абрамова, река Бабикова, деревня Богданова, озеро Грачева*. Судя по продуктивности, узуальными являлись поссесивы в форме родительного падежа. В источниках XVIII–XIX вв. формант **-ова/-ева** частично трансформируется в **-ово/-ево**, то есть синтаксически подчинительная связь с номенклатурным термином угасает, а поссесивная функция форманта **-ов/-ев** уступает место функции топографической: *деревня Воробьева – деревня Воробьево*. Топомодель с **-ово, -ево**, по наблюдениям Н. К. Фролова, относится к числу активных топонимических образований: *Власово, д., Бутусово, д., Антоново, оз., Банниково, оз.* В том числе на **-ево**: *Дмитриево, Киселево, Лазарево, од., Окунево, Рачево, оз.* [Фролов 2005, II:204].

Идентичная судьба топонимов с суфф. **-ин- (-а, -о)**, который образует названия от одушевленных собственных имен существительных со значением лица: *Абрашина, д., Бородина, д., Бабина, прот., Васькина, р.*

Таким образом, топоформанты с **-ов**, **-ев**, **-ин** – используются по преимуществу для образования ойконимических названий. Вариативность формантов отражает исторические изменения, связанные с эволюцией функций, сформировавшихся в ходе общерусских тенденций развития русского литературного языка вообще и выравнивающего воздействия моделей региональной топонимической системы в частности. Результатом всех этих процессов явилась замена посессивных моделей с **-ова**, **-ева**, **-ина** топографическими моделями с **-ово**, **-ево**, **-ино**.

Суффикс **-ск/-цк (-ий)**, выражающий различные оттенки предметного отношения и качественной оценки, первоначально образовал топонимы от именных основ на мягкий и твердый согласный, обозначавших природные объекты. Впоследствии функции суффикса **-ск** значительно расширились. Топомодель на **-ск** с нулевой флексией, продуктивная в названиях городов, встречается и в названиях сельских населенных пунктов: *Бобыльск, д., Бобринск, д., Львовск, д., Спасск, д., Чистоборск, д.* Плюральные топомодели на **-ских/-цких** весьма эпизодичны и относятся к ранним отантропонимным названиям: *дд. Боровских, Деревенских, Калмыцких.*

Сверхредкими являются топонимические субстантивы, образованные посредством суфф.: **-еньк (-ая, -ое)**: *Беленькое, оз., Буренькое, оз., Узенькая, р., д.; -к(-ое)*: *Топкое, б.; -ок(-ая, -ое)*: *Глубокая, рч., Широкое, оз.; -ист(-ое)*: *Пятнистое, оз.; -арн(-ая)*: *Кочкарная, р., д.; -ешн(-ое)*: *Горбунешное, д., оз.; -уч(-ее)*: *Тягучее, оз.*

Суффиксальные морфы **-ов/-ев**, **-ин**, **-ск** при их слиянии образуют следующие производные морфемы: **-ов/-ев + -ск + -ая**: *Алексеевская, д., Александровская, д., Быстровская, р.; -ов/-ев + -ск + -ий*: *Замараевский, хутор, Виноградовский, пос., Маньковский, руч.; -ов/-ев + -ск + -ое*: *Кировское, с., д., Малышевское, д., Андреевское, Бабановское, оз.; -ин/-ен + -ок + -ая /-ий -ое*: *Буткинская, д., Кривленская, д., Алешинская, прот., Вакаринский, руч., Паклинское, б.; -ов + -ин + -а*: *Бакинова, Тишанинова, д.; -ов/-ин + -ск + -их*: *Русановских, Кружилинских, дд.*

Древнейший суфф. **-к -а**, по словам Н. К. Фролова, объединяет группу разнородных по семантике наименований типа *Боярка, Захарка, Тренька, Каменка, Камышка, Московка, Лопатка, Медвежка, Ташикентка, дд., Винокурка, р., оз., Горячка, Демьянка, Игнатка, рр.* [Фролов 2005:204].

Значение суфф. **-к (а)** в топонимии определяется неоднозначно: суффикс не имеет деминутивного значения, указывая лишь на меньший по размеру объект [Хромов 1977], имеет значение уменьшительности, относительности и даже качественности, обладает значением мотиватора географического объекта, значением предметности. Односторонность семасиологической оценки форманта здесь совершенно очевидна, если обратиться к ономаσιологической роли морфемы и ее участию в образовании слов для обозначения разнородных географических реалий.

Продуктивность топомодели на **-ка** резко возрастает при учете способности суффикса **-к** сочетаться с другими суффиксами, в результате чего образуются производные морфемы, указывающие на особенности диалектной диффе-

ренциации и на некоторые различия хронологического характера: **-айка**: *Беляйка, пос. . Сплывайка, д.; -анка, -янка*: *Боровлянка, Дресвянка, Круглянка, Сладчанка, дд., Бердянка, Быстрянка, Пеганка, рр.; -енка*: *Лиственка, Мылышенка, Пензенка, дд., Камышенка, Леушенка, рр.; -инка*: *Головинка, Зайчинка, Глухинка, дд., рр.; -унка*: *Скаунка, р.; -овка, -евка*: *Горькова, Сосновка, Барневка, Киселевка, дд., Мостовка, Езевка, рр.; -очка, -ечка*: *Еловочка, д., Лодочка, д., Марушечка, оз.; -ушка*: *Боровушка, д., р., Горушка, д., оз., Сырушка, д., Чернушка, р.*

Мертвый суфф. **-ень** (**-ень** или **-ьнь**, **праслав. -ьн**) со славянской топонимической деривацией в наших материалах представлен следующими примерами: *Гяден, д., Гядень, д., оз., Дербень, оз., р.*

Славянский суфф. **-ец** встречается главным образом в гидронимических названиях: *Бродец, д., оз., Равнец, д., Ржавец, Торец, рр.*

Древнеславянский топонимический суфф. **-иц(а) >-ка** с предметным и отвлеченным значением, продуктивный в апеллятивной лексике древнерусского периода [Борек 1972], в топонимобразовании нашего региона отличается слабой активностью: *Камарица, р., Меженица, р., Прямица, р., Старица, оз., р.*

Продуктивный в сфере неофициальной антропонимии (произвищах) суфф. **-их(а)** относится к числу «молодых» топонимических формантов, распространившись благодаря влиянию в XIX в. разговорной апеллятивной лексики женского рода, возникавшей от названия профессии мужчин. В топонимии наименования с **-иха** соответствуют именам на **-ово/-ево** и означают принадлежность объекта владельцу по его имени или прозвищу. По наблюдениям В. А. Никонова и И. А. Власовой, названия на **-иха** распространялись из района Клязьмы в Нижегородское Поволжье и далее на Северную Двину еще в эпоху Московской Руси, а затем с казацкой вольницей и старообрядцами они проникли и в другие районы [Никонов 1963]. В наших материалах топонимы на **-иха** активно используются со второй половины XIX в.: *Базариха, с., Блиниха, Бучиха, д., Ермачиха, д., Крутиха, д., Лазариха, Киселиха, р.*

Древнейший суфф. **-ух(-а)** с его квалитативным значением на славянской почве был сначала формантом прилагательных, а впоследствии перенесен и в существительные. В современном русском языке непродуктивный суффикс **-ух(а)**, придающий слову разговорно – просторечный оттенок, образует собственные и нарицательные имена от основ качественного прилагательного и глагола: *Грязнуха, р., Коструха, р., д., Маруха (от мара́ть), Сви́стуха, д.*

К аффиксальным относятся топонимы в форме множественного числа (плюралиа тантум), в которых флексия, выполняющая функцию топоформанта, оказывается спаянной с предшествующим суффиксальным или корневым морфом. Семантика производящих основ таких наименований отражает связь с апеллятивами, усеченными антропонимами и реже абстрактными понятиями: *Балаганы, Бегуны, Богданы, Воробы, Сычи, дд., Дятлы, д., р., Ключи, д., р., Мысли, р., Пески, оз., р.*

Таким образом, анализ суффиксации в русской топонимии показал весьма тесную ее связь с суффиксацией апеллятивной лексики, использование одних и тех же формантов в образовании нарицательных и собственных имен. Однако

выделяя близость суффиксов, нельзя не заметить различий в сочетаемости морфов, специфики топонимической деривации. Так, для апеллятивной лексики не характерны дериваты типа *Боровушка, Октябревка, Комарица, Бучиха, Бобринка* и др. Правда, признание последних образований сугубо топонимическими обединило бы рассмотрение всей совокупности топонимической суффиксации, генетически связанной с производной базой лексики языка.

Что же касается спектра суффиксов, специфичных для ойконимии, гидронимии, оронимии и др., то наши наблюдения и выводы не имеют существенных расхождений с известными выводами И. А. Воробьевой [1973]. Наиболее продуктивными в русской топонимии оказались форманты **-ова, -ева, -ина**, нуль суффиксальные, **-овка, -евка, -инка, -овск, -инск**. Наиболее продуктивными в XVII столетии были названия на **-ова, -ева, -ина**, которые в XX в. уже относятся к числу раритетных. В XVII столетии активное участие в топонимообразовании принимают **-ск-, -цк-, -овск, -инск** (в гидронимии), сохранившие свою продуктивность до настоящего времени. В XIX столетии, по справедливому замечанию Н. К. Фролова, укрепляются позиции нульсуффиксальных образований, возрастает участие в топонимопроизводстве формантов **-овка, -евка, -инка, -овск, -евск, -инск, -ка** и некоторых других. XX столетие характеризуется продуктивностью топонимических дериватов на **-ов, -ин** (особенно в системе гидронимии), **-ино, -оват** и образований плюралиа тантум [Фролов 2005, II:208].

Типовые префиксы и конфиксы

Система префиксов русского языка в отличие от суффиксальной системы исторически более устойчива, хотя и ограничена количественно, лексически она более самостоятельна, хотя и не может изменять лексико-грамматический разряд слова. В региональной топонимии набор префиксов исключительно узок: **без-** (в значении отсутствия чего-либо), **на-** (в значении расположенный над чем-нибудь), **не-** (в значении отсутствия чего-либо), **над-, под-** (в значении указания положения ниже – выше), **по-, раз-** (в значении нахождения в пределах чего-либо), **при-** (в значении расположения вблизи чего-либо), **про-** (в значении проникновения).

Обращает на себя внимание отсутствие, при сравнении с апеллятивными, сугубо топонимических производных префиксов, способность префиксов участвовать в производстве нового слова, в основном, в сочетании с каким-либо суффиксом [Фролов 1996]. Вместе с тем игнорировать участие префиксов в топонимической деривации не приходится, поскольку их наличие в составе топонимической леммы более чем очевидно, а в целом ряде случаев префиксы и конфиксы образуют структуры, не имеющие аналогов в апеллятивной лексике. В нашем материале можно выделить следующие три группы топонимообразующих (с участием префиксации) аффиксов:

Префиксальные топонимы – **За-**: *Заозеро, д., Зарека, д., Закулига, р., Зарям, оз., Заполой, д.; Не-*: *Неживое, д., Печистое, оз.; под-*: *Подурман, оз., Подувал, оз., д., Подчувашин, д.; при-*: *Пришук, пос., Привал, (Приувал), оз.; про-*: *Прокоп, оз., Прорва, р.*

Префиксально-суффиксальные топонимы представлены следующими образованиями **-без-/бес- + -н-**: Бескамышное, оз., д., Беспольное, сел.; **за- + -н-**: Закамышка, оз., Заозерки, д.; **за- + -ов-**: Залужовая, д.; **за- + -овк-**: Заольховка, д.; **за- + -овск-**: Зарямовский, выс.; **за- + -иц-**: Застарица, р., оз., Заталица, д.; **за- + -енк-**: Закамышенка, д., р.; **на- + -н-**: Нагорный, пос.; **под- + -ов-**: Подкуликова, д.; **под- + -н-**: Подбугорная, д., Подволошная, д.; **при- + -н-**: Приболотная, р.; **при- + -ск-**: Прииртышский, пос.

Конфиксальные топонимы, в которых в отличие от предыдущей группы топонимов префикс и суффикс действуют в словообразовательном акте комплексно, как нечто единое: **без- + -н-**: Безымянная, рч., Безборное, оз.; **за- + -к-**: Заборка, д., Заостровка, оз., Задонка, д.; **за- + -овк-**: Зарековка, пос.; **за- + -ск-**: Заборская, д., Задонский, пос.; **за- + -н-**: Забочная, д., Застаричная, д.; **за- + -л-**: Зарослое, д.; **за- + -ч-**: Загивье, Заречье, дд.; **по- + -овк-**: Понизовка, д.; **по- + -ч-**: Поречье, д.; **под- + -н-**: Подгородняя, д.; **при- + -н-**: Пригородный, пос., Прилучная, д.; **при- + -об-**: Приобье, пос., станц.

Таким образом, морфемный спектр региональной топонимии в принципе не выходит за рамки общерусских моделей наименования географических объектов, однако их структура нередко отличается локальной спецификой, в которой отражаются диахронические признаки топонимообразования.

Процесс формирования топонимической системы характеризуется практически равномерным распределением семантически разноплановых основ по всей территории региона. Красноречивой иллюстрацией тому является сбалансированные статистические данные: семантические группы названий с основами, обозначающими понятия материальной и духовной культуры, растительного и животного мира, ландшафта и рельефа, а также их отличительных признаков, состоят из 16-30 номенклатурных единиц. Последние локализируются в пределах 8-10 микрорегионов, образующих замкнутые, исторические сложившиеся комплексы названий, которые возникали по мере освоения региона русским населением. Топонимические микрорегионы на карте в основном определяются административным делением территории в прошлом на уезды, но подвергаются ряду изменений, которые вызваны практикой современного районирования, обусловленной социально-экономическими факторами.

Стратиграфия состава аффиксов свидетельствует об устойчивости их позиций при возникновении новых наименований, об отсутствии резких изменений в диахроническом спектре морфем. Несколько иная картина наблюдается в иерархии суффиксированных названий на каком-либо из синхронных срезов, что обусловлено спецификой источниковой базы и связанной с ней морфемной вариативностью [Фролов 2005].

Предпосылки морфемного варьирования заложены в самих возможностях языка в его поступательном развитии, реагирующем на изменения значения функционирующего названия. Для того, чтобы варьировать, имя должно активно употребляться в языке и быть достаточно известным большинству членов данного языкового коллектива. За пределами сферы известности непринужденные варианты уступают место сознательному воздействию нормализации. Находясь в известной зависимости от магистральных процессов литературного и

разговорного языка, эволюция морфемного варьирования не отличается четкой перманентностью, хотя отдельные тенденции, свидетельствующие о морфемных сдвигах, позволяют выделить приходящие на смену друг другу узловые топоформанты при всей семантической адекватности исходных основ.

В топонимии XVII в. ведущие позиции, занимают названия с суфф. **-ов(а)**, **-ев(а)**, **-ин(а)**, за которыми следуют названия на **-ск(-цк-)**, **-овск**, **-евск**, **-инск**. В сферу их влияния попадают топомодели с другими суффиксами. Схематически «выравнивание» топонимических дериватов можно представить следующим образом:

-а→ова -ина: д. Булаша – Булашева, р. Чебуни – Чебунина, д. Митьки Голая Шуба – Голошубина; **-ов→ова:** поч. Захаров – Захарова, д. Труфанов – Труфанова; **-ин→ина:** д. Голдобин – Голдобина; **-ого→ова:** д. Бесчастного – Бесчастнова, д. Вавильного – Вавильнова; **-ова→-овская, -ина→инская:** д. Волкова – Волковская, оз. Батурина – Батуринское.

В источниках XVIII – XIX вв. морфемные сдвиги обуславливаются усилением позиций названий с суфф. **-к(а)**, **-овк(а)**, **-инк(а)**, **-их(а)**, **-ово**, **-ино:** **-н→к-:** с. Каменное – Каменка, д. Горная – Горка; **-ова, -ина→овская, -инская:** д. Водозадова – Водозадовская, д. Баландина – Баландинская; **-ова, -ина→овка, -инка:** д. Белоусова – Белоусовка, д. Воробьева – Воробьевка, д. Марьина – Марьинка; **-ова, -ина→иха:** д. Зимина – Зимиха, д. Кочнева – Кочниха, д. Стрункина – Струниха; **-ова, -ина→ово, -ино:** д. Захарова – Захарово, д. Калугина – Калугино, д. Плетнева – Плетнево.

Топонимические материалы XX столетия, судя по наблюдениям Н. К. Фролова, свидетельствуют о стабилизации образований с **-ово**, **-ино**, **-ск**, **-овск**, **-инск**, вызванных, на наш взгляд, влиянием разговорного бытового языка [Фролов 1984:32]. Одновременно активизируются усеченные сингулярные топомодели, а также модели плюралия тантум, что имеет отношение к экономии языковых средств в живом общении и приводит к приобретению ойконимами признака собирательности: **-ова, -ина→ово, -ино:** д. Гаврина – Гаврино, д. Заворуева – Заворуево; **-ова, -ина→овская, -инская:** оз. Дракова – Драковское, д. Речкина – Речкинская; **-ова/-ово, -ина/-ино, -овская, -инская→нульсуфф.:** д. Вавилонова – Вавилон, д. Сотниково – Сотник, д. Баландинская – Баланда, д. Речинская – Речка; **г) -ова/-ово, -ина/-ино, -овская, -инская→н/-ы:** д. Воробьева – Воробы, д. Шабриская – Шабы, д. Чесноковское – Чесноки, д. Грачева – Грачи.

§ 2. Морфемный спектр английской топонимии

Характерная особенность английской топонимии заключается в том, что одни и те же единицы могут входить в качестве конечных элементов в состав топонимов различной морфологической структуры. Это означает, что разные группы наименований, условно-членимые, сложные, составные, объединяются единством основного признака – семантикой конечных элементов. Указанная общность относится также к простым наименованиям, которые могут функцио-

нирывать в качестве конечных элементов названий разного морфологического строения.

Конечные элементы ойконимов могут быть разделены в связи с их семантикой на две основные группы: термины, непосредственно связанные с жизнью и деятельностью человека, то есть обозначающие жилье в прямом смысле (дом, поселок) или различного рода сооружения (дорога, мост, мельница), и термины, относящиеся к природным объектам (ручей, лес и т. д.), которые на ранней стадии развития топонимии переносятся на населенные пункты. В связи с распространением явлением метонимии, вторая из этих групп гораздо обширнее первой. В первой группе наибольшее распространение получают следующие компоненты:

borough – город, населенный пункт – Woodborough, Flookborough
cot – загон, хижина – Ascot
den – убежище, укрытие – Lullenden, Puttenden
ditch – *дуал.* дамба, насыпь – Walditch
house – дом – Woodhouse, Summerhouse
lock – шлюз, плотина, перемычка Challock, Harlock
mill – мельница – Cutmill, Drockmill
path – дорога – Dupath, Bagpath
stead – *снец.* имение, ферма, земельный участок – Wrinstead, Wanstead
worth – *ист.* усадьба, поместье, огороженный участок – Longworth,

Faldingworth

Вторая группа включает следующие основные компоненты:

bank – берег (реки, озера), отмель – Firbank, Ninebanks
brook – ручей – Sedgebrook, Withbrook
beck – *редк.* ручеек – Pinchbeck, Sandbeck
burn – *дуал.* ручей, ручеек – Colburn, Wolburne
dale – участок земли, поле, долина – Holmdale, Brogdale
combe, soomb – глубокая впадина, лощина, ложбина – Ashcombe, Slocombe
fen – болото, топь – Matfen, Swinfen
ford – брод – Lyford, Tetford
gate – горный проход – Oalgate, Hundgate
head – вершина горы – Shirehead, Turphead
hurst – роща, поросший лесом холм – Hayhurst, Ashhurst
land – земля, почва, земельный участок, поместье – Lowland
pool – небольшой пруд – Blackpool, Butpool
sand – пески, песчаная почва – Chicksands, Cockersand
stone – камень, каменистая почва – Holstone, Bellstone
well – источник – Howell, Lipwell

Конечные элементы часто дают весьма пеструю картину дистрибуции, в которой, однако, безошибочно улавливается историко-географическая закономерность: наиболее древние из них концентрируются на востоке и юге страны. Элемент -ford равномерно распространен по всей стране, что свидетельствует о большом значении этого компонента в ранние периоды формирования топонимии; -dale встречается, в основном, на севере, тогда как combe концентрируется

главным образом на юге и юго-западе; *-worth* участвует в названиях восточных и центральных областей, *-cot* отчетливо группируется на западе.

Приведенный перечень подтверждает высказанное выше положение о том, что конечные компоненты входят в состав названий не только как корневые морфемы, но и в качестве полуаффиксов. Последние, не утратив своего основного лексического значения, отличаются от слов, с которыми соотносятся, фонетически, будучи безударными.

Приведенные единицы делают также очевидным тот факт, что лексическая неоднородность, которая характеризует простые топонимы, в той же мере свойственна и другим группам топонимов (диалектизмы, специальные термины, редко употребляемые слова).

Сопоставление семантических характеристик топонимов основных словообразовательных групп выявляет повторяемость многих лексем. Действительно, географические термины, которые функционируют в качестве простых топонимов, активно участвуют также в составных, сложных и условно-членимых. Так, *thorp* образует простые, условно-членимые и составные названия (*Thorp*, *Scotterthorp*, *Thorpe Basset*). Это же относится к *marsh*, (*Marsh*, *Lamarsh*, *Denge Marsh*), *shaw* (*Shaw*, *Ellishaw*), *fleet* (*Fleet*, *Adlingfleet*), *beck* (*Pinchbeck*, *Roe Beck*). Аналогично функционирование лексем *ditch*, *burn*, *grove*, *holt*, *hurst* и др. Это позволяет сделать вывод о том, что в неоднородной массе географических терминов именно рассмотренные выше единицы представляют собой слова, которые составляют наиболее устойчивый пласт английской топонимии.

Английские топонимические суффиксы. Как уже говорилось, наибольшее распространение в современной топонимии Англии имеют наименования, конечные элементы которых выделяются как регулярно повторяющиеся суффиксы. Общая картина, создаваемая суффиксами в связи с семантикой исходных апеллятивов, аналогична той, которую составляют конечные элементы названий в целом (основы, полуаффиксы). Иными словами, топонимические суффиксы восходят к единицам, которые семантически соотносятся с теми же основными значениями, свойственными топонимам: жилье (дом, ферма, поселок, укрытие, укрепление) и естественные объекты (поле, ручей, брод, вырубка, долина).

Среди суффиксов первой группы наиболее распространены современные окончания *-ham* и *-ton*, которые, при близости исходного значения (др. -англ. *ham*, *tun* – дом, жилище, группа построек, поселок), относятся к разным историческим этапам формирования топонимии.

Древность суффикса *-ham* подтверждается рядом факторов, связанных с его сочетаемостью: частотой комбинации с суффиксом *-ing* (обозначающим принадлежность), который считается одним из наиболее древних топонимических компонентов (*Birmingham*); отсутствием сочетаний с древне французскими собственными именами, распространившимися уже после норманнского завоевания; соединением с древним элементом *burna* (источник) – словом, которое на ранней стадии развития английской топонимии было вытеснено синонимом *broc* (ср. распространенные ойконимы *Burnham*, но не *Burmtun*, и *Broughton*, но не *Brougham*).

Современная географическая дистрибуция *-ham* также подтверждает древность его происхождения. Карта свидетельствует о том, что область наиболее интенсивного распространения этого суффикса совпадает с районами ранних англосаксонских поселений – юго-восток страны, современные графства Кент, Суррей, Сассекс, Эссекс, Суффолк, Норфолк. Современный суффикс *-ham*, встречающийся в ойконимах западных районов, по-видимому, не тождествен рассматриваемому, а представляет собой омоним (в большинстве случаев восходящий к др. -англ. *hamm* – огороженное поле, луг). Показательно, что область интенсивного распространения таких суффиксов, как *stow*, *-sted*, относящихся к наиболее древнему слою (др. -англ. *stow*, *stede* – место, место встречи, священное место), также совпадает с дистрибуцией *-ham*. Чем дальше на запад, тем реже в названиях встречается компонент *-ham* и все чаще *-tun*.

По-видимому, по мере продвижения англосаксонских поселений на запад происходит замена устаревающего элемента *-ham* элементом *-tun*, который становится все более продуктивным. Показательно, что английский историк и теолог Беда в Церковной истории английского народа (731 г.) противопоставляет слов *-tun*, как обозначающее меньшую единицу, чем *-ham*. Это подтверждает высказанные выше соображения о топонимической взаимосвязи *tun* и *ham*. К моменту написания «Истории» Беды большая часть населенных пунктов с элементом *-ham* успела вырасти в города, тогда как поселения с элементом *tun* только начали возникать.

Как уже отмечалось выше, в областях Дейнло вместо суффикса *-ton* функционирует *-by* – суффикс скандинавского происхождения. Период его активного участия в формировании английской топонимии весьма длителен, (более пяти столетий со времени первых датских поселений с IX в. до XIII-XIV вв.), что обеспечило его значительную сохранность и в настоящее время. Первые компоненты названий, содержащих *-by*, на современном уровне обычно не выделяются, так как в большинстве представляют собой древнескандинавские имена собственные.

Среди остальных суффиксов этой группы большое распространение имеет *-chester*, восходящий к др. -англ. *ceaster* (укрепление, город). Форма *chester* распространена по всей стране; в Дейнло, в результате скандинавского влияния, появляется также вариант *caster* (*Lancaster*, *Doncaster*). Современные названия городов, расположенных на месте римских укреплений, часто имеют в качестве первого элемента до римские, кельтские корни. Таковы *Gloucester* (римский *Glevum*), *Worcester* (Уеогорна civitas), *Dorchester* (Durnonovaria).

Во второй группе наибольшее распространение получает элемент, восходящий к др. -англ. *leah* (просека, вырубка). Это связано с тем, что самые ранние поселения Британии, покрытой в древние времена густым лесным покровом, располагались на расчищенных от леса участках. Современные формы этого элемента – результат его длительной эволюции и поэтому чрезвычайно разнообразны. Чаше всего встречается *-ley* луг, пастбище, поле под паром (*Helmsley*, *Ridley*). Наблюдаются также *-leigh* – (*Thurleigh*), *-laugh*, *-lam* (*Acklam*), *-ney* (*Olney*), *-le* (*Scarle*), *-la* (*Stella*), *-ell* (*Cbell*).

Ойконимы с этим суффиксом в настоящее время широко распространены по всей стране, особенно в областях, где в прошлом имелись лесные массивы – в Гэмпшире, Суссексе, Суррее, Стаффордшире (Eastleigh, Kingsley, Dadley, Bromley). В Глостершире, Оксфордшире, Суффолке, где ландшафт весьма разнообразен, эти названия концентрируются в районах бывших лесов (Hensley, Hadleigh). Вместе с тем, они почти не встречаются в горах, на вересковых пустошах Йоркшира, в болотистых местностях Ланкашира.

Период активного действия элемента *-ley* весьма широк. Сочетания с кельтскими корнями и с суффиксом *-ing* относят возникновение данных названий ко времени первых поселений англосаксов. В то же время сочетания с древне – французскими и древнескандинавскими собственными именами свидетельствуют об участии элемента *-ley* в топонимии X в. и позднее.

Первые компоненты обычно восходят к древним Названиям деревьев, растений и животных, поэтому соответствия в современной лексике отсутствуют. В областях Дейнло можно встретить своеобразные тавтологические названия – гибриды типа Ripley, в которых древнеанглийское слово, означающее «просека», соединяется с древнескандинавским словом того же значения. Показательно, что географическое распространение топонимов с конечным элементом – *wood* (др. -англ. *wudu* – лес) в основном совпадает с дистрибуцией *-ley*.

Кроме рассмотренных выше, регулярной повторяемостью обладают многие современные конечные компоненты, среди которых наиболее распространены следующие:

- ber, -bury (др. -англ. *beorg* – гора, возвышенность) Limber, Modbury
- clough (др. -англ. *clöh* – долина) Cowclough
- den (др. -англ. *denn* – пастбище) Thornden
- den (др. -англ. *denu* – долина) Debden
- den, -don (др. -англ. *dun* – холм) Rowden, Standon
- eau, -у (др. -англ. *ea* – река, поток) Shepeau, Ebony
- ey, -у (др. -англ. *eg* – остров) Sheppey, Fenny
- hall, hill, -al, -all, -ale (др. -англ. *halh* – узкая Долина, заливной луг) Edenhall, Wighill, Sandal, Cromall, Heale
- ham (др. -англ. *hamm* – луг, огороженный участок) Elham
- hamsted (др. -англ. *ham-stede* – усадьба, ферма) Berkhamsted
- hampton (др. -англ. *ham-tun* – ферма) Bathampton
- hill, -nell, -le, -hull (др. -англ. *hyll* – холм) Gimbill, Warnell, Royle, Monyhull
- hoe, -ow, -oe (др. -англ. *hoh* – подножие холма) Swinhoe, Sharow, Shaftoe
- hop, -ор, -up (др. -англ. *hop* – сухой участок в болотистой местности) Mythop, Middop,
- ley, -low (др. -англ. *hlaw* – холм, курган, возвышенность) Osmotherley, Docklow,
- or, -ore (др. -англ. *ora*, – граница, берег) Windsor, Lynsore
- nor, -ore (др. -англ. *ofer* – берег моря, реки) Bickner, Elmore
- sett (др. -англ. (ge) *set* – жилище, место для скота, конюшня) Stradsett
- tor, -ter (др. -англ. *torr* – скала, скалистый пик) Bagtor, Notter

-was (*др.-англ.* wresse – сырой участок, болото) Alrewas.

Как видно из приведенного материала, современные ойконимические суффиксы, так же, как и основы, в *большинстве* восходят к географическим терминам, обозначающим рельеф и ландшафт местности, тогда как термины, относящиеся непосредственно к поселениям, играют гораздо меньшую роль. Одна и та же древняя форма дает несколько современных суффиксов (*др.-англ.* -halh -al, -ale, -all, -halgh, -hall).

§ 3. Продуктивные топоформанты в русской и английской топонимии

Современная топонимия Англии, во всем многообразии ее форм, представляет собой результат многовекового развития названий, где диахронические и синхронические планы особенно отчетливо проявляются. Рассматривая проблему структуры английских топонимов в плане исследования топонимической системы в целом, необходимо при анализе конкретных наименований одновременно учитывать два момента: современный состав топонимов, как фактор синхронический, и процесс их образования, как фактор диахронический. Тесное соприкосновение проблем членимости и топонимического словообразования заставляет далее выйти за пределы анализа одного отдельно взятого топонима и перейти к выявлению наиболее продуктивных способов образования топонимов.

Выявление синхронической организации топонимов требует обращения к обширному слою названий, состоящему из одновременно функционирующих единиц. Анализ современной карты показывает, что при всем разнообразии внутреннего строения названий, некоторые формы проявляют определенную регулярность.

Одна из особенностей английской топонимии заключается в том, что компоненты, из которых состоят наименования, в некоторых случаях имеют соответствия в лексике современного английского языка. Чем объясняется эта закономерность? Ответ на этот вопрос дают данные диахронии, раскрывающие те факторы, которые влияли на изменение морфологической структуры наименований в процессе их эволюции: выпадение отдельных звуков вначале, середине или конце топонимов сокращения, ассимиляция звуков, выпадение целых компонентов и т. д. Одним из наиболее характерных в этом плане факторов является морфологическое опрощение топонимов, при котором наименования, ранее состоявшие более чем из одной морфемы, становятся не членимыми, например: Bwora. Соединение частей названия, стирание границ между морфемами приводит к утрате этимологической мотивированности отдельных компонентов первоначально сложного целого. Следствием опрощения является утрата этимологии, переосмысление топонима, например:

Наибольшей регулярностью в английской топонимии обладает моносемная структура, состоящая из двух частей, каждая из которых может повторяться в других топонимах, создавая своеобразные топонимические ряды. Ряд Adlington – Birmingham – Bitterton – Blenchwarton – Hanton – Marlston – уравнивается общностью конечного компонента – **ton**, тогда как ряд Ashfield –

Ashford – Ashley, Ashmore, Ashover, Ashow определяется общностью начального **ash-**.

Однако рассматривая характер членения топонимов необходимо еще раз подчеркнуть что выделяющиеся компоненты не всегда обладают значимостью а чаще всего, напротив, представляют собой те или иные сочетания звуков, не соотносимые на современном уровне ни с какими единицами языка. Наименования, подобные Ashfield, которые распадаются на две значимые части могут по аналогии со сложными словами быть названы сложными топонимами, не характерны для английской топонимии. Возможность соотнесения конечного компонента с современным **over** оказывается ложной; компонент возникает в результате эволюции др. -англ. *ofer* – склон, холм.

Исторически английские топонимы возникали из значимых комбинаций элементов. Как видно из хроник Достопочтенного Беды (735 г.), автор создавал значение географических названий, так как переводил многие из них на латынь. Но уже на самых ранних стадиях развития системы имен обнаруживаются сложные комплексы, которые не поддаются «переводу».

Поэтому основой семантического исследования наименований надо считать выяснение значения элементов, его составляющих, с последующей реконструкцией значения сложного имени в целом. Именно семантика элементов (а не названия как целостной единицы) является единственной надежной базой семантического анализа.

Малая степень мотивированности английской топонимии сказывается также в ограниченном развитии составных топонимов (типа Greta Bridge). В США и Австралии подобные наименования, в отличие от Англии, имеют широкое употребление.

Утрата мотивированности неравномерно затрагивает отдельные элементы топонимов. Конечные элементы, семантическая нагрузка которых заключается в указании вида объекта, в целом проявляют большую устойчивость чем начальные, функция которых состоит в привнесении добавочной информации – характеристики или обозначения собственности. Возможные изменения объективных условий в первую очередь затрагивают именно эту дополнительную часть, что ведет к легкой потере мотивированности начальными элементами.

Таким образом, в подавляющем большинстве, положительно выделяется лишь один из компонентов, а именно конечная, значимая часть: которая не является производящей основой. Следовательно, различие в структуре Ashfield и Birbeck заключается в том, что во втором случае определенное осмысление начальной части может быть осуществлено лишь на базе частой повторяемости в топонимии конечного компонента **-beck**. Большинство английских топонимов, таким образом, представляет собой образования, членение которых может быть произведено лишь условно (условно-членимые топонимы). Начальная часть, остающаяся при выделении конечных морфем таких топонимов не представляет собой морфему, а является неким остаточным элементом, который на современном уровне развития языка является «пустым» звукосочетанием.

В сочетании конечных и начальных элементов прослеживаются определенные закономерности. Полнозначность конечного элемента (основы или

суффикса) отнюдь не предполагает однозначности начального (ср. Esthwaite.) Напротив, однозначность начального компонента обычно означает большую сохранность всего названия в целом, то есть возможность положительной делимости и его конечной части (ср. Holmescales, Edgeworth). Последние примеры, однако, не должны изменить основного, высказанного выше положения о малой сохранности топонимов в целом и начальных элементов, что для английской топонимии не характерно.

Типовые компоненты английских топонимов

Наиболее распространенные инициалы характерны для заимствований:

Castle – (E, I, S) средневековой замок. Другие формы: **Caislean** (I), **Caisteal** (G)
Напр.: Castlebar, Castlebay, Castleblayney, Castle Gary, Castle Douglas, Castlewel-lan.

Clon (I) луга. Др. форма cluain

Напр.: Clonakilty, Clondalkin, Clonmel, Clontarf

Dun – (E,I,S) холм. В Ирландии, Шотландии используется в значении форт, укрепление

Напр.: Dunbar, Dunfermline, Dungannon, Dunmow

Eccles (E, S) церковь (соответствует лат. ecclesia)

Напр.: Ecclefechan, Eccleston

Ennis – (I) остров. Другие формы: inis

Сухой, возвышающийся участок земли над водой, болотом

Напр.: Enniscorthy, Enniskillen, Ennistyman

Glen – (I,S) долина. Др. форма: gleann. (I,G)

Напр.: Glen Affric, Glencoe, Glendalough, Glenelg, Glenfinnan

Inver – (S) устье реки, слияние. Др. форма inbhir

Напр.: Inveraray, Inveresk, Invergowrie, Inverkeithing

Kill – (I, S) церковь. Др. форма cill (I, G) келья

Напр.: Kilcullen, Kilkeel, Killarney, Killiecrankie, Killybegs, Kilmarnock, Kilsyth

Kirk (E, S) церковь. Др. форма cirice (OE), kirkja (ON)

Напр.: Kirkby, Kirkcaldy, Kirkcudbright, Kirklees, Kirkwall

Llan (W) церковь. Следующий элемент – имя святого

Напр.: Llanberis, Llandaff, Llandeilo, Llandudno, Llangollen

Lis – (E,I,S) ограда, дворец, зал. Др. форма lios (I, G)

Напр.: Lisburn, Lisdoonvarna, Liskeard, Lismore, Listowel

Loch – (S) озеро

Напр.: Lochinvar, Lochmaben, Lochnagar

Pen – (E,S,W) холм, вершина

Напр.: Penarth, Pendlehill, Penicuik, Penmaenmawr, Penzance

Pont – (E,W) мост (Lat. Pons, gen. pontis)

Напр.: Pontardawe, Pontefract, Pontypool, Pontypridd

Port – (E,W, S,I) порт, гавань; город, рынок (Lat. Portus); вход, ворота (Lat. Porta)

Напр.: Portadown, Port Charlotte, Porthcawl, Portishead, Portsmouth, Portchester, Portland, Portsea

Ross – (E, I, S) возвышенность, лес Др. формы ros (I, G), rhos (W)

Напр.: Roscommon, Rosslare, Rhosllanerchrugog, Rhos-on-Sea

Stock – (E) место, вторичное поселение

Напр.: Stockport, Stockton-on-Tees, Stoke-by-Nayland, Stoke Newington, Stoke-on-Trent, Stoke Poges

Strath – (S) долина (шире, чем Glen – долина). Второй компонент – название реки, протекающей по долине.

Напр.: Strathclyde, Strathmiglo, Strathmore, Strathpeffer.

Tre – (W) хозяйство, деревня, город

Напр.: Tredegar, Trefriw, Tremadoc.

Для английской топонимической системы, по мнению Беленькой В. Д. [1969], несвойственен порядок следования компонентов, когда вначале слова оказывается апеллятив – географический термин. Это характерно для кельтского языка. Метод выделения регулярно повторяющихся компонентов в начальном положении позволяет установить индикаторы кельтского происхождения названий.

Наибольшей массовостью отличается форманта **Pen**: Penhill, Pencoyd, Penge, Penketh, Penrith. Подобные названия распространены в Ирландии, Уэльсе, а также в Корнуолле, Камбрии, Ланкашире, Чeshire, Глостершире. Особенности реального местоположения объектов с начальным Pen- подтверждает правильность их отнесения к кельтскому слою, т. к. ландшафт местности характеризуется наличием возвышенности.

Регулярностью отличается начальный компонент **Tre**-, который также относится к кельтскому слою (определение и базис меняются местами, инверсия). Большинство таких топонимов встречается в Корнуолле, напр., Tredrutan, tre-gavethan и др. более 70; в Девоншире (Trelleck, Trehill), в Ланкашире (Treysceck, Treales). Топонимы, включающие начальный формант Llan также большей частью встречаются в Корнуолле: Landulph, Lanreath, Llanidloes, Llandeilo в Уэльсе.

Дистрибуция топонимов кельтского происхождения позволяет выделить зону на западе страны, где наиболее густо расположены эти названия: Камбрия, Ланкашир, Глостершир. На востоке количество кельтских названий снижается, на юге-территории заселения англо-саксонских племен они почти не встречаются.

Финальный компонент британских топонимов

The Dictionary of British Place Names by Adrian Room, 1988 представляет элементы, употребляемые в виде финального компонента названий:

- **borough** (-brough, – burgh, – bury) укрепление, форт.

Первый компонент, как правило, имя собственное.

Напр.: Aldeburgh, Amesbury, Canterbury, Edinburgh, Middlesbrough, Peterborough

- **bourne** – ручей (burna, burn)

Напр.: Eastbourne, Fishbourne, Pangbourne, Sherborne

- **bridge** (brycg) – мост

Напр.: Boroughbridge, Cambridge, Highbridge, Tonbridge, Trowbridge, Wadebridge

- **by** (деревня, фермерское хозяйство) распространен в Восточной и Северной Англии (район Дейнло)

Напр.: Corby, Derby, Formby, Rugby, Selby, Spilsby, Whitby

- **caster** (cester) старая римская крепость, город

Напр.: Chichester, Cirencester, Colchester, Doncaster, Manchester, Rochester

- **combe** (-cumb, OE; comb, ME) – узкая долина, но шире, чем долина, обозначаемая –den

Напр.: Widecombe in the Moor, Babbacombe, Ilfracombe

- **cot** (жилище, хижина) Многие места с таким названием и в настоящее время являются маленькими деревеньками.

Напр.: Ascot, didcot, Kelmscot, Prescot

- **dale** (dael, OE; dalr, ON) долина. Первоначально происходит от слова dael, означавшего «яма». Под влиянием скандинавского языка обретает значение «долина». Распространен в северных регионах Англии.

Напр.: Borrowdale, Langdale, Skelmersdale

- **den** (OE denn – пастбище; OE denu –долина, OE dun – холм)

Напр.: Thornden, Debden, Rowden, Clevedon, Swindon

- **ey** (OE –eg) остров или островок земли, возвышающийся над болотом, окружен водой.

Напр.: Bardsey Island, Bermondsey, Hackney, Romsey

Второе значение – вода, река, ручей от OE ea, восходящий к франц. –eau – используется в названиях рек. Кроме того, – ey следует отличать от –ley (-leigh, -le) лес, луга, пастбище (OE leak, ME lea)

Напр.: Barnsley, Burnley, Hadleigh, Morley, Shipley, Stanley, Yiewsley.

- **field** (OE feld) – расчищенное лесное пространство без деревьев, холмов, впадин.

Напр.: Hatfield, Lichfield, Macclesfield, Petersfield, Wakefield, Wednesfield.

- **ford** – переправа, брод. Первый компонент – название реки.

Напр.: Blentford, Burford, Camelford, Oxford, Stafford, Stratford, Thetford.

- **gate** – 1) вход, проход, ведущий через холмы и клифы к определенному месту; 2) путь, дорога. Неразличение указанных смыслов приводит к неправильному переводу названий улиц: Micklegate – великая улица, а не великий вход; Briggate – мостовая, а не вход на мост. Другие названия используются в первом значении.

Напр.: Eastgate, Westgate, Northgate, Southgate, Harrogate

- **ham** – 1) хозяйство, деревня (OE –ham означал жилище, дом; 2) ingham – поселение. Следует отличать от –hamm (hemmed –in land) – земля, окруженная водой, участок долины среди холмов, огороженное поле.

Напр.: Bloxham, Burnham-on-Crouch, Fareham, Mitcham, Newnham, Swaffham.

- **hampstead** (OE ham + stede) священное место встреч.

Напр.: Berkhamsted, Hampstead, Wheathampstead.

- **hampton** – 1) главная деревня среди близлежащих (OE ham – tun), 2) ферма, загон скота у реки. Иногда трудно различить, первое или второе зна-

чение используется в названии: Hampton, Northampton, Southampton, Wolverhampton.

Существует мнение, что **-ham/ -tun** компоненты равнозначные. На западе страны реже встречается **-ham**, его заменяет **-tun** более продуктивный, но обозначающий меньшую единицу (поселок), чем **-ham** (город).

- **head** (OE *heafod*) голова, холм, возвышенность. Может означать голову животного, змеи.

Нап.: Birkenhead, Gateshead, Minehead, Portishead.

- **hurst** (OE *kyrst*) – бугор, заросший лесом, холм.

Нап.: Brockenhurst, Lyndhurst, Midhurst, Sandhurst

- **ing** – племя, люди. Первый компонент – имя вождя племени.

- **ington, -ingham** (поселение племени).

Нап.: Paddington, Wilmington, Workington.

- **mere** – озеро (фр. – *mer* море). Следует отличать от **-more** (**-minster**) – церковь.

Нап.: Buttermere, Cromer, Ellesmereport, Grasmere, Charminster, Kidderminster, Warminster, Westminster

- **more** – низина, болотистое место

Нап.: Dartmoor, Exmoor, Spennymoor.

- **mouth** – устье реки (OE *mutha*)

Нап.: Avonmouth, Dartmouth, Exmouth

- **shot** (OE *sceat*) – уголок земли, чаще с деревьями.

Нап.: Aldershot, Bagshot, Oxshott.

- **stead** – место, участок (OE *stede*)

Нап.: Ashtead, Banstead, Plumstead, Stansted.

- **stock** – вторичное поселение в виде отдаленной фермы. Обычно два поселения образованы от одного имени собственника, ср.: Basingstoke и Basing.

- **stow** – святое место, заседания ассамблеи (суда)

(ME *to stow, to place, to put* – поместить).

Нап.: Chepstow, Felixstowe, Padstowe, Walthamstow (а также Bristol, происходит от Bridgestow).

- **thorpe** – вторичное поселение (OE *thorp*). Названия присущи для территории Дейнло, т. е. восток и север Англии. Большинство деревень мало известны.

Нап.: Scunthorpe.

- **ston** – камень, насыпь, скала – место встречи сотни. Следует отличать от **stun** (имя собственное в позессиве + **-ton** – ферма, город).

Нап.: Folkestone, Ingatestone, Maidstone

- **tree** – дерево, столб с отметкой границы – место встречи сотни. Первый компонент – имя судьи.

Нап.: Aintree, Braintree, Coventry, Daventry, Manningtree, Oswestry, Wavertree.

- **ville** – современные поселения работников какой-либо отрасли промышленности.

Нап.: Bournville, Cliftonville, Waterlooville.

- well – ручей, колодец

Напр.: Bakewell, Cranwell, Holywell, Motherwell, Southwell, Wombwell.

- **wick** – жилище, используемое в целях торговли, место помещения товаров, загон для скота, место добычи соли, молочная ферма. Элемент – **wick** присутствует в названиях мест, расположенных у реки, на морском побережье.

Напр.: Alnwick, Berwick -upon-Tweed, Chiswick, Droitwick, Greenwick, Keswick, Nantwick, Norwick, Sandwick, Woolwick.

- **wood** (OE wudu) – лес

Напр.: Blentwood, Goodwood, Heywood, Norwood, Sherwood Forest.

- **worth** – усадьба, имение.

Первый компонент – имя собственника.

Напр.: Letchworth, Tamworth, Wandsworth

Изложенное выше дает возможность заключить, что морфологическая классификация топонимии во многом определяется спецификой конечных элементов. Последние, однако, не обладают однородностью, так как, в соответствии с общей тенденцией, и они претерпевают определенную утрату мотивированности. Конечный элемент, соотносящийся с современным словом английского языка, способствует диетимологизации названия.

Напротив, наибольшей частотностью характеризуются конечные элементы, которые, не имея аналогов в современной лексике, вместе с тем объединяются одним определенным лексическим признаком, а именно тем, что они все *восходят* к апеллятивам – географическим терминам. Ср. **-ham** (др. -англ. ham – деревня, ферма, поместье), **-ton** (др. -англ. tun – огороженное место, ферма, усадьба, деревня, город). Соотнесенность с современными лексемами, **home**, **town** позволяет, отчетливо воспринимать их как имеющие значение указателей вида объекта (обозначение именно жилья, населенного пункта, в отличие от реки, возвышенности и т. д.).

Эти элементы можно, по-видимому, обозначить как топонимические суффиксы, на основании того, что они не используются в языке как отдельные слова, обладают ясной выделяемостью в составе наименований и способностью создавать неограниченное число топонимов. Они регулярно повторяются (только в качестве конечных морфем) и имеют определенное лексическое значение указателей населенных пунктов. Наименования, включающие эти суффиксы (Fenton, Fordham), понятны всем носителям английского языка, то есть воспринимаются именно как ойконимы.

Далее отчетливо выделяются конечные элементы, которые занимают промежуточное положение между группами, описанными выше: то есть как бы сочетают признаки, характерные для каждой из них, а именно соотносятся с соответствующими однокорневыми словами и вместе с тем, регулярно функционируют в роли аффиксов: **-cot**, **den**, **-fen** и др. Не утратив своего лексического значения (в связи с наличием этих слов в языке), они тем не менее в составе наименований отличаются от последних фонетически. Признаки, характеризующие их как аффиксальные морфемы, – регулярное функционирование в качестве конечных компонентов безударность возможная редукция гласного – позволяют при-

менить к этой группе топонимических компонентов понятие полуаффиксов., например:

Отмеченные выше наблюдения заставляют поставить вопрос о необходимости пересмотра традиционной морфологической классификации английских наименований, и выделить четыре основные группы топонимов: *simple place-names* (типа Deal), *compound* (Elmwood), *affixed derivatives and complex* (предложные сочетания пространственной ориентации).

Итак, наиболее широко представлены в английской топонимии названия, которые могут быть обозначены как производные, то есть состоящие из производящей основы и топонимического суффикса (Oakleigh, Fordwich) или основы и топонимического полуаффикса (Clifford, Elmsted).

Заметное место занимают топонимы, характеризующиеся условной членностью. В них выделяются те же суффиксы (Ulwham, Rochester) и полуаффиксы (Esholt), где начальная часть не несет какого-либо значения на современном уровне. В пределах этой группы имеются также трехсоставные топонимы, в которых выделяются два суффикса (Loddington, Brightlingsea, Buckingham, Basingstoke).

Располагая группы по убывающей частоте, можно затем выделить наименования, в современном состоянии которых отражаются различные стадии процесса опрощения (Sleagill, Stonor, Ryon, Riccal). Эти топонимы не поддаются членению, так как их кажущаяся двусоставность не поддерживается какими-либо аналогиями в современном языке.

В группу простых наименований объединяются топонимы, состоящие из одного элемента. Это те, которые являются результатом либо полного опрощения (Tring – др. –англ. *treo* + *hangra*; Iden – др. –англ. *ig* + *denn*), либо изменений в составе первоначально одноосновных названий (Ore, Hoe). В эту группу также входит небольшое число наименований, состоящих из одной основы, непосредственно соотносящейся со словом современного языка.

§ 4. Способы топонимического словообразования в русской топонимии

Общепринятым в топонимических исследованиях является утверждение о господствующем в славянской топонимии морфологическом способе производства названий [Никонов 1963]. Благодаря исключительно развитой системе аффиксов ведущее место в русской топонимии принадлежит аффиксальному словопроизводству.

Суффиксация. Суффиксальный топонимический тип – такая разновидность морфологического словообразования, при которой новый топоним образуется в результате присоединения суффикса к производящей основе слова. В роли топонимообразующих суффиксов топонимов – существительных выступают суффиксы: *-ск-, -к-, -ип-, -ич-, -иш-, -щин-, -ава-, -ята-, -ень-, -их-, -ух-, -яга-, -ов-, -ин-,* а также их производные: *-овск-, -евск-, -инск-, -овк-, -евк-, -инк-, -енк-, -анк-, -янк-, -ушк-, -юшк-.*

Топонимы – существительные с суфф. *-ск-* образуются от производящих основ собственных и нарицательных существительных, реже – прилагательных:

бобыль – *Бобыльск*, *белый* – *Бельск*, *Бояр* – *Боярск*. Топонимообразующее значение **-ск-** в случаях с *Бобыльск*, *Боярск* можно поставить под сомнение ввиду потенциальной возможности образования топонима от усеченного прилагательного: *бобыльский* – *Бобыльск*, *боярский* – *Боярск*. Подобные примеры на фоне малой продуктивности модели типичны [Фролов 1996:143].

Активность суффикса **-ск-** оказалась более значительной в топомоделях с производными суфф. **-овск-**, **-евск-**, **-инск-**, **-енск-**, производящей основой которых послужили антропотопонимы на **-ова**, **-ово**, **-ева/-ево**, **-ина**, **-ино**. Результатом этого живого процесса в языке явилось перераспределение, то есть перемещение границ между морфемами, что и привело к созданию словообразовательных моделей с продуктивными топонимическими дериватами **-овск-**, **-евск-**, **-инск-**, **-енск-**: д. *Аксенова* – выс. *Аксеновский*, д. *Богданова* – д. *Богдановская*, д. *Бушуева* – с., оз. *Бушувское*, д. *Малышкина* – *Малышенское*, с., оз., д. *Сорокина* – *Сорокинская*, д. Подобное словопроизводство отмечается в топонимии на протяжении нескольких столетий, втягивая в свою орбиту апеллятивные производящие основы: завод – пос. *Заводинский*, боровое место – с. *Боровинское*.

Топонимы – существительные с суфф. **-к-** образуются от непроемных и производных основ собственных и нарицательных имен существительных и прилагательных: *Захар* – *Захарка*, д., *Игнат* – *Игнатка*, *каменный* – *Каменка*, р., д., *камыш* – *Камышка*, д., р., *лопата* – *Лопатка*, д., *Ташкент* – *Ташкентка*.

Образования типа д. *Ефремка*, д. *Терешка*, р. *Федулка* восходят к генетивным конструкциям XVII-XVIII вв.: «номен + родительный падеж личного имени», но с утратой номена название ассоциируется с личным именем в именительном падеже: *Захарка*, *Терешка*. Топомодели *Казанка*, д., *Московка*, д., утрачивают в живом функционировании значение уменьшительности, которое характерно для нарицательных имен с суфф. **-к(а)**, отражая тем самым общеязыковые явления лексикализации имен с уменьшительными аффиксами. Словообразовательная топомодель на **-ка** относится к числу продуктивных. Суфф. **-к(а)** способен обрастать в процессе словопроизводства «синтагматическими прокладками», «квазиморфами», «единичными наращенными» (Кубрякова Е. С., Земская Е. А., Панов М. В.), образующими производные суффиксы или форманты: **-айка** (*Беляйка* – от *Белый*), **-анка** (*Сладчанка* – от *сладкий*), **-инка** (*Скарединка* – от *скарედный*), **-овка** (*Горьковка* – от *горький*) и др.

Топонимы – существительные с суфф. **-их(а)** образуются от непроемных основ собственных и нарицательных имен и реже – от глагольных основ: *базар* – *базарная* – *Базариха* (*Базаров* – *Базариха*), *Ермак* – *Ермачиха*, *блин* – *Блинов* – *Блиниха*, *крутить* – *крученный* – *Крутиха*.

Топонимы – существительные с суфф. **-ух(а)**, **-уш(а)**, **-ушк(а)**, **-юшк(а)** образуются от непроемных и производных основ имен прилагательных и глаголов: *кривая* – *Кривуха*, *Кривуша*, *грязная* – *Грязнуха*, *ровная* – *Ровнушка*, *марать* – *Маруха*, *Марушка*. Отантропонимные образования единичны: д. *Свистунова* – *Свистуха*, д. *Шадрина* – *Шадрушка*.

Префиксация. Префиксальный топонимический тип – это разновидность морфологического словообразования, при котором новое наименование созда-

ется в результате присоединения к какой-либо основе префикса. Этот тип словопроизводства не отличается продуктивностью: *Кулига – Закулига, Озеро – Заозеро, Река – Зарека, Полой – Запой*. Часть таких топонимообразований представляет собой названия – корреляты, указывающие на местонахождение одного объекта по отношению к другому объекту: *Луговая – Залуговая, Горная – Нагорная, Горная – Подгорная и под.*

Префиксально-суффиксальный тип. Префиксально-суффиксальные топонимические образования возникают благодаря одновременному участию в словопроизводстве приставки, корня и суффикса, выступающих в деривационном акте как спаянные сегменты: *За/озер/к/а, По/низ/овк/а, За/озер/ье, Без/ымьн/н/ое, Без/бор/н/ое, За/остров/к/а, По/гор/елк/а* и под. Топонимическая деривация в данном случае детерминируется комплексным взаимодействием формально вычленяемых в слове морфов [Фролов 1996:147].

Сложение. Сложение основ – один из древнейших способов словообразования, в котором словопроизводство, лексико-синтаксическое в своей потенции, осуществляется путем объединения двух (в редких случаях трех) основ в одну лексему с помощью соединительного гласного или без его помощи. Абсолютными синонимами термина «сложение» в современном русском языке являются термины «двуосновное слово», «композит». Г. Ю. Касим не без основания предлагает дифференцировать их, относя «сложное слово» (сложение основ) к морфемному, а сочетание основ путем композиции к словообразовательному аспектам [Касим 1977].

Сложные топонимы нельзя рассматривать как простое сочетание двух или трех слов: они дают возможность полнее и конкретнее выразить понятие. Смысловое содержание отдельных компонентов в этом случае имеет отношение к топониму только как его генетическая форма. Лексикализация словосложений порождает новое слово со значением, отличающимся от значения каждого из компонентов. При анализе сложных топонимов, по мнению А. В. Суперанской, оказывается, что классификация по лексическому составу как первого, так и второго компонента не дает желаемого результата, поскольку лексически один и тот же компонент может сочетаться с морфологически разными основами. Стройная классификация всего многообразия типов сложных топонимов может быть достигнута лишь на основе их структурного анализа, при котором необходимо определить, во-первых, основой какой части речи является каждый компонент и, во-вторых, каким трансформациям может быть подвергнуто все сложение в целом. Сложный топоним представляет собой автономную номинативную единицу, интерпретация которой проистекает из смысловой спаянности компонентов, того топонимического значения, которое создается комплексностью восприятия функционирующего названия. Другая сторона взаимосвязи компонентов учитывает зависимость от порождающего компонента другого, обычно повторяющегося, как бы вспомогательного компонента. Таким образом, различают две основные разновидности сложных топонимов:

- а) топонимы, образованные способом чистого сложения: *Гришегор, д.* (сущ. + соед. гласн. + сущ.), *Малокрутая, д.* (прил. +соед. гласн. +прил.), в том

числе топонимизированные апеллятивные композиты: *Лесозавод, пос., Гидропорт, пос.*;

- б) топонимы, образованные сложением основ с материально выраженной суффиксацией. Эта разновидность сложения отличается высокой продуктивностью, которая создается благодаря широкому выбору вступающих в сочетания слов, оформляемых теми или иными суффиксами. Выделяются следующие структуры региональных топонимических сложений, компонентами которых являются именные и глагольные основы и большинство из отмеченных выше аффиксов.

1. Первый компонент – непроемная или произмная основа имени прилагательного:

Бел-: Белогорье, Белозерское, Беломоица, Белоярка; *больш-*: Большекрутая, Большешмакова, Большеприютная; *верхн-*: Верхневараксинно, Верхнемостовка, Верхнемысовая; *горн-*: Горноправдинск, Горнослинкино; *дальн-*: Дальнеостровное, Дальнепольное; *долг-*: Долгоярское; *здеши-*: Здешнещеккина; *зелен-*: Зеленоборский; *караульн-*: Караульнярский; *красн-*: Красногорская, Красноленинская; *крив-*: Кривоуцкое; *крут-*: Крутоозерское; *мал-*: Малаемецкое; *мелк-*: Мелкоозеро; *нижн-*: Нижнебалуево, Нижнесидорово; *нов-*: Новобережовская, Новоказанка, Новолокти; *песч-*: Песчанозимник, Песчанозерское; *песьян-*: Песьяномысская; *северн-*: Севернодубровное, Североплетневка; *стар-*: Староалександровка, Староборовая; *сух-*: Суходольский, Сухореченск; *тепл-*: Теплодубровное, Теплоключевская; *черн-*: Черногорская, Чернореченск; *чист-*: Чистоборск, Чистозерское; *южн-*: Южнодубровное, Южно-плетнево.

2. Первый компонент – основа имени числительного: *втор-*: Второпесьянное, Второтроица; *перв-*: Первopesьянное, Первотроицк; *три-*: Тригорка (Троегорское); *семи-*: Семиозерка.

3. Первый компонент – основа имени существительного: *верх-*: Верхречки, Верхспириха; *завод-*: Заводоуковск, Заводоуспенское; *золот-*: Золотоплехановский; *кож-*: Кожогорье; *север-*: Северокедровка.

4. Прочие, нерегулярные: *Скородум, Вновьскородум, Пьянречка, Плачмыс* и др. Сложения типа *Виноградовка, Звездочетова, Мокроусовка, Первомайка, Святославка* мы относим к псевдокомпозирам, так как в образовании этих сложных названий используется готовая двуслая модель.

В качестве второго компонента используются: а) географические апеллятивы: *берег, бор, гора, луг, лука, мыс, озеро, остров, порт, поле, река, яма, яр* и др., б) антропонимы *Горбунов, Ретин, Филатов* и под., в) ботанические и прочие номены: *береза, кедр, дерево, песок, соль*. Второй компонент сложений обычно содержит смысловое ядро, отличительный признак которого определяется первым компонентом, а сочетание основ цементируется посредством суффиксов. Следовательно, начальный компонент выполняет вспомогательную роль, что подтверждает наличие бинарных оппозиций, в том числе: по цвету (белый – черный), размеру (большой – малый), местоположению (ближний – дальний) и т. д. Второй компонент лишь в редких случаях образует смысловые

противопоставления типа *Старогородская – Старосельская, Красногорский – Краснопольский*.

Словопроизводство по типу топонимических сложений отличается неодинаковой продуктивностью составляющих топомодель компонентов, испытывая в отдельных случаях влияние лексико – синтаксического способа образования названий: *Скородумская – Вновьскородумская*. Сложные топонимы более распространены в системе ойконимии, как наиболее подвижной части топонимикона, тогда как в гидронимии, видимо, в силу ее меньшей метонимичности сложение основ используется нечасто.

Аббревиация. Создание топонимов путем сочетания нескольких слов, входящих в наименование в сокращенном виде, является чрезвычайно редким приемом топонимического словопроизводства. Его разновидности следующие: а) производный топоним состоит из начальных букв каждого слова: Грэс, пос., Уфан (Уральский Филиал Академии Наук); б) производный топоним состоит из начальной части первого слова и целого второго слова: Гертруд (герой труда), д., Детсанаторий, сел., Заготскот, сел. Распространение аббревиатурных топонимообразований связывается главным образом с послеоктябрьским периодом.

Сочетание основ. Этот тип топонимического словообразования представляют составные топонимы, являющиеся сочетаниями двух, реже трех и более слов с сочинительной и подчинительной связью компонентов, которые выступают как структурное целое, с единой номинативной функцией [Долгачев, Несина 1976]. Семантика составных топонимов складывается на основе значения топонимизированных субстантивов и номенов в их логически возможных сочетаниях. Круг составных топонимов весьма широк, если иметь в виду, помимо апеллятивных конструкций, и антропотопонимические сочетания. Составные топонимы по своей структуре частично смыкаются с топонимами композита: *Большое Сорокино – Большесорокинское, Крутые Озерки – Крутоозерское, Луговая Слипкина – Луговослипкино*. В практике картографирования последних лет отдают предпочтение фиксировать сложное, а не составное название, что имеет, непосредственное отношение к аспектам лексико-синтаксического словообразования [Виноградов 1972].

Составные топонимы, членятся на двухсловные и многословные. Двухсловные, в свою очередь, различаются характером атрибутивно-субстантивной связи сочетающихся компонентов: *Белая Дубрава, Лука Кривая, Балуева Верхняя, Затон Балуева, Трон Булатова, Гуляй-Поле* и др. Модели двусловных топонимов с учетом локальной специфики достаточно стереотипны в русской топонимии [Суперанская 1967]:

- а) имя прилагательное (качеств., относит., притяж.) + нарицательное или собственное имя существительное: *Новый Бор, Перевесный Бор, Радионов Бор*;
- б) прилагательное + прилагательное: *Большая Скаредная, Большая Крутая, Большая Плесовская, Луговая – Деньщиковская, Большое Заостровное, большое Карасье, Волчье-Медвежье*;
- в) порядковое числительное + существительное: *Первое Городище, Первая Протока, Вторая Роголиха*;

- г) количественное числительное + существительное: *Две Протоки, Три Кедрра, Три Конды*;
- д) существительное + существительное: *Устье-Барсук, Елка-Шапка, оз. Ивана Степановича, Кунгур-Гора, Зимовье-Вагай, Дом Отдыха*;
- е) существительное + прилагательное: *Мыс Белый, Мыс Евдокимовский, Мыс Еловый, Юность Комсомольская*.

Выделенные словообразовательные модели топонимов словосочетаний занимают свое скромное место в системе топонимии, поэтому мы намеренно ограничили иллюстративный материал. Однако это не искажает реальной ситуации топонимообразования и подчеркивает место словообразовательного типа в региональной топонимии.

Предложные топонимы. Важность автономной интерпретации этой группы топонимических дериватов, помимо малоизученности, актуализируется, по словам Н. К. Фролова, ценностью наблюдения процессов формирования региональной системы географических названий, дифференциации онама – апеллятив, узуальных и диалектных типов наименований. Богатство полевых материалов, содержащих предложные конструкции, дает право рассмотрения деривационных явлений на примере отдельного, замкнутого микрорегиона, в данном случае топонимии Тюменского и пограничного с ним Ялуторовского районов [Н. К. Фролов 2005].

Предварительно заметим, что предложенные словообразовательные модели топонимов в письменных источниках относятся к числу спорадических, в то время как в разговорной (диалектной) речи они составляют около 5% топонимического континуума.

Статус географических названий, представляющих собой словосочетание предлогов *за, на, под* и др. с нарицательными и собственными именами, топонимами характеризуется по-разному. Е. М. Адамович полагает, что большая часть названий предложного типа не является собственно топонимами и занимают положение между собственными и нарицательными именами [Адамович 1967]; Ю. А. Карпенко относит их к порождающим именам топонимических конструкций Подгора, Залес [Карпенко 1965], С. Роспонд включает в состав примарных наименований [Роспонд 1972], а Н. В. Подольская – в топонимический детерминативно-предложный тип [Подольская 1983]. В целом же этот тип наименований топонимами обычно не рассматривается. Между тем название «предлог + имя» – исторически закономерная у восточных славян номинативная модель. Так, в «Повести временных лет» и новгородских берестяных грамотах упомянуты названия мест: *За Волоком (Заволочье), За Полиця (Заполицкое), Искоростень (Коростень)*. Часть названий подобного образования фиксируется с уже сформировавшейся топонимической деривацией: *Изборск, Заречск, Заруб*, что подчеркивает завершенность топонимической агглютинации: *Волжск – Заволжск*. В русской топонимии XVII в. на Европейском Севере Л. П. Михайлова устанавливает семь «локативных типов», то есть предложно – именных конструкций, которые с XV века использовались в Заонежье для обозначения односемейной деревни. Документы XVII в. отражают стремление заменять локативные конструкции *На Верхнем Озере*,

Против *Погоста* номинативными. В XVIII веке на долю локативов приходилось до 4% наименований поселений [Михайлова 1985].

В материалах XVII в. описательные модели наименования объектов типа «при Кривом озере деревня Степана Молчанова» позднее модифицировались в номинативные (кривое Озеро) или генитивные модели (деревня Молчанова), а сопутствующие конструкторы оказались за пределами географического словаря. Однако наименования предложного типа стали неотъемлемой частью микротопонимии, выступая в качестве названий – ориентиров в разговорной речи. Семантика и словообразовательная структура таких названий прозрачна лишь на первый взгляд. Будучи наполовину оттопонимическими дериватами (болото у Железного Перебора, где Железный Перебор – устойчивое, узусальное название бора; У Болотины, где болотина – обычный диалектный номен), они отражают идею ориентации на конкретной местности. Но эта идея содержится не только в именной части, служащей посредником в установлении адресата. Номинативный мотивировочный признак предложных наименований раскрывается и за счет предлогов, указывающих местонахождение одного объекта относительно другого. Внутренняя смысловая форма, содержание мотивации определяется совокупностью значений всех входящих в наименование компонентов, отчего ценность ориентировочной информации именной части может быть редуцированной [Фролов 2005:243].

Семантика предложных топонимов не обязательно должна совпадать с семантикой образующих название слов, хотя при объяснении смысла вторичных образований ассоциации с мнимым ориентиром довлеют над развившим иное значение наименованием. Таким образом, при возникновении предложных топомodelей участвуют не семантически аморфные лексемы, а сочетания слов с указательным значением, которое может быть трансформировано в ходе функционирования топонима.

Что касается аспектов функционирования топонимов предложного образования, то, по нашим материалам, их употребление обычно ограничивается сферой разговорной речи, хотя у западных славян этот топонимический тип имеет право литературного гражданства. Жизнеспособность предложных топонимических моделей обеспечивается, как было отмечено выше, историческими традициями, достаточной известностью и распространенностью в славянском языковом мире, а также сравнительной доступностью моделирования и надежностью обозначения языковыми средствами географических объектов.

Проникновению предложных топонимов в географические официальные указатели, видимо, препятствуют лингвистические и экстралингвистические факторы: спорадичность функционирования имени в языке и малая степень социально-экономической значимости объекта, вариативность названия, близость к аналогичным аппеллятивным конструкциям: жилой комплекс за рекой Турой тюменцы называют Заречным, Зареченским, За Турой.

В структурно-грамматическом отношении топонимические модели предложного образования легко обозримы, несмотря на многообразие возможных сочетаний предлогов и имен. Первый компонент таких сочетаний – первообразные предлоги: *В, НА, К, ПОД, У* и наречные предлоги: *БЛИЗ, ВОЗЛЕ, МЕЖДУ, НАПРОТИВ, ОКОЛО, ОКРЕСТ, ПОСРЕДИ, ПРОМЕЖ, СЗАДИ*.

Предлог **В** используется в наименованиях при обозначении места, направления и расположения объекта относительно указанного в имени ориентира: В Овражке (название родника), В Березняке (название сторожевого поста), В Логу (название старицы). Топонимичность типа в микросистеме, несмотря на тождество с апеллятивным сочетанием, поддерживается регулярностью функционирования в разговорной речи.

Предлог **ЗА** указывает на объект, находящийся позади, по другую сторону известного ориентира: За Прорвой (название сенокоса), За Озером (название лесугодья). Модель продуктивна в диалектной речи, систематически пополняет состав узуальных названий, подвергаясь, однако, закономерным морфологичесловообразовательным трансформациям. В нашей картотеке засвидетельствованы префиксальные и префиксально-суффиксальные образования, пережившие так называемую стадию топонимической окказиональности: *Заболотный, пос., Заборка, пос., Заольховка, д., Заостровка, д., Заолой, д., Зарека, Заречный, пос., Зарековка, д., Зарям, Зарямовский, пос., Засогра, д., Застарица, д.* [Фролов 1985].

С предлогом **К**, обозначающим направление в сторону какого-либо ориентира, образуются модели, которые лишь условно можно назвать топонимическими, ибо они не характеризуются функционированием в живой речи, отличаясь вариативностью обозначения объектов: К Большому Водопою (название развилки дорог), то же: *К р. Камышенке и На Камышенку.*

Предлог **НА**, помимо указания направления, помогает установить местонахождение поименованного объекта в пределах ориентира: На Бору, На Пышме, На Черном Камне (название заимки). Эта номинативная модель известна в узуальной топонимии: *Набокина (Бокина), д., Накоряков (Коряковский) Хутор, д., Накуларово (Кулларовская), д.*

Предлог **ПОД** со значением «вблизи, около, внизу» используется в диалектах достаточно регулярно: Под Кулигой (название речки у д. Кулига), Под Винзилями (название бора перед пос. Винзили), Под Муллашами (название грибного соснового бора при подъезде к д. Муллаши). О продуктивности образований этого типа можно судить по распространенности узуальных наименований региона: *Подбугорный, пос., Подгора, д., Поддубровка, с., Подкуликова (Попки), д., Подчувашин, д.* и др.

Предлог **У** также указывает на непосредственную близость от ориентира поименованного объекта: *У Согры, оз., У Старых Юрт, родник.* Такие номинативные типы, достаточно известны в разговорной речи, практически не закрепляются в узуальной топонимии, хотя в отдельных случаях и получают официальный статус топонима: *пос. При р. Обь – Приобский, д. по границе... Пограничная – ул. До – удела – Доудельная.*

Конструкции наименований с наречными предлогами можно квалифицировать топонимическими условно ввиду синонимичности апеллятивным словосочетаниям: Возле Старицы (название сенокоса), но..., идет уборка сена возле старицы. Назывной смысл словосочетаний имен с предлогами *близ, около, между, напротив, посреди* и др. определяется ситуацией и воспринимается далеко не всегда собственно топонимическим в силу нестандартности и рари-

тетности модели. Поэтому переход аналогичных образований в узусальные исключительно редок: *пос. Междуреченский, пос. Межколхозный*.

В роли второго компонента в топонимии предложного образования выступают имена собственные и имена нарицательные всех трех родов или имена прилагательные, числительные и причастия с детерминативом, стоящим в косвенном падеже, который требует препозитивный предлог. Наши материалы позволяют выделить следующие наиболее устойчивые топо модели и их варианты:

Модель 1: а) предлог В + географический апеллятив (термин или номен, далее сокращ. ГА) в предл. п. ед. и мн. ч.: В Борках, В Логу; б) то же + топоним (далее сокращ. Т): В Дубровке, В Ямках; в) то же + определительное словосочетание (далее сокращ. ОС): В Горелом Болоте, В Моховом Ряме.

Модель 2: а) предлог ЗА+ГА в ТВ. п. ед. и мн. ч.: Прорвой, За Старицей; б) то же + Т: За Горками (Загорки), За Кордоном; в) то же + ОС: За Большим Ярком, За Пропащим Озером.

Модель 3: а) предлог НА+ГА в предл. п. ед. и мн. ч.: На Увале, На Кургане; б) то же + Т: На Бутырках, На Заимке; в) то же + ОС: На Черной Пяди, На Горевищем Острове.

Модель 4: а) предлог ПОД+ГА в ТВ. П. ед. и мн. ч.: Под Курганом, Под Увалами; б) то же + Т: Под Боровлянкой, Под Каменкой; в) то же +ОС: Под Белкиной Еланью, Под Мысовским Озером.

Модель 5: а) предлог У+ГА в род. п. ед. ч. или мн. ч.: У Елани, У Засеки; б) то же + Т: У Боярки, У Кривуши, У Мостовки; в) то же + ОП: У Березового Яра, У Еремниной Пустоши.

Диалектонимы предложного образования не ограничиваются представленными выше моделями, но место других структур в системе локальных наименований гораздо скромнее: Между Завалами, По Нагорке, Около Запруды. В количественном отношении на первый план выдвигаются топонимические образования с предлогами ЗА, НА, ПОД, сочетающимися с различными диалектными номенами. Таким образом, топонимические модели предложного образования отличаются набором назывных словосочетаний, различных по грамматической структуре и семантике. Они служат для обозначения природных реалий, в разговорной речи ограниченного круга лиц.

Конверсия. «При широком понимании объема и задач исторического словообразования, — писал акад. В. В. Виноградов, — нельзя исключить из сферы этой науки исследование принципов и способов лексико-семантического словообразования» [Виноградов 1975]. При этом имелось в виду мнение акад. Л. В. Щербы, выделявшего в числе прочих способ обозначения новых понятий путем иного применения старых слов. Данный способ изменения семантики слова далеко не все лингвисты считают возможным называть подлинно словообразовательным, так как он не влечет за собой появления нового слова. А. В. Суперанская, сомневаясь в правомерности переноса термина «лексико-семантическое словообразование» в сферу переосмысления апеллятивов в онимы, предлагает терминировать этот словообразовательный акт «способом без специальных ономастических формантов», «способом с нулевой аффиксацией», «ономизацией (топонимизацией) апеллятива», «ономастической (топонимической) конверсией» [Суперанская

1969]. Предлагается также обозначать «чистые» апеллятивы в роли топонимов «непроизводными названиями», «омонимами нарицательных имен» [Кузнецова 1982], «безаффиксными топонимами» [Молчанова 1979]. Но дифференциальные признаки «безаффиксность», «нульсуффиксация» скорее всего относятся к морфемному анализу.

При переосмыслении нарицательного имени в собственное сигнификация уступает свое место номинации, поскольку меняется предметно-понятийная и объектно-номинативная соотнесенность слова, сдвигаются в перспективе его семантико-словообразовательные связи. Этот сдвиг предопределяется смысловой дивергенцией равнозвучающего апеллятива и топонима, не нуждающейся на первичном этапе в структурно-грамматической трансформации. Словопроизводство топонимов, осуществляемое в акте перехода апеллятива в название, приводит к десемантизации исходного слова, которое используется в новом качестве и новом значении, что как раз составляет суть конверсии, а в итоге и лексико-семантического словообразования. Конверсия, по справедливому замечанию В. И. Максимова, есть не что иное как реализация семантического способа образования слов... [Максимов 1981]. Топонимическая деривация на примере ономизации апеллятивов обнажает одну из сторон взаимодействия собственных и нарицательных имен.

Топонимизация апеллятивной лексики многомерна и в плане ее материализации многотипна. Здесь обнаруживает себя действующий в сфере диахронического словообразования лексико-семантический способ словопроизводства и способ морфолого-синтаксического словообразования, при котором в результате перехода атрибутива в топоним образуется без внешних изменений слова новая номинативная единица. Топонимическая субстантивация на базе имен прилагательных, мотивирующая появление регулярных названий в топонимической системе, действует именно как способ синхронного словообразования [Лопатин 1967]. Оба этих способа частично перекрещиваются, например, при функционировании составных топонимов.

Выделяются следующие типы словообразовательных апеллятивных топомodelей: а) абсолютные апеллятивы – имена существительные с непроизводной основой: Баклан, Село, Гора, Мыс; б) абсолютные апеллятивы – имена существительные с производной основой: Борок, Лисица, Оленек, Речка; в) абсолютные апеллятивы – имена существительные в форме множественного числа: Ведерки, Гари, Горки, Пороги, Слободчики, Ярки; г) чистые апеллятивы – субстантивированные имена прилагательные с непроизводной и производной основой: Белая, Бедное, Быстрая, Светлая, Узенькая, Холодная, Рыбная, Песчаное, Кедровый; д) чистые апеллятивы – субстантивированные прилагательные в форме множественного числа: Верхние, Вороньи, Рыбные.

Особую группу составляют топонимизированные антропонимы, которые представляют в нашем материале весьма значительный пласт топонимобразования. Словообразование топонимов на основе семантического переосмысления антропонимов интерпретируется неоднозначно: одни исследователи считают, что далеко не во всех случаях перехода онимов из одного качества в другое приходится иметь дело с антропотопонимами, другие, наоборот, признают топони-

мизацию распространенным явлением [Пономарева 2005]. Топонимизация антропонимов является, на наш взгляд, вполне доказуемой, что подтверждается на русской почве диахронией вариативности суффиксов (см. выше), посессивные функции которых в созвучных онимах постепенно трансформируются в сугубо топографические: деревня Булаша – Булашева – Булашево/Булашевская/Булаши; Герасимов Хутор – Герасимовский – Герасимовское/Герасимово.

Таблица 14

**Способы русского топонимизации
и наиболее продуктивные компоненты**

<i>Топонимы – существительные</i>	
Простые Апеллятивы	Бор, Изюм, Вяз, Клин, Сестра, Игра, Пески
Субстратные топонимы,	Ак (озеро), Бель (деревня), Едома (село), Пендуз (деревня), Водла (река), Вирма (село), Пяльма (село)
Этимологизируемые нерусскими языками	Суоярви, Саримяги, Кайявр
Суффиксальные Топонимы с русскими основами: Мужской род	= ов (= ев): Борисов, Николаев, Грицев; = ин: Жлобин, Первушин; = ск: Волжск, Иркутск, Беломорск, Петрозаводск; = овск: Ореховск, Калмыковский; = инск: Барабинск; = цк: Донецк, Липецк, Богородицк; = ец: Олонец, Бесовец; = ич: Галич, Котельнич; = ик: Амбарчик, Артик; = ок: Глазок, Хуторок
Женский род	= на: Заставна; = ня: Ельня, Запрудня; = инна: Березина, Солотвина; = чина/шина: Гатчина, Алеховщина, Козловщина; = та: Волкота, Супруга; = аха: Волноваха, Губаха, Камышевахы; = иха: Балашиха, Мишариха, Белокуриха, Максатиха; = уха: Грязнуха, Чернуха; = уша, = иша, = оша, = аша: Мокруша, Милуша, Будаха, Бытоша; = ица: Белица, Викшица, Солоница, Нюксеница; = ка: Вятка, Дегтярка, Соколка, Уржумка;
Средний род	= ово (= ево): Кавголово, Парголово, Авдеево, Намоево; = ино: Лопатино, Нахабино, Караулино; = ье: Поморье, Ополе, Запорожье, Приволье
Плюралиа тантум	= ичи: Иваничи, Беличи, Ершичи; = овичи, (= свичи): Лембовичи, Коковичи, Ваплевичи, Яковлевичи; = ничи: Корбеничи, Тервсичи; = ши: Киричи, Росточи; = иши: Городищи, Езерищи, Мытищи; = ощи: Катагощи;

	= аны: Бережаны, Велижаны; = овицы, (= свицы): Печевицы; = иници: Кургеницы; = цы: Бельцы, Солунцы; = ицы: Бетлицы, Бронницы; = ары: Володары, Кашары; = ки: Валки, Вязники, Вашки; = ны: Ливны, Лубны, Гайны.
Топонимы с субстратными основами: Топоформанты	= лей: Суралей, Морслей, Нергаслей, Каталей; = ньга: Кестеньга, Кузеньга, Шарденьга; = мень: Кузомень, Ежемень, Веромень; = бой, (= буй): Анбуй, Ладбой, Ишкобой, Кизбой; = ус: Индрус, Ландрус, Пиндрус, Кондрус, Нондрус; = исто: Иванисто; = зи: Туюзи, Куйвози, Виллози.
Префиксальные	за =: Заболотцы, Засека; коло =: Кологрив, Колояр; меж =: Межгорье, Межречье; на =: Нагорье, Нагорск, Наволок; о =, об =: Ополье, Облучье, Обонежье; по =: Погарь, Подольск, Порубежье; пере =: Перевальск, Перевоз; под =: Подпорожье, Подгорное, Подкамень; при =: Приречный, Прилуки раз =(рас), роз =(рос): Развилье, Раздольное, Рассыпное.
Генитивные	Названия данного типа образованы главным образом от антропонимов. Образуются урбанонимы и оронимы: Гагарина пл., Карла Маркса пр., Грибоедова ул., Ермака пер., Гюллинга набереж., Беринга остров, Лаптевых море, Дежнева мыс, Победы пик, Провидения бухта.
Сложные Словосложение имен: С соединительными гласными	Кировоград, Лесогорск, Нефтебаза, Петрозаводск, Екатеринодар, Троишко-Печерск,.
Без соединительных гласных (соположение)	Ивангород, Киткамень, Конькамень, Сеньгора, Кузнаволок, Ведлозеро, Сонострв,
Первый компонент – основа прилагательного, числительного С соединительными гласными	Красноград, Старогорьево, Пятигорск, Семиречка, Вели- кокаменка
Без соединительного гласного	Белгород, Ивангород
Первый компонент – основа глагола	Звенигород, Гуляй-поле
Сочетание имен с прилагатель- ным	Большая Вишера, Великий Устюг, Лычный остров, Верх- няя Тойма, Голая Пристань, Спасская Губа, Нижний Енаганск.

Топонимы с субстратными элементами Сочетание двух прилагательных	Большой Лаховский остров, Малый Высоцкий остров, Большое Солдатское село, Большие Великие Юрики.
Притяжательные конструкции	Земля Александры, Память Ильича, Вахонин Починок, Дедова Горка, Жабья Курья, Вашов Наволок, Бесов Нос
Аналитические конструкции	У Моста, За Наумихой, Под Кулиги, На Увал, Первый Дол к Черному Колодезю, Харвы у Креста
Конструкции с числительными	Два Брата, острова, Три Сестры, город, Семь Ключей, острова, Савиново Первое, Савиново Второе
Топонимы – прилагательные	
Качественные	= ый, = ий (= ая, = ое), = ой: Белая, Большая, Глубокая, Новый
Притяжательные	Медвежий, Олений, Волчья, Княжая, Фокина, Яковлева
Относительные	= ный (= ной), = ная (= ное), = вый (= вый), = вая (вое) : Артельный, Полевая, Дубовое, Луговая, Боровое, Амбарный.
С субстратными основами	= ский, (= ской), = ская, = ское: Аксайская, Режезерский
Префиксальные	за =: Закаменная, Заречное; на =: Нагорный, Набережное; об =, о =: Обозерская; по =: Подольское, Повенецкий; под =: Подгорный, Подвысокое, Подлесной, Подозерский; при =: Прибрежный, Печальная, Приазовское; раз =: Раздельная, Раздольное.
Сложные	Новоугольный, Горночуйский, Павломатвеевская Военно-Грузинская дорога, Центрально-Черноземный заповедник Долгопрудный, Летнереченский поселок, Северодвинский канал, Среднеамурская низменность Двуречная, Трехсвятское, Пятигорское, Семиверстный

§ 5. Способы топонимического словообразования в английской топонимии

Составные предложные топонимы, хотя и не образуют многочисленной группы, отличаются разнообразием форм. Эта группа заслуживает особого внимания в связи с тем, что именно здесь заложено одно из основных различий топонимии Англии и других англоязычных стран.

Основная масса английских топонимов этого типа представляет собой вторичные (более поздние) наименования, которые строятся на основе ранее существовавших топонимов путем добавления дифференцирующих признаков: Long Riston, Dry Sandford. В этих случаях обычно возникают ряды противопоставле-

ний: Little – Great, East – West, Nether – Over, North – South, Lower – Upper, Inferior – Superior.

В английской топонимии заметную группу составляют немотивированные полилексемные топонимы, части которых не могут быть соотнесены с каким-либо современным топонимом или апеллятивом: Bolens and Herds, Tow Low, Mow Cop, Saham Toney, SilHowe.

Наименьшее распространение получают описательные полилексемные топонимы, которые образуют атрибутивную синтагму, часто на основе географического термина: New Forest, Crooked Oak.

Значительную роль в образовании составных топонимов играют предлоги и предложные наречия. Их функция заключается в обозначении местоположения объекта. Наиболее отчетливо выделяется предлог *under*, который обычно означает положение объекта у подножья холма: Ashton under Hill, Thorp under Stone.

Участие предлогов наблюдается в названиях разной морфологической структуры: Underriver (у подножья River Hill), Underskiddaw (у подножья Skiddaw). Однако в английских топонимах, вследствие особенностей их эволюции, в настоящее время предлог не всегда можно выделить. Предлог *at*, например, который принимал активное участие в образовании топонимов в древнеанглийский период (*др.-англ. set*) редко обладает выделяемостью. В современных Atwick, Atworth, напротив, первый компонент, в действительности, не восходит к предлогу, а является рудиментом имени собственного.

Кроме предлога *under* активную роль играют предлоги *In* (Norton in the Moors), *by* (Thorp by Water), *on* (Bourton on the Water), *upon* (Stanford upon Soar), *next* (Stoke next Guilford).

Несколько иную структуру названия создает предложное наречие *without*, которое обозначает положение объекта вне городских стен: Newton Without, Farrington Without.

Очевидно составные топонимы образуются не только противопоставлением определений, но дифференциацией пространственной. При этом образуются соответствующие топонимические ряды: Dry Sandford, Sandford on Thames, Sandford St. Martin, Sandford Oscar.

Аббревиация. В английских топонимах часто используется *-s* как сокращенное название графства ((*shire*)), топоформанта, как правило, опускается например:

Cambs ← Cambridgeshire

Ches ← Cheshire

Beds ← Bedfordshire

Herts ← Hertfordshire

Cards ← Cardiganshire

Notts ← Nottinghamshire

Однако написание *-s* как сокращенное название графства ((*shire*)) отсутствует в шотландских, ирландских, уэльских топонимах, например:

Berw ← Berwickshire (шотл.)

Long ← Longford (ирланд.)

Carn ← Carnarvonshire (уэльс.)

Meri ← Merionethshire (уэльс.)

Den ← Denbighshire (уэльс.)

Wig ← Wigtownshire (ирланд.)

Kin ← Kinross-shire (шотл.)

В многословных топонимах начальные прописные буквы фиксируются, например:

D. C ← District of Columbia

G. B ← Great Britain

U. S. A. ← United States of America

L. A. ← Los Angeles

ARE ← Arab Republic of Egypt

Нередко в американских топонимах обозначаются начальная и конечные буквы, например:

Ma. ← Minnesota

Va. ← Virginia

Pa. ← Pennsylvania

Sx. ← Sussex

Ky. ← Kentucky

Аббревиация в виде сочетания согласных букв при отсутствии гласных характерна для шотландских, ирландских, уэльских топонимов, например:

Lfd ← Longford

Mddx ← Middlesex

Lnrk ← Lanarkshire

Nfd. ← Newfoundland

Самое распространенное сокращение в топонимах – это написание начального слога, например:

Cal ← California

Ind. ← Indiana

Br ← British

It. ← Italian

Ca ← Cavan

Jap ← Japan

Conn. ← Connecticut

Lon. ← London

Del. ← Delaware

Mass. ← Massachusetts

Dumb. ← Dumbartonshire

Medit. ← Mediterranean

Ill. ← Illinois

Port. ← Portugal

Конверсия. Ю. А. Карпенко рассматривает превращение нарицательного имени в собственное как результат ассоциации по смежности и условно называет подобные образования топонимическими метонимиями, выделяя три генетически различных типа названий, объединенных в этой группе. К первой из них он относит имена объектов, настолько значительных по размерам, что для их наименования требовался только номенклатурный термин («Горы» – старое славянское название Карпат). Эти имена воспринимались носителями языка как общепринятые заменители топонимов.

Вторую группу составляют названия, образованные при распаде старых топонимических словосочетаний, когда обычно сохраняется не номенклатурное название, а дифференцирующее определение к нему.

Наконец, третья, наиболее многочисленная группа, охватывает названия, которые чаще всего присваивались населенным пунктам. Это случаи, когда топонимами становились какие-либо приметы географического объекта, выраженные существительными. Таким признаком, по мнению Ю. А. Карпенко, могло быть номенклатурное название, но именовались теперь уже не огромные, а самые обычные объекты [Карпенко 1973]. Подобную дифференциацию простых

односоставных топонимов можно в определенной мере применить и к англо-американской топонимии. Действительно, и в настоящее время вся нагорная часть северной Шотландии называется Highlands (нагорье). К этому же случаю относится и наименование просто Городом большого населенного пункта жителями окрестных районов и пригородов. При распаде топонимического словосочетания образовалось название O'Neals (Калифорния) из O'Neals Hotel.

Чистая основа в именительном падеже возможна не только в значении нарицательного видового географического понятия, но и в форме именительного падежа из личных имен, других топонимов или абстрактных существительных.

Остановимся подробнее на данной форме топонимообразования, превращающей чистую основу в топоним без каких-либо внешних изменений. Иногда такой способ образования топонимов называют семантической деривацией. Отвергая правомерность использования этих терминов, Н. В. Подольская и А. В. Суперанская предлагают называть такой способ образования имен «способом с нулевой топонимической аффиксацией», «безаффиксальным образованием собственного имени из нарицательного», «онимизацией (топонимизацией) аппеллятива», «ономастической (топонимической) конверсией» [Суперанская 1973].

Переход имени одного разряда в другой называют также «трансонимизацией» [Подольская 1983]. Вслед за О. А. Леоновичем используем уточненный термин «топонимическая конверсия» [Леонович 2004]. Он достаточно краток, удобен в обращении, кроме того, отражает реальную продуктивность конверсии в английском языке, что объясняется существованием большого количества непроемных слов, не закрепленных аффиксально за частью речи, сравнительной малочисленностью словоизменительных суффиксов и грамматических форм, а также простотой образования последних.

Почти полное отсутствие в английском языке морфологических показателей частей речи, по существу отсутствие морфологических флексий частей речи, не могло не способствовать широкому распространению конверсии, по моделям которой происходит образование новых лексических единиц.

Так, анализ набора словообразовательных средств, действующих в субстандартном словопроизводстве английского языка, наглядно свидетельствует о том, какую роль играет конверсия в создании просторечных слов. По данным Л. Соудека, около 8% просторечных деривативов в британском варианте и свыше 12% в американском варианте было образовано путем конверсии, что еще раз подтверждает тезис о преимущественном распространении конверсии в английском языке [Soudek 1967].

Образование простых топонимов путем топонимической конверсии идет по следующим направлениям:

N (Proper Name) → Place Name (N);

N (apellativus) → Place Name (N);

Adjective → N (Place Name);

Numeral → N (Place Name).

Имена существительные собственные выступают в качестве основы простых односоставных топонимов в чистой форме, без каких-либо внешних изме-

нений. Наиболее широко распространено употребление в качестве основы имен собственных, среди которых преобладают фамильные: Allensworth, Anderson, Applegate, Arbuckle, Baker, Ballard, Bell, Benhow, Berkley, Bieber, Campbell, Chandon, Coleman, Colfax, Cressey, Fillmore.

He реже в качестве основы используются мужские и женские имена: Adin, Alessandro, Arvin, Victor, Ricardo, Nestor, Denny, Caspar, Claus, Ysidora. Значительную группу представляют топонимы, образованные от названий городов и естественно-географических объектов: Windsor, Westminster, Dublin, Avon, Amo, Klondike, Месса, Lucerno, Samoa, Sebastopol, Siberia, Venice, Waterloo и т. д.

Вторую группу существительных, которые наиболее часто подвергаются топонимической конверсии, составляют имена нарицательные. Среди них необходимо, в первую очередь, выделить ряд географических терминов, от которых образовались ойконимы Bend (изгиб дороги, излучина реки), Crest (гребень хребта), Mouth (устье) Delta (дельта реки), Desert (пустыня), Forest (лес), Highland (плоскогорье, нагорье), Incline (скат, наклон), Knob (холмик), Plantation (плантация), Summit (вершина), Sugarloaf (сopка), Cascade (небольшой водопад), Mountain, Peak, Dale (долина), Fork (развилка реки, дороги).

Топонимической конверсии могут также подвергаться самые различные слова и термины, функционирующие в современном английском языке. Названия, полученные в результате этого процесса, полностью омонимичны именам нарицательным: Mocasín, Florin, Reseda, Stronghold, Bellflower, Peanut, Orange, Lemon, Coyote, Coffee, Clay, Monolith, Lime, Ferrum, Carbon, Boron, Dolomite, Emerald, Gamet, Gypsum, Topaz, Trona, Eagle, Buffalo, Institute, Sentinel, Lily, Beaver, Ranger, Peninsula и т. д.

Известно, что во всех индоевропейских языках топонимы представляют собой большой класс имен существительных. Однако по происхождению среди них много прилагательных. В некоторых языках (в частности, русском) процесс субстантивации прилагательных в топонимии особенно силен. [Никонов 1963: 67]. По мнению О. А. Леоновича прилагательные выступают в качестве основ простых топонимов США, хотя и не так часто, как в русской топонимии: Cool, Likely (ам. «клевый»), Semitropic, Monumental, Evergreen, Thermal, Masonic, Occidental. В Западной Виргинии автор находит 20 простых непронизводных ойконимов, основами которых являются прилагательные, что составляет примерно 1,5% всех простых непронизводных ойконимов штата: Auburn, Central, New, English, Frozen, Roaring и др. В отдельную группу можно выделить прилагательные на -у и -ly. Образуя прилагательные от основ имен существительных, эти суффиксы выражают значение «имеющий свойства, признаки или сходство с тем, что выражено словообразующей основой». Затем по конверсии эти прилагательные переходят в разряд топонимов: Cluffy, Gladу, Reedy, Windy, Knobly. Приведем еще несколько топонимов, образованных от прилагательных: Difficult, Loyal, Warm, Polar, Rocky, Mutual, Little, Arctic, Alpine, Gothic, Superior, Rustic, Golden [Леонович 2004].

Образование простых названий путем топонимической конверсии имеет давнюю традицию в США. Так, например, использование личных имен в ка-

честве чистой основы, не отягощенной никакими топонимообразующими суффиксами, явилось в определенной степени отступлением от вековых норм европейской топонимии, где название населенного пункта создавалось, как правило, по модели имя собственное + топонимический суффикс: *Alexandria*, *Constantinopolis*. На территории Новой Англии (современные штаты Массачусетс, Коннектикут, Вермонт, Нью-Гемпшир) в период с 1620 по 1860 г. зарегистрировано появление более 1500 названий населенных пунктов. Большая часть из них образована либо от основ других топонимов, либо от собственных имен. Первые названия от личных имен на американской почве образуются по модели «имя собственное + town»: *Charlestown* (1630), *Jamestown* (1716), *Jamestown* (1678), *Edgartown* (1671). Однако уже к концу XVII в. растет количество ойконимов, созданных путем непосредственной топонимической конверсии исходного собственного имени. По наблюдениям О. А. Леоновича, за десятилетие 1771-1780 гг. почти 24% всех названий населенных пунктов Новой Англии были образованы этим способом: *Hancock*, *Warren*, *Washington*. В дальнейшем продуктивность этой модели в этом районе возрастает еще больше: до 34% в 1821, 30 и 31% в 1851-1860 гг. Модель «топоним → топоним» всегда пользовалась популярностью в США. Первые примеры ее использования относятся к началу английской колонизации в XVIII в.: *Boston*, *Cambridge*, *Reading*, *Hull*, *Manchester* и др.

Подводя итог анализу простых топонимов, еще раз подчеркнем, что безаффиксный способ топонимообразования от имен собственных характерен в первую очередь для языков с сильно развитой конверсией частей речи (в данном случае для английского). В. А. Никонов, характеризуя славянский топонимический тип как аффиксальный, указывает, что до последнего времени русской топонимии был совершенно несвойствен тип названия в форме чистой и неизменной основы [Никонов 1974]. Способы английского топообразования и наиболее продуктивные компоненты представлены в таблице 15.

Таблица 15

Способы английского топообразования и наиболее продуктивные компоненты

Сокращения: K – Cornish; L – Latin; ME – Middle English; NF – Norman; OE – Old English; ON – Old Norse; P – Pictish; SG – Scots Gaelic; W – Welsh

British Place Names					
Term	Origin	Meaning	Example	Position	Comments
aber	W, P, K	mouth (of a river), confluence, a meeting of waters	<u>Aberystwyth</u> , <u>Aberdyfi</u> , <u>Aberdeen</u>	prefix	
ac, acc	OE	acorn, or oak tree	<u>Accrington</u> , <u>Acomb</u> , <u>Acton</u>		

British Place Names					
Term	Origin	Meaning	Example	Position	Comments
afon	W, SG, K	River	<u>Aberafon</u>		<i>afon</i> is pronounced «AH-von»; a number of UK rivers are named <u>Avon</u>
ash	OE	ash tree	<u>Ashton-under-Lyne</u>		
ast	OE	East	<u>Aston</u>	prefix	
axe, exe	W	from <i>isca</i> , meaning water	<u>Exeter</u> , <u>River Axe</u> (Devon), <u>River Axe</u> (Somerset), <u>River Exe</u> , <u>River Usk</u> , <u>Ax-minster</u> , <u>Axbridge</u> , <u>Axmouthe</u> , etc.		
ay, ey	ON	island	<u>Ramsay</u> , <u>Lundy</u> , <u>Orkney</u>	suffix (usually)	
beck	ON	stream	<u>Holbeck</u> , <u>Beckinsale</u> , <u>Costa Beck</u> , <u>Cod Beck</u>		
bex	OE	<u>box</u> , the tree	<u>Bexley</u> , <u>Bexhill-on-Sea</u> (the OE name of Bexhill-on-Sea was <i>Bexelei</i> , a glade where box grew)		
bourne	OE	brook, stream	<u>Bournemouth</u> , <u>Sittingbourne</u> , <u>Eastbourne</u>		
brad	OE	broad	<u>Bradford</u>	prefix	
bre	W	hill	<u>Bredon</u>	prefix	
bury	OE	fortified enclosure	<u>Aylesbury</u> , <u>Banbury</u>	suffix	
by	ON	settlement, village	<u>Grimsby</u>	usually suffix but compare <u>Bicker</u> (the town marsh)	
canter	OE	men of Kent (Cantware)	<u>Canterbury</u>		the element «cant» is itself from the Romano-British <u>Can-tiaci</u> , the people of the region
carden	P	thicket	<u>Kincardine</u> , <u>Cardenden</u>	suffix	

British Place Names					
Term	Origin	Meaning	Example	Position	Comments
caster, cester, chester, caer	OE, W (<L)	camp, fortification	<u>Lancaster</u> , <u>Doncaster</u> , <u>Gloucester</u> , <u>Caister</u> , <u>Caerdydd</u> , <u>Caerleon</u> , <u>Manchester</u> , <u>Winchester</u>	suffix (but <i>caer</i> is a prefix)	the «-ster» is sometimes simplified to «-ter», e. g. <u>Exeter</u> . <u>Utteter</u>
cheap, chipping	OE	market	<u>Chipping Norton</u> , <u>Chipping Campden</u> , <u>Chippenhams</u>		also as part of a street name, e. g. Cheapside
combe	□?	valley	<u>Woolacombe</u> (Devon), <u>Doucecombe</u> , <u>Ilfracombe</u>		usually pronounced 'coo-m' or 'cum'
cot, cott	OE	cottage, small building	<u>Ascot</u>	suffix	
cwm	W	valley	<u>Cwmbran</u>	prefix	
dale	OE/ME	valley OE allotment OE	<u>Airedale</u> , valley of the river Aire <u>Rochdale</u> , valley of the River Roch <u>Billinghay Dales</u> , <u>Saxondale</u>	suffix	
deanas	OE	valley	<u>Croydon</u> , <u>Dean Village</u> , <u>Todmorden</u>	suffix	the geography is often the only indicator as to the original root word (cf. <i>don</i> , a hill)
don	OE	hill	<u>Bredon</u>	suffix	
dun	SG	fort	<u>Dundee</u>	prefix	
fax	OE, ON	fair, pale	<u>Halifax</u>		
field	OE	a forest clearing	<u>Sheffield</u> , <u>Wakefield</u>	suffix	
fin	P	hill (?)	<u>Findochty</u>	prefix	possibly related to <i>pen</i>
glen	SG	valley	<u>Rutherglen</u>		
ham	OE	farm	<u>Oldham</u>	suffix	often confused by <i>hamm</i> , an enclosure
hithe, hythe	OE	wharf, place for landing boats	<u>Rotherhithe</u> , <u>Hythe</u> , <u>Erith</u>		

British Place Names					
Term	Origin	Meaning	Example	Position	Comments
hope	OE	valley, enclosed area	<u>Woolhope</u> , <u>Glossop</u>		
hurst	OE	wooded hill	<u>Dewhurst</u>		
ing	OE <i>ingas</i>	people of	<u>Reading</u> , the people (followers) of <u>Reada</u> , <u>Woldingham</u> , the homestead of the people of the wold <u>Quadring</u> , the people of the mud	suffix	sometimes survives in an apparent plural form e. g. <u>Hastings</u> ; also, often combined with 'ham' or 'ton' (see above and below) e. g. <u>Birmingham</u> , <u>Cottingham</u> , <u>Bridlington</u>
inver	SG	mouth of (a river), confluence, a meeting of waters	<u>Inverness</u>	prefix	
keld	ON	spring	<u>Keld</u> , <u>Threlkeld</u>		
kin	SG	head	<u>Kincardine</u>	prefix	derived from <i>Ceann</i>
king	OE <i>Cyning</i>	king, tribal leader	<u>King's Norton</u> , <u>Kingston</u> , <u>Kingston Bagpuize</u> , <u>Coningsby</u>		
kyle	SG	narrows	<u>Kyle of Lochalsh</u>	prefix	derived from <i>Caol</i>
lan, lhan, llan	K, P, W	churchyard (church, church-site)	<u>Llanteglos (Cornwall)</u> , <u>Lhanbryde (Moray)</u> , <u>Llanfair PG</u>	prefix	
lang	OE	long	<u>Langdale</u> , <u>Kings Langley</u>	prefix	
law, low	OE	from <i>hlaw</i> , a rounded hill	<u>Charlaw</u> , <u>Warden Law</u> , <u>Lewes</u> , <u>Ludlow</u>	(usually) standalone	often a hill with a <u>barrow</u> or hillocks on its summit
lea, ley	OE	from <i>leah</i> , a woodland clearing	<u>Wembley</u>	(usually) suffix	

British Place Names					
Term	Origin	Meaning	Example	Position	Comments
magna	L	great	<u>Appleby</u> <u>Magna</u> , Wigston Magna		
mere	OE	lake, pool	<u>Windermere</u> , <u>Cromer</u>		
mon	P		<u>Moniaive</u>	prefix	
nan, nans	K	valley	<u>Nancedra</u> (Cornwall)	prefix	
nant	W	ravine or the stream in it	Nantgarw	prefix	
ness	OE, ON	nose (promontory, headland)	<u>Sheerness</u> , <u>Skegness</u> , <u>Orford Ness</u>	suffix	
nor	OE	north	<u>Norton</u> , <u>Norbury</u>	prefix	
parva	L	little	<u>Appleby Parva</u> , Wigston Parva		
pen	K, W	head (headland or hill)	<u>Penzance</u>	prefix	
pit	P	farm	<u>Pitlochry</u> (Perthshire)	prefix	
pol	K	pool or lake	<u>Polperro</u> (Cornwall)	prefix	
pont	L, K, W	bridge	<u>Pontypridd</u>	prefix	can also be found in its mutated form <i>bont</i> , e. g, Pen-y-bont (Brid- gend); originally from Latin <i>pons</i>
pyll	K, W	deep water amongst shallow	<u>Marple</u> (division pyll) formerly on the boundary between Cheshire and Derby- shire. Confluence of <u>river Etherow</u> with <u>river Goyt</u>	suffix	often found in the mu- tated form <i>ple</i> . Found in places of late <u>Brythonic</u> influence.
shaw	ON	a wood; cognate to Scandinavian <i>skog</i>	<u>Penshaw</u>	standalone or suffix	a fringe of woodland

British Place Names					
Term	Origin	Meaning	Example	Position	Comments
stan	OE	stone, stony	<u>Stanmore</u> , <u>Stamford</u>	prefix	
stead	OE	place, enclosed pasture	<u>Hampstead</u> , <u>Berkhamsted</u>	suffix	
stoke	OE <i>stoc</i>	dependent farmstead, secondary settlement	<u>Stoke-on-Trent</u> , <u>Stoke Damerell</u>	(usually) standalone	
strath	P	valley bottom	<u>Strathmore (Angus)</u>	prefix	
sud, sut	OE	south	<u>Sudbury</u> , <u>Sutton</u>	prefix	
swin	OE	pigs, swine	<u>Swinton</u> , <u>Swinford (Leicestershire)</u>		
thorp, thorpe	ON	secondary settlement	<u>Cleethorpes</u> , <u>Thorpeness</u>		an outlier of an earlier settlement
thwaite	ON <i>thveit</i>	a forest clearing with a dwelling	<u>Huthwaite</u>	suffix	
tre	K, W	settlement	<u>Trevoise Head</u>	prefix	
tilly	SG	hill	<u>Tillicoultry</u> , <u>Tillydrone</u>	Prefix	
toft	ON	homestead	<u>Lowestoft</u>	usually suffix	
tun, ton	OE, ON <i>tun</i>	an enclosure, (farmyard, estate)	<u>Tunstead</u> , <u>Tonbridge</u> i. e. the bridge of the estate; <u>Charlton</u> (AS: ceorla-tun, «farmstead of the churls»)		AS pronunciation 'toon'. Compare (en) <u>town</u> & (nl) <u>tuin</u> , garden

Краткие выводы

В морфемике русской и английской топонимии анализируются как исходные топоосновы, так и финальные компоненты, несущие смысловоразличительную функцию, что характерно для английских топонимов. Тематический принцип классификации, изложенный в первой главе, дополняется структурно-семантическим анализом топонимов, что показывает неоднозначность распределения географических номенов по классам. Морфемика топонимии, связанной с обозначением культурно-исторических реалий ландшафта, обозначений флоры и фауны значительно разнообразнее представлена в русском языке благодаря богатой флективной системе. Словообразовательные модели в английской топонимии более ограничены, однако отсутствие аффиксов компенсируется синтаксическими средствами. Детальное описание морфемного спектра топонимии в плане этноязыкового контактирования позволило выявить общие и отличительные тенденции в формировании русской и англоязычной топонимии.

мии. Выявлены наиболее продуктивные финальные компоненты в связи с ареалами их распространения. Устойчивость словообразовательных моделей топонимов, их использование в новых названиях подтверждает мысль об универсальности географических номенов, морфемное варьирование которых носит характер диалектного влияния.

Проведен сопоставительный анализ способов топонимобразования в русском языке, где ведущая роль отводится аффиксально-суффиксальным деривационным возможностям и в английском языке, где недостаточно развитая система флексий компенсируется лексико-синтаксическими средствами (предложными словосочетаниями), конверсией.

Топонимическое словообразование осуществляется главным образом морфологическим способом, в котором суффиксальным путем, по нашим данным, образовано около 65% всех названий. Префигированные названия составляют не более 2%, префиксально-суффиксальные – 8%, сложные и составные в совокупности – около 25%. Общая картина соотношения словообразовательных типов топонимов представлена в таблице 16.

Таблица 16

Тип топонимического словообразования	Разновидность топонимопроизводства	% от общего числа топонимов	
		рус.	англ.
Аффиксация	суффиксация	17,7	14
	префиксация	0,6	10,5
	префикс-суфф. тип	1,5	17
Сложение основ	Безаффикс.	0,1	18
	Аффиксальн.	10,9	10
Аббревиация		0,1	0,3
Сочетание основ	прилаг. + существ.	9,4	0,7
	прилаг. + прилаг.	0,2	0,3
	существ. + существ.	0,6	16
Конверсия	топонимизация существ.	12,2	10
	топонимизация прилагат.	8,3	0,5
	топонимизация антропонимов	38,4	18

Разграничение типов топонимического словообразования связано с известной сложностью дистрибуции словообразовательных категорий. Топонимическое словопроизводство осуществляется морфологическим, морфолого-синтаксическим, лексико-синтаксическим и лексико-семантическим способами. Однако правила образования соответствующего типа, потенциальный параллелизм развития значений и взаимопроникновение элементов словопроизводства свидетельствуют не столько о четкости границ словообразовательного типа, сколько о монолитности процесса топонимобразования.

Так, например, суффиксация буквально пронизывает всю систему топонимических словообразовательных категорий. Поэтому систему топонимического словообразования можно определить как упорядоченную совокупность взаимосвязанных элементов, которая характеризуется внутренней целостностью и относительной автономностью ее словообразовательных типов.

ГЛАВА IV.

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДУЕМЫХ ОНОМАСТИКОНОВ

§ 1. К проблеме интерпретации диахронии русского регионального ономастикона

Хронологическое описание ономастической системы представлено в связи с этнолингвистической спецификой проживающих в регионе народностей. В процессе анализа лексических, морфологических и этимологических характеристик топонимов выявлены общие закономерности их формирования и особенности морфологической структуры. Цель анализа — показать этнолингвистические особенности, а также общие хронологические закономерности формирования ономастической системы Тюменского Зауралья. Наиболее устойчивые названия, как реликты древних исчезнувших языков, привлекают внимание этнолингвистов, решающих проблемы этногенеза и этнической истории. Наибольшей стабильностью, как правило, отличаются наименования относительно крупных и социально значимых объектов — рек, озер, гор, населенных пунктов, которые используются в качестве широко известного адресата и должны быть консервативны, иначе выполнение адресного предназначения окажется невозможным.

Анализ хронологически ранней топонимии наталкивается зачастую на непреодолимые препятствия. Учет всех возможных факторов, влиявших в течение столетий и даже тысячелетий, в том числе возможное неоднократное заимствование, сопровождающееся закономерными морфонетическими изменениями и фактами народной этимологии, чрезвычайно сложен [Фролов 1996: 113]. Однако в обилии топонимического материала практически всегда можно найти подтверждение каких-то языковых и праязыковых морфонетических закономерностей формирования ономастической системы. Этимология отдельного топонима должна опираться на интерпретацию обширного материала, который позволит выявить набор универсальных признаков, увеличивающих этноисторическую достоверность топонимических изысканий. Возможность оперировать большими количествами названий выгодно характеризует топонимию на фоне отрывочных и в массе своей поздних письменных источников или этнически условно интерпретируемых отрывочных археологических свидетельств. Значительный этноисторический потенциал топонимии связан и с возможностью относительной хронологической характеристикой топонимов. В распоряжении топономастов не так уж часто имеются собственно языковые критерии типа падения редуцированных в древнерусском языке или доказанный сдвиг гласных в германских языках, поэтому топонимия часто вынуждена обращаться к внеязыковым критериям, связанным с объектом называния: формирование арсалов археологических структур, климатические изменения и т. д. С другой стороны, по мере углубления ономастических исследований становится ясно, что топонимия является элементом системы, предполагающей образование гео-

графических названий по моделям в хронологической последовательности. Определенные топонимные модели продуктивны некоторое время, и это дает исходную возможность поиска хронологических рамок бытования того или иного топонимного знака. Чрезвычайно ценным в связи с возможностью функционирования топонима даже после утраты создавшего его языка является то, что в топонимических системах в условиях межъязыкового контактирования, присутствуют топонимы иноязычного происхождения, которые являются одним из наиболее существенных источников для решения этногенетических проблем. В индоевропеистике традиция была заложена в прошлом веке Г. Краз и В. П. Шмидтом, которые на основе этимологической интерпретации европейской гидронимии выработали новую концепцию прародины индоевропейцев и взаимодействия индоевропейских этносов на территории Европы. В финноугроведении одними из первых были Европеус, Кастрен и Шегрен, которые разрабатывали теорию финноязычного происхождения верхнего дославянского слоя топонимии Европейского севера, объясняли истоки загадочной топонимии на территории Финляндии из угорских языков.

Современное исследование выработало целый ряд методов дистрибуции субстратной топонимии, обеспечивающих большую надежность этимологической интерпретации, а также осознало необходимость выявления принципов усвоения иноязычной топонимии топонимической системой – преемником. Без этих систематизирующих знаний этимологическое исследование лишается необходимого каркаса в виде закономерностей языкового взаимодействия контактирующих топосистем. Названия типов населенных пунктов могут косвенно указывать на этническое своеобразие местного населения, хотя топонимы такого рода не являются надежными маркерами, указывающими на древнее население, они помогают лишь сузить круг поисков.

Косвенными этническими индикаторами нередко являются наименования, которые так или иначе могут указывать на существование в прошлом языческих представлений: *урочища – Божья Гора, Лолкерос (гора духов), Тормонех («божья река») в хантыйском языке*, хотя подобные номинативные факты сложно отделять как от различных образных наименований, так и от официальной и народной терминологии. Ценность топонимии как этноисторического источника проистекает из того, что топоним при возникновении мотивирован, а слово, оказавшееся в основе названия, отражает определенный признак, качество названного объекта. И хотя в ряде случаев мотивы называния (даже при ясной этимологии) остаются затемненными, содержание топоосновы является существенным источником этнолингвистической и исторической информации.

Историчность топонима связана с тем, что идентификация признака, отраженного в названии, определяется уровнем общественно-исторического развития того коллектива, который создает топонимическую систему. При кажущемся разнообразии топонимов на самом деле набор моделей достаточно ограничен. Выявляется множество повторяющихся топонимов: чем шире территориальные границы привлекаемого материала, тем больше повторений. В условиях единой культуры, сходных географических условий представления людей об окружающем мире в основных, определяющих чертах аналогичны. Создается

психологическая предпосылка для выбора одного и того же признака географического объекта в качестве мотива номинации на разных территориях. Названия, данные народом, находившемся в момент номинации на более низком уровне общественных отношений, нередко нагляднее и образнее, а топонимы, указывающие на события, связаны в большей степени с бытом [Матвеев 2004:11]. Становление частнособственнических отношений повлекло за собой появление наименований с указанием имени владельца или его социального положения. Первый этап появления топонимов именуется «прагматическим», т. к. топонимия достаточно последовательно отражает то, что целесообразно с точки зрения хозяйственного назначения.

Основа номинации – географическая реалья как объект хозяйственного использования. В соответствии с этим объекты ландшафта получают названия, так как не существует безымянных рек, озер, водоемов: даже те, которые располагались в глуби лесов, далеко от поселений, были функциональны в качестве водных путей. В то же время огромные лесные массивы не имеют особых названий: очевидно, нужды населения обеспечивались лесами, прилегающими к поселению. К тому же леса, находившиеся во владении казны, были во многом недоступны для местных крестьян. Возвышенные участки рельефа (горки, холмы, кряжи) в силу того, что к ним привязываются поселения и сельскохозяйственные угодья, интересуют людей значительно больше, чем низинный рельеф. Из всего многообразия мира флоры в топонимии закрепились прежде всего те номинации, которые имеют определенную практическую ценность для человека, ибо они находили широкое применение в жизни местного населения. Их использовали в народной медицине: *bram* (ракитник), *boc* (береза), *fern* (папоротник), *beos* (полевица) и др. Именно этим обусловлено появление английских топонимов: *Bramhall*, *Bruckhurst*, *Farnham*, *Beeston*. Утилитарная направленность топонимии продиктована, очевидно, производящим характером культуры населения. Сельское хозяйство – основа экономики, и этим определяется во многом взгляд на окружающий мир. Такая же характеристика свойственна топонимии, распространенной на территории других регионов.

Специфика топонимии Тюменской области состоит в том, что она значительно более образна, в ней ощущается персонификация реалий окружающей природы, здесь сильны мифологические представления. В этом отражается отношение этносов к миру, к природе в условиях промысловой культуры, значительные элементы которой до сих пор сохраняются. На протяжении почти четырехсотлетнего изучения западносибирского региона и формирования его населения главными задачами были анализ этносовета и мест расселения, социальное положение, род занятий, быт, общие особенности языка, фольклора, положительное воздействие русского участия в освоении региона.

Из летописных источников известно, что народы угрофинского происхождения занимали огромные территории Зауралья, Волжско-Камского бассейна и Северо-Западного Нечерноземья. Об *эстах* и *фенах* сохранились воспоминания Тацита (I-II вв. н. э.), русского летописца Нестора (XII в.), готского историка Иордана (VI в.). Вместе с тем, вопрос о прародине, в частности, угров остается дискуссионным.

В русских источниках местожительство финноугорских народов достоверно локализовано в «Повести временных лет». В XV в. коми-пермяцкая земля стала составной частью Московской Руси, Югорское и Кондинское княжества платили дань Новгороду, а затем Москве. В титуле московских государей до 1606 года указывалось, что они являются повелителями Обдорских, Кондинских и Югорских земель.

Отличительным особенностям топонимобразования в языках ханты, манси и коми зырян в сопоставлении с русским языком посвящены исследования Н. К. Фролова [Фролов 1996: 113]. По своему морфемному строению угрофинские названия традиционно делятся на простые (однокорневые), сложные (из двух и более корней) и составные (из двух и более слов). Простые топонимы, представляющие собой однокорневую морфему или сочетание корневой и аффиксальной морфем, достаточно легко усваиваются русской языковой средой, например: *Еган, р.*, *Эмтор, оз.*; *Янга, б.*

При анализе семантики угрофинских названий прежде всего обращает на себя внимание ясность мотивировки, бытовая обусловленность номинации объектов. Лес и река, тундра и озеро являлись источником жизнедеятельности местных жителей, они давали жилье, кормили и одевали, поэтому вопрос о том, что важно отразить в названии, решается исходя из практической деятельности человека, его связи с природой. По способу выражения семантической мотивированности коми-зырянские, мансийские и хантыйские географические названия можно разделить на две группы: топонимы, отражающие непосредственное отношение человека к природным объектам, и топонимы, отражающие деятельность человека опосредованно.

В угрофинской топонимии распространены топонимы с атрибутивным компонентом, отражающим вкус, запах, температуру воды, особенности дна, берегов, ориентир, по отношению к близлежащему объекту, указание на место начала реки, скорость течения водотока и др. Особенно продуктивными являются семантические типы образований, указывающие на фито-зоонимические особенности реалий животного мира: коми-зырян. – *Ошель, рч.* (медвежья), *Кочшор, руч.* (заячий), *Кушты, оз.* (орлиное), *Гычты, оз.* (карасье); хант. – *Курынговойсойм, рч.* (лосиный ручей), *Васых, р.* (утиная), *Лэнтыхай, рч.* (гусиная). Все примеры засвидетельствованы на территории Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов.

Классификация топонимов по семантике исходных апеллятивов дает возможность установить состав лексики, служащей базой топонимии, определить тематические группы названий и тем самым выявить закономерности номинации. Результаты семантического описания топонимии являются одним из показателей социально-экономического фактора развития региона, его природных ресурсов, духовной культуры коренного населения. Собственно лингвистический аспект семантического анализа важен для этимологической интерпретации топонимов, где проявляются общие закономерности формирования угрофинской ономастической системы.

Современный этап исследований Сибири отличается научным подходом к всестороннему объяснению общественных явлений в их эволюции. Дифферен-

цированы пути географического, историко-этно-графического и филологического аспектов изучения проблемы, возросла роль языковедческого фактора, о чем свидетельствует появление большего числа лингвистических работ, среди которых выделяются и собственно топонимические, где описаны лингвистические интерпретации топонимики в плане народного этимологизирования названий в прошлом [Серебренников 1970:451].

Русское освоение Зауралья, начавшееся после XII в., нашло известное отражение в научных изысканиях по проблемам восточной русской экспансии, этнической истории и контактов русского и коренного населения [Ромбандеева 1966:343]. В последнее время обострился интерес к вопросам региональной топонимии. Среди проблем исторического формирования системы русской топонимии в Сибири первостепенной является задача обнаружения источников возникновения лексической базы топонимии. Основной целью ономастического исследования, по мнению А. А. Белецкого, является задача культурно-исторического, лингвистического и хронологического описания [Белецкий 1972: 12]. Более поздним слоем в топонимии Западной Сибири, как справедливо отмечает И. А. Воробьева, является русская топонимия, отличающаяся от русской топонимии Центрального региона России спецификой хронологизации и пространственного размещения топонимических пластов [Воробьева 1977: 5]. Система русской топонимии Зауралья за четыре столетия своей эволюции обнаруживает аспекты собственной стратиграфии. Однако основные ее тенденции нельзя рассматривать изолированно от общерусской топонимики, несомненна их генетическая связь.

Таким образом, состав русского населения предопределил особенности формирования русской топонимической системы Сибири: во-первых, за счет усвоения пришельцами географических названий аборигенного населения, во-вторых, путем переноса названий из европейской части России, в-третьих, за счет постоянно возникавших новых названий, в-четвертых, за счет развития эндемических процессов на основе контаминации многих диалектов и языков старожильского говора. Следствием всего этого явилось создание региональной русской топонимической системы Зауралья, отличающейся лексическим многообразием и спецификой формообразования.

§ 2. Хронологические аспекты топонимикона Великобритании

В последней четверти IX в. века англосаксонская хроника сообщает о том, что в Нортумбрии, Мерсии и Восточной Англии поселились две группы скандинавских завоевателей. В 865 г. прибыл отряд *micel here*, который в течение десяти лет вел военные действия, пока не нашел себе новые места для постоянного жительства. В 876 г. скандинавы «отторгли землю у жителей Нортумбрии и начали пахать и кормить себя». В следующем году *micel here* «ушел в Мерсию и завладел некоторой ее частью», а в самом начале 878 г. остатки этой армии заняли земли западных саксов и поселились там и выдворили изрядную часть местных жителей за море, а большинство прочих подчинили себе; и народ покорился им кроме короля Альфреда», который привлек на свою сторону западных саксов, и завоеватели потерпели поражение в битве при Эддингтоне

[Ekwall 1918]. Будучи вынуждены покинуть свои новые дома, они отступили в Сиренчестер, где оставались в течение года, а затем в 880 г. «отправились в Восточную Англию, где поселились и завладели землей». В течение следующих четырех лет Альфред сражался с этой армией, и его усилия увенчались успехом, когда летом 896 г. «датская *here* разделилась, одна часть направилась в Восточную Англию, а другая – в Нортумбрию; оставшиеся поплыли на юг через море к Сене» [Robertson 1939].

Скандинавы обрели новую родину на севере и востоке Англии, стали беспокоить жителей западной Мерсии и Уэссекса. Появление колоний не означало, что завоеватели отказались от своих воинственных замыслов. Они по-прежнему пускались в грабительские экспедиции на юг и запад. До прихода викингов англичанам не в новинку было вести себя во многом точно так же в среде своих соотечественников. В 896 г. войска Восточной Англии и Нортумбрии сильно потревожили земли вдоль южного побережья Уэссекса. Именно эта угроза вынудила Альфреда обеспечить защиту путем строительства флота. Грабители приходили и по суше, например, в 903 г. *here* из Восточной Англии опустошили всю Мерсию, переправились через Темзу и вывезли все, что им удалось захватить в Брайдоне и его окрестностях, а потом повернули домой [Wainwright, 1959].

Лучшим ответом на подобные нападения была система крепостей, созданная Альфредом и его детьми. Они укрепили многие населенные пункты рвами и валами с частоколами, возложили ответственность за пополнение личного состава и содержание этих оборонительных сооружений на местное население. Некоторые крепости представляли собой уже определившиеся центры, прочие же были лишь недавно признаны местами, подходящими для строительства фортов. Обычно эти укрепления были достаточно прочными для защиты жителей и их имущества от разбойничьих банд, которые больше полагались на скорость и неожиданность, чем на перевес в силе. Так, в 917 г. налетчики, отправившиеся в Бедфорд, были обращены в бегство защитниками этого города, и в том же году более крупная *hege* подошла к недавно сооруженному форту или бору в Викингамере, осадив его и захватив скот в его округе, но люди, бывшие в городе, защитили бору», и неприятелю пришлось прекратить свой натиск» [Campbell, 1942].

Под защитой таких укреплений можно было готовить контратаки, и вскоре *боро* стали использоваться в наступательных целях. Расширение власти западно-саксонских королей, в значительной степени, зависело от распространения системы *боро*, которые все глубже проникали на территории, находившиеся в руках датчан. На датских землях начали появляться новые крепости, наподобие Викингамера, упомянутого в записи 917 г., а к 920 г. Эдуард уже был признан верховным правителем в большей части южной Англии. Жители Нортумбрии не хотели признавать владычество южанина, и при помощи скандинавских союзников они начали яростную борьбу, продолжавшуюся до 954 г., когда был свергнут последний из королей Йорка, Эйрик Кровавая Секира, а Нортумбрия впервые вошла в состав единого королевства Англия [Campbell 1942].

Изучение топонимов позволяет очень точно определить зону, заселенную скандинавами, а также вскрывает факт притока скандинавских иммигрантов на северо-запад Англии [Ekwall 1960].

Определять области, заселенные и управлявшиеся скандинавами, приходится, в основном, судя по тому воздействию, которое при этом испытали топонимы и административная терминология севера и востока Англии. Рубеж между двумя королевствами проходил «вверх по реке Темзе прямо к Бедфорду [Liebermann 1903]. Территория к северу и востоку от этой линии впоследствии стала называться Дейнло [Robertson 1925: 102]. Впервые это слово появляется в XI веке и используется для обозначения той части страны, где преобладали датские законы, в отличие от областей английского права, которые также были поделены между мерсийской и западносаксонской правовыми системами. Так, например, согласно одному из юридических кодексов Этельреда, в районах, подчинявшихся английскому законодательству, для того чтобы снять обвинение в заговоре против жизни короля использовалась весьма торжественная клятва или трехступенчатый Божий суд, а в областях датского права — другие способы, предусмотренные их законами [Anderson 1934]. Эти три закона проясняются только в позднейших текстах, в соответствии с которыми Дейнло состояла из пятнадцати графств от Эссекса, Мидлсекса и Бэкингемшира на юге до Йоркшира на севере.

О протяженности Дейнло может поведать административная терминология. Действительно, в графствах Линкольн, Ноттингем, Дерби, Лестер местные административные округа назывались *wapentake*, слово скандинавского происхождения, образованное от древнескандинавского *vapnatac*, означающего размахивание оружием на собрании [Anderson 1934]. Кодекс Этельреда, в котором изложены процедуры, относящиеся к областям датского права, включает следующую статью: «и в каждом *вапентэйке* должен существовать суд, и двенадцать старших тегнов вместе с главным магистратом должны выйти и принести клятву на мощах, которые даются им в руки, что не обвинят безвинного и не станут защищать преступного» [Robertson 1934: 64].

Эквивалентом в английских областях служила *сотня* и функционального различия между судами в *вапентэйках* и *сотнях* не существовало» [Ekwall 1960]. Территория, на которой правосудие осуществлялось преимущественно датской аристократией не ограничивалась районами с плотным датским населением. Как отмечает сэр Фрэнк Стентон, «преобладание датского обычного права в том или ином районе не означает того, что он был насильственно колонизирован датскими поселенцами. С точки зрения придания датской окраски правовой системе графства приход к власти датской аристократии, контролировавшей деятельность местных судов, едва ли имел меньшее значение, чем прибытие на поселение целой армии» [Anderson 1934].

Сердцем Дейнло были районы между Велландом и Тисом, где скандинавское население было наиболее плотным — Лестершир, Линкольншир, Ноттингемшир и Йоркшир. В этой области сохранилось несколько скандинавских юридических терминов, южное проявление этого скандинавского влияния связано с аббатством в Питерборо, где в меморандуме X в. поручителя при пере-

даче земель называются *festermen*, а это скандинавское слово [Robertson 1939]. О переуступке земель англосаксонские законы говорят чрезвычайно мало, но зато содержат изрядное количество свидетельств о поручительстве при купле-продаже; поэтому, как и в случае со многими другими отчетливо скандинавскими особенностями Дейнло, включая *вапентэйки*, использование слова *фестермены* вполне может говорить о терминологическом, а не смысловом различии.

Изучение топонимов позволяет более четко определить области скандинавской колонизации. Скандинавы принесли с собой весьма характерный набор онимов, которые употреблялись для обозначения хуторов и деревень, особенностей ландшафта (холмы, реки, леса и поля). В то время как англичанин называл бы хутор или деревню *tun*, скандинавы употребляли свое собственное слово *by*. Названия *Стэнтон* и *Стэйнби* означают, в сущности, одно и то же, но первое английское, а второе — скандинавское. В случаях, когда скандинавы пользовались своими личными именами, контраст иногда оказывается еще более разительным, как, например, между Эйсмундерби в Йоркшире, (*by* *Асмунда*), и Осмондистоном в Норфолке (*tun* *Осмунда*). При изучении скандинавских колоний, очень важно признать, что названия населенных пунктов, то есть хуторов и деревень, даются не теми людьми, которые в них живут, а их соседями. Люди, живущие в Эйсмундерби, между собой, скорее всего, будут называть его просто *by*, тогда как жители его окрестностей будут говорить *by* *Асмунда* в отличие от других сел. Тем самым они не просто указывали, что некая конкретная деревня была когда-то названа в честь Асмунда, ее основателя или владельца, но еще и демонстрировали использование слова *by* для обозначения населенного пункта. В названии *Инглби*, которое вполне могло означать «деревню или хутор англичан», использовался при этом скандинавский элемент *by*. Однако факт употребления слова *by* не значит, что эти люди были скандинавами. «Денби... должно быть принадлежал к району, для которого датское население было нехарактерно» [Cameron 1958: 90].

Наименования Денби и Данби встречаются вдалеке от мест основной концентрации скандинавских названий, и слово надо понимать как *by* *датчанина*. Тем не менее окружающее не датское и, уж конечно, не скандинавское население употребляло слово *by*. Фактически, последнее перешло в английский, и было одинаково в ходу у англичан и скандинавов, причем наиболее показательным его пережитком является слово *by-law* (закон деревни). Приблизительно 700 английских названий, включающих элемент *by*, без сомнения, доказывают важность скандинавского влияния на английскую терминологию.

Существуют другие скандинавские названия топографических объектов, например, *thorp* (так обычно именуется вторичное поселение) в составе названия вроде *Ньюторпа* в Ноттингемшире или Данторпа в восточном райдинге; *both* (палатка или временное укрытие) в слове *Бутби* или *Узбум*; *lundr* (небольшой лес, роща), пример тому — название Лаунд; *bekkr* — (река, ручей) в Калдбеке или Уитбеке в Кумберленде. В английских названиях присутствует множество скандинавских элементов, но наиболее характерны и часты *by* и *thorp*. Скандинавы не только принесли с собой имена и слова, обозначающие

топографические объекты, но и их характерное произношение. Например, в то время англичане произносили название *Шинтон* (овечья деревня или хутор) с мягким начальным [ш], в Йоркшире под скандинавским влиянием это слово произносили как *Скинтон*. Такая же перемена произошла в Ноттингемшире с названием *Scirgerfantun* (*tun шерифа*), которое превратилось в *Скреветон*, вместо формы *Шпрyton*, как в Уилтшире.

Изучение скандинавского влияния на названия топографических объектов может принести большую пользу при определении областей скандинавской колонизации. Некоторые названия носят отчетливо датский или норвежский характер. В эпоху викингов слово *thorp* в Норвегии не употреблялось, и его распространение в Англии свидетельствует о датском влиянии; напротив, слово *slakki* — «маленькая долина, углубление в земле» было принесено норвежцами. Точно так же, некоторые личные имена были явно датскими, а другие — норвежскими. Не все имена и слова можно было распознать как датские и норвежские, но все же достаточно заметные отличия позволяют доказать, что большинство поселенцев в восточных частях Англии происходили из Дании, в то время как северо-запад страны колонизировали выходцы из Норвегии. Названия из этой северо-западной группы отличаются еще и другими особенностями, показывающими, что поселенцы прибыли из областей, населенных кельтами. Кельтским является способ словообразования: определяющий элемент стоит вторым, в то время как в германских языках он должен быть первым. Примером такой инверсии в сложных словах могут служить Бригстир (мост Стира) в Вестморланде, и Аспатрия (ясень Патрика) в Кумберленде [Ekwall 1960].

Постоянство в использовании скандинавских личных имен и слов, обозначающих топографические объекты, показывает насколько стойким было скандинавское влияние. Самым ранним свидетельством об английских топонимах является «Книга Страшного суда» (1086 г.), в которой упоминается большинство населенных пунктов старой Англии. Образования топонимов показывают, что не менее тридцати объектов было названо по имени своих владельцев или арендаторов [Olof von Feibitzen, 1937]. Так, например, в 1065 г. *Blaecmann* владел имением в Кенте, которое в 1086 г. в его честь было названо *Blackemenestone* (ныне Блэкменстон). Другие названия были скандинавскими, например, Ормсби в северном райдинге Йоркшира, названный по имени *Ormr*, жившего здесь после норманнского завоевания.

Датчане и норвежцы, поселившиеся в Англии, придерживались своего родного наречия, потому что их язык был во многом схож с английским. В среде филологов сложилось единое мнение о том, что языки, на которых в то время говорили датчане и англичане, были достаточно близки для того, чтобы они могли без особого труда общаться друг с другом [Ekwall, 1930]. Потомки скандинавов, осевших в Англии, вполне могли говорить на своем родном языке, и в результате английский обогатился многими словами из их речи. Некоторые слова оставались лишь в местном употреблении, другие же распространились повсеместно. Например, скандинавское слово *toft*, (строительный участок, прилегающий к дому, усадьба) не выходило из употребления на протяжении всего средневековья и встречалось очень часто.

Профессор Экуол привлек внимание к тому факту, что члены одной и той же семьи могли носить и скандинавские, и английские имена [Saga – Book of the Viking Society, 1937-45]: четверых братьев, упоминаемых в кадастровой книге Линкольншира, звали *Ingemund*, *Oune*, *Edric* и *Eculf*, где *Oune* — это, безусловно, скандинавское имя, *Ingemund* — тоже, в то время как *Edric* является определенно английским, как и *Eculf*. В Линкольншире жил человек, носивший великолепное скандинавское имя *Thorfror*, а у его отца было английское имя *Wulffer* [Saga — Book of the Viking Society, 1937-45]. Мода на имена меняется, и на нее оказывает влияние пример господствующего в обществе класса. Так, в XIII веке в среде мелких землевладельцев и крестьянства во всех частях Англии бытовало значительное количество имен, введенных норманами и их континентальными союзниками. Профессор Уайтлок показала на основании Liber Vitae аббатства Торни, насколько быстро европейские имена обрели популярность [Whitlock 1958: 6]. Ниже приводится таблица изменения процентного соотношения имен.

Таблица 17

Иноязычные антропонимы в Англии

	Скандинавские	Староанглийские	Европейские
Вскоре после завоевания	10	45	45
Начало XII века	7	26	67
Вторая половина XII века	3	16	81
Конец XII или самое начало XIII века	1	4	95

Разумеется, подобные изменения не означают, что значительная масса населения состояла из прямых потомков людей, прибывших в 1066 г.; наоборот, они подтверждают, что пример правящего класса оказал глубокое влияние на английские обычаи, связанные с выбором имен.

Тот факт, что этносы английского происхождения могли получать скандинавские имена, имеет серьезные последствия для интерпретации так называемых «гибридных названий», в которых скандинавские личные имена объединяются с английскими топонимами. Примером такого названия является Фостон в Дербишире — слово это состоит из скандинавского прозвища *Fotr* и английского элемента *tun*; в этом графстве известно, по меньшей мере, десять подобных гибридов, а в Лестершире ко времени составления «Книги Страшного суда» их было уже более двадцати. Согласно общему мнению, такие названия означают, что некий скандинав поселился в преимущественно английском районе, а по поводу некоторых из них полагают, что это были деревни, захваченные скандинавскими воинами. Во многих случаях это вполне похоже на правду, особенно когда деревни с такими названиями лежат в богатых и плодородных областях. Но не стоит забывать, что люди, давшие свои имена таким населенным пунктам, вполне могли быть англичанами.

Самую надежную информацию о районах, где следует искать первоначальные поселения, дают названия на *бу*. Многие из них, безусловно, представляют собой перевод более ранних наименований. Профессор Экуол предполагает, что название Уиллоуби исходно имело английское окончание *tun* [Ekwall 1988], а прочие являются трансформациями наподобие Рагби. Некоторые названия образовались в X и XI веках, как, например, *Ормсби* в Йоркшире, основой для которого послужило имя владельца этого населенного пункта или *Карлби* в Линкольншире, увековечившее память о своем хозяине Карли. Названия на *бу* не следует путать с первыми поселениями, но они, скорее всего, указывают на те области, где разворачивался процесс колонизации. Ф. Стентон сделал вывод о том, что 543 названия на *бу* относятся к областям датской колонизации, 203 — к Йоркширу, 9 — к Дербиширу, 22 — к Ноттингемширу, 217 — к Линкольнширу, 55 — к Лестерширу, 13 — к Нортamptonширу, 21 — к Норфолку, и 3 — к Саффолку.

По мнению Стентона, половина из них в качестве своего первого элемента имеет личное имя, и заявил, что «слишком многие из этих имен не были бы известны в Англии, если бы не входили в состав названий, и потому мы можем без особых сомнений отнести их к периоду, отделенному от времени возникновения первых датских колоний не более чем одним или двумя поколениями», а значит, «в общем и целом, более чем вероятно, что многие из датчан, имена которых сохранились в названиях деревень на территории Дейнло, принимали участие в датском завоевании этой страны» [Anglo-Saxon England: 516]. Изучение личных имен не может показать, какие поселения были самыми ранними, но общее распределение скандинавских или испытывавших скандинавское влияние названий, действительно, указывает на области первоначального оседания викингов, и есть все основания полагать, что лишь немногие из этих первых колоний лежали за пределами современных графств Линкольн и Йорк.

Изучение топонимов может выявить историю происхождения поселенцев, и указать, где располагались их колонии гораздо точнее Англосаксонской хроники. Оно не в состоянии выявить точный ареал первых поселений, как и установить численность колонистов, но оно, несомненно, показывает, что многие скандинавы оседали не на лучших, самых плодородных или выгодно расположенных территориях, а на тех землях, которые еще не были освоены англичанами. Это можно видеть во многих частях Дейнло — в долине *Рика*, *Кествене*, *Линкольнширских* и *Йоркширских Уолдах* [Hoskins 1934-35; Ekwall 1929]. Профессор А. Х. Смит в своем обзоре топонимов восточного райдинга Йоркшира высказал следующее мнение: «Вопрос о водоснабжении в Уолдах является и, видимо, всегда был серьезной проблемой. Первые поселенцы избегали возвышенных участков *Уолдов* и занимали нижние уровни долин, или, особенно на северо-западных границах *Уолдов*, выбирали места для своих домов вблизи заболоченных участков аллювиальных долин, но достаточно высоко по склонам *Уолдов*, чтобы избавиться от неудобств, связанных с болотами. В других районах они выбирали места вблизи рек и озер, как в *Следмере* и *Фимбере* [Smith 1937].

Примечательно то, какая концентрация скандинавских топонимов наблюдается в *Уолдах* и на их незащищенной северо-восточной стороне. Заняты были лучшие места, и ничто не говорит о том, что скандинавы вытеснили из этих областей англичан. Области, наиболее плотно заселенные скандинавами, видимо, располагались в пространстве между английскими населенными пунктами. Это, наверное, было удобно для них и способствовало сохранению в их среде культурных традиций языка. Топонимы не подтверждают впечатления о том, что скандинавы пришли лишь как завоеватели и взяли верх над англичанами. Завоевание имело место, господствующее положение заняла пришлая аристократия, но многие поселенцы пришли в Англию, как и их исландские собратья, в поисках незанятой земли. Ничто не указывает на то, что их отношения с английскими соседями были враждебными, похоже, что скандинавы были приняты радушно. Может быть, они даже покупали землю, расплачиваясь какой-то долей богатств, накопленных ими в военных кампаниях.

Датская колонизация Англии являлась частью более широкого процесса, приведшего к появлению таких же поселений на другом берегу Ла-Манша, в частности, в будущей Нормандии. Сведения о колонизации Нормандии, увы, еще менее удовлетворительны, чем о заселении английской Дейнло. Представляется несомненным, что в начале X века в руках скандинавов находились низовья Сены и что впоследствии их влияние распространилось на полуостров Котантен [Douglas 1947]. Скандинавские личные имена, использовавшиеся в Нормандии, показывают, что первоначальная колонизация осуществлялась датчанами, кроме того, имеются признаки того, что, по крайней мере, часть нормандских колонистов прибыла из Англии. Нельзя исключить, что Нормандия обязана своей колонизацией, главным образом, тем датчанам, которые, не имея денег, покинули Англию в 896 г. и отправились через море к Сене.

Согласно одному из предположений, нормандские топонимы доказывают, что скандинавская колонизация этой области была, преимущественно, аристократической, и в этом состоит ее отличие от крестьянской колонизации Англии [Stenton 1945].

Норвежские поселения находились на севере и востоке Британских островов, а также за их пределами. В Ирландии, как и во Франции, поселенцы вскоре усвоили местный язык, и их влияние на топонимы ограничивается побережьем. Да и археология не слишком много сообщает о присутствии скандинавов вне городов [Hoskins 1934-35]. Именно в городах, особенно в Дублине, скандинавы играли значительную роль в ирландской жизни. Местное общество было чрезвычайно сложным, скандинавским поселенцам оно показалось слишком неудобным, и потому они стали искать относительного мира на севере Англии, или даже в Исландии, где ярко выражено кельтское влияние.

Набеги норвежцев и возникновение их колоний на Западе приблизительно совпадают во времени с началом шведской активности в России. Основной интерес шведов состоял в сборе дани с целью ее продажи мусульманским купцам, приходившим в Волжскую Булгарию. Но там были и некоторые колонии. Не может быть сомнения в том, что скандинавы поселились в Киеве и установили власть над славянскими племенами в районе Днепра. Первые вожди этого

предприятия и их преемники носили скандинавские имена. Но нигде в России не наблюдалось такой скандинавской колонизации, как в Англии и Исландии. Кроме того, у шведов не было причин для массовой эмиграции на противоположный берег Балтийского моря. В их собственной стране были богатые и плодородные районы. В самой Средней Швеции понижение уровня грунтовых вод медленно, но неизбежно обнажало аллювий, который подвергался сельскохозяйственной обработке. Норвегия, напротив, гориста, и сообщение внутри страны затруднено. Многие из тех, кто считал ресурсы своей родины недостаточными, рассматривали переправу через Северное море, коль скоро в их распоряжении были удобные корабли, как выбор легкого пути. Не приходится удивляться тому, что норвежцы оказались самыми упорными колонистами, и, как правило, их новые обиталища были чисто скандинавскими. Потребность датчан в новых землях не была ни такой насущной, ни такой неотложной, как у норвежцев. Безусловно, их внутренние ресурсы уже были полностью выработаны, и в период викингов можно наблюдать резкое увеличение количества названий на *thorp*. Однако в распоряжении данов уже была удобная и плодородная зона для экспансии — полуостров Сконе, где впоследствии им пришлось конкурировать со шведами, но в конце X века он оказался по датскую сторону границы с последними. Тем не менее, некоторые датчане, нуждавшиеся в земле, искали ее на Западе. Их потребность скоро была удовлетворена, и ее острота, похоже, спала очень быстро, но в своем стремлении найти себе новые дома даны и норвежцы положили начало долгому процессу колонизации, которому в последующие века было суждено сыграть столь важную роль в экономической истории Европы.

Таким образом, историко-хронологические данные британских островов показывают, что, начиная с IX века территории Нортумбрии, Мерсии и Англии подвергались постоянным вторжениям со стороны скандинавов, датчан. Миграция поселенцев с целью захвата новых территорий способствовала укреплению флота и строительству крепостей, окруженных рвами и валами для защиты местного населения от захватчиков, что повлекло появление топографических названий *ford, boro, here, cester*. Изучение административной терминологии севера и востока Англии позволила определить зону, заселенную скандинавами. Рубеж между двумя королевствами проходил по реке Темзе. На территории востока действовал закон Дейнло, означавший поселение датчан. Скандинавы принесли с собой набор личных имен, которые употреблялись для названий хуторов, деревень, вторичных поселений. Английский вариант *tun*, скандинавский *by*. Около 700 английских названий поселений с компонентом *-by* доказывают важность скандинавского влияния на английскую терминологию. Так появились топонимы *thorp* (вторичное поселение), *lundr* (роша), *bekkr* (река), *slakki* (небольшая долина). Скандинавское влияние является итогом длительного процесса колонизации земель Англии. Появление топонимов со скандинавскими элементами росло. Датчане и норвежцы, поселившиеся в Англии, придерживались родного наречия, которое во многом было схоже с английским. Названия лесов, полей, долин и возвышенностей, т. е. объекты локального характера имели и английские, и скандинавские элементы. Отмечается, что даже члены

одной семьи могли носить и английские, и скандинавские имена. Исследования профессора Уайтлока подтверждают континентальное влияние на выбор имени в Англии: к концу XII века европейских имен оказалось приблизительно 95%. Распространение гибридных названий, в которых скандинавские имена объединяются с английским элементом *-tun*, свидетельствует о взаимовлиянии языков. Отношения прошлого и местного населения складывались относительно спокойно (часть земель скандинавы приобретали законным путем), поэтому заимствованные названия широко использовались носителями английского языка, хотя часть их была подвергнута значительной адаптации.

§ 3. Английская топонимия в условиях межъязыковых контактов

Появление сравнительно-исторических исследований по отдельным группам языков и создание таких обобщающих трудов, как «Компендиум сравнительной грамматики индогерманских языков» А. Шлейхера (1868 г.), имело эпохальное значение в развитии индоевропеистики и истории языкознания вообще. [Языкознание. БЭС 1998]. Превращение индоевропеистики в весьма точную науку, возглавившую прогресс в языкознании, со сложным аппаратом методологических принципов и строгой техникой анализа относится к концу 70-х гг. XIX века. В России Ф. Ф. Фортунатов заложил основы новой методологии. Признание принципа регулярности фонетических изменений привело к выявлению звуковых законов. По аналогии появляются законы, описывающие и другие уровни языка, например, синтаксис. Создание целостной картины индоевропейского вокализма и чередований способствовало заложению основ индоевропейской морфологии.

Сопоставительный анализ топонимии на материале европейских языков проводился Эверет-Хисом (*Place names of the world: Europe, 2000*), Г. М. Кертом (Применение компьютерных технологий в исследовании топонимии: прибалтийско-финская, русская, 2002), И. И. Муллонен (Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования, 2000), А. В. Приображенским (Русская топонимия Карельского поморья и Обонежья в историческом аспекте, 2003), В. П. Фроловой (Типология русских катойконимов на фоне германских языков, 1999), И. А. Вороновой (Адаптация английской топонимической лексики в русском языке XVIII в., 1985), Ю. Г. Завалишиной (Зоонимы и фитонимы в русской и английской паремииологии в аспекте этнического менталитета, 1998). По поводу балто-славянской языковой общности или близких диалектов, находившихся всегда в тесном соседстве, возникают острые дискуссии. Сравнение английской, американской и немецкой с русской топонимией ограничивается узкими профессиональными рамками, преобладает описательный подход, отсутствует принцип параллельности лингвистических данных, историко-хронологические аспекты не всегда находят свое отражение.

В диссертации М. П. Тарасевич рассматриваются топонимы – сверхсловные географические названия-прозвища, относящиеся к естественным и искусственным объектам, отмеченным на географической карте Соединенных Штатов Америки. Многоплановый характер топонимии, находящейся в тесной связи с географией и историей, позволили определить место американских фразео-

логических топонимов в системе языка, установить закономерности их возникновения и коммуникативной функции. Рассматривая структурно-семантическую специфику многокомпонентных американских топонимов-прозвищ, автор относит их к разряду имен собственных, классификация которых указывает их синтаксическую устойчивость, переосмысленность первоначального значения компонентов по признаку метонимии/метафории, общности/единичности понятия, базовую и фоновую семантические доли. «...Обычай давать прозвища географическим объектам – одна из наиболее ярких черт американской традиции». Такие прозвища характерны для штатов, промышленных и культурных центров, рек. Например, 50 штатов Америки обладают 310 прозвищами: *Sunset State* (Аризона), *Flower State* (Флорида), *Magnolia State* (Миссисипи), *Hog and Hominy State* (Теннесси), *Oil State* (Пенсильвания) и т. д. [Тарасевич 1985].

Н. И. Панасенко проводит на материале романских, германских и славянских языков ономастологический анализ названий лекарственных растений, что позволило автору выделить ономастологическую структуру фитонимов в разных языках и установить морфологическую специфику. Из всех установленных автором моделей наиболее распространенными являются несколькословные, в то время, как сложносuffикальные образования мало распространены [Панасенко 2000].

В разделе «Топонимия как этноисторический источник» И. И. Муллонен отмечает, что топонимика заложена в самой природе географических названий, где главное – адресность. Независимо от того, произошла ли смена населения, изменился ли язык, топоним остается консервативным, что обеспечивает его долговечность. Чрезвычайно ценным является учет языкового контактирования, т.к. топонимы иноязычного происхождения являются существенным источником этноязыковой информации.

Анализ субстратной топонимии, принципы усвоения иноязычной топонимии топонимичной системой-преемником, закономерности языкового взаимодействия контактирующих топосистем описаны А. К. Матвеевым [1986].

По аналогии с региональной системой топонимии Зауралья покажем специфику английских топонимов как этноисторического источника и морфологические закономерности их образования. Следует принять во внимание тот факт, что в настоящее время разделение на кельтов и не-кельтов: ирландцев, шотландцев, уэльсцев, с одной стороны, и англичан, с другой – не противоречит тому, что это одна нация, имеющая, однако, и культурные, социальные и лингвистические особенности.

Кельты не только первые поселенцы Британии, но и Франции, Испании и других областей Западной и Центральной Европы. Многие топонимы в Англии являются кельтскими. Римские поселения, где официальный язык был латинским, часто к британским названиям мест добавляли латинские окончания, например: *Lindo* → *Lindum* (*Линкольн*), *Londo* → *Londinium* (*Лондон*). В V веке римляне покидают Британию, и англосаксонские завоеватели образуют свои поселения. Скандинавы, известные как викинги, осваивают север Британии в IX веке, адаптируя английские названия к своему языку. Названия поселений час-

то образованы от имени основателя с добавлением *-by*: *Grimsby*, *Slingsby*. Датские и норвежские названия мест распространены в Шотландии и Ирландии, скандинавские – в Уэльсе.

Нормандские завоеватели, пришедшие из Франции, сохранили культурные и языковые традиции этой страны. Французский язык стал официальным языком высшего света в Англии в течение следующих двух веков. Названия мест *Beaulieu* (*beautiful place*), *Malpas* (*bad passage*) напоминают об этом. Староанглийские элементы хорошо сохранились в топонимах: *-bury*, *-church*, *-end*, *-ey*, *-field*, *-ford/forth*, *-ham*, *-hill*, *-ing*, *-ingham*, *-ingley*, *-ington*, *-land*, *-ley*, *-mere*, *-mill*, *-stone*, *-sty*, *-ton*, *-wald/wold*, *-wood*, *-wick*.

Скандинавы обогатили английский лексикон в области топонимии, названий частей тела, прилагательных и глаголов, введением предложных оборотов, а также появлением флективных окончаний в староанглийских словах:

<i>-beck</i> (=brook)	<i>Birkbeck</i> , <i>Troutbeck</i>
<i>-brack</i> , <i>-breck</i> , <i>-brick</i>	<i>Haverbrack</i> , <i>Norbreck</i> , <i>Scarisbrick</i>
<i>-dale</i> (=valley)	<i>Calderdale</i> , <i>Dovendale</i> , <i>Wensleydale</i>
<i>-force/foss</i> (waterfall)	<i>Catfoss</i> , <i>Fabgfoss</i> , <i>High Force</i> ,
<i>-garth</i> (=yard)	<i>Applegarth</i> , <i>Arkengarthdale</i>
<i>-ness</i>	<i>Cartmel</i> , <i>Ingoldmells</i>
(=headland/promontory)	<i>Dungeness</i> , <i>Holderness</i> , <i>Skegness</i>

-carr (=damp wasteland), *-ghyll/-gill* (=ravine, gorge), *-holm(e)*, *-keld* (=spring), *-kirk* (=church), *-rigg* (=ridge), *-scar* (=cliff/rock outcrop), *-set(t)* (=summer pasture), *-side*, *-thorpe* (=settlement), *-tarn* (=lake), *-thwaite* (=settlement), *-toft* и *-with* также являются элементами скандинавских топонимов. Многие топонимы имели имя собственное в начале слова, так *Grim* основатель *Grimsby*, *a Olaf* (или *Anlah*) – основатель *Anlaby* (около *Hull*). Иногда топоним содержал описательные элементы: *Holbeck* (место низколежащего ручья); *Hunmanby* (место обитания охотников с собаками); *Skipwith* (овечий лес); *Whenby* (место или усадьба женщин). Смешанные топонимы или «гибриды» включали и англо-санксонские элементы: ср. *Grimsby* или *Grimston*. Скандинавское окончание названия улиц *-gate* (от старонорвежского *gata*) присутствует в городах *Leeds*, *York*, *Beverly*. Например: *Briggate* (=bridge street), *Coppergate* (=street of the cup makers), *Kirkgate* (=churchstreet), *Skeldergate* (=street of the shield makers).

Орфография современных топонимов отличается от прежних эквивалентов: *brōc* (brook), *brōm* (broom), *cyning* (king), *dūn* (hill, down), *feld* (open land, field), *haga* (hedge), *myln* (mill), *sceap* (sheep), *stān* (stone), *tun* (town), *wudu* (wood). Другие топонимы имеют германские корни: *beorg* (hill), *burg* (fort), *cirice* (church), *cnicht* (knight), *eofor* (wild boar), *fugd* (bird), *stīg* (path), *wald* (wood).

Данные словарных статей основаны на текстах из *Ecclesiastical History of the English People*, 731 year; *The Anglo-Saxon Chronicle*, 1154 year, *Domesday Book*, 1086.

Domesday Book:	Modern equivalent:
Badaquella	Bakewell
Essecestra	Exeter
Wich	Nanwich
Burg	Peterborough
Prichemares	Rickmansworth
Sciropescire	Shropshire
Wendlesberie	Welling-borough
Euruic	York

Основу первого топонима составляет имя *Beadeca*, в топониме *Wendlesberie* – имя *Wendel*, *Euruic* происходит от *eofor* – *wic* или *boar farm* и т. д. Существенные отличия объясняются тем, что англосаксонцы звуковой образ строили в соответствии с существующими в языке топомоделями. Не всегда окончания топонимов соответствуют указанным словам, необходима историческая справка, действительно ли *-ham* (hill), *-burg* (fort), *-ton* (don), *-berg* (hill), *hām* (homestead), *hamm* (enclosure). В частности *-ley* может происходить от *ēg* (остров – *Medley*) или от *lēah* (лес). Кроме того, следует учитывать, что левосторонний элемент, как правило, кельтский, а правосторонний – английский или скандинавский.

Таким образом, топонимия привлекает внимание многих исследователей и в онома- и в семасиологическом плане. Формированию типологического знания о лексических и морфологических закономерностях языков способствует развитие сопоставительных методов изучения языковых единиц.

Этнолингвистический источник английских топонимов позволяет выявить типологические модели их возникновения. Использование антропонимов в начале слова как первого элемента композита требует появления *-mere*, *-burgh*, *-chester*, *-worth*, *-stone*, *-town*, *-bridge* как материального воплощения собственности. Правостороннее расширение предложных словосочетаний в диахронии склонно к преобразованию в суффиксы.

Лексическое своеобразие контактных языков создается рядом слагаемых – наличием индивидуально-этнической лексики, объемом и характером структурированности отдельных лексико-семантических зон. Но глобальность современной цивилизации и информационных процессов приводит к значительной унификации и нивелированию лексического своеобразия языков. При всем типологическом разнообразии языков и неповторимости их этно-исторических судеб существует четыре способа пополнения словаря: морфемная и семантическая деривация, образование несвободных сочетаний и заимствования. Из 3500 слов, вошедших в состав русского языка в 60-х гг. XX века, доля морфемных дериватов составила 83%, а в составе новой английской лексики – 63%. В работе В. Г. Гака, основанной на сопоставлении французского и русского языков, отмечается, что 1/3 составляют слова с непроемной основой, а 2/3 – морфемные дериваты.

В русском языке шире, чем в английском, используется суффиксально-префиксальная деривация и больше сложно-суффиксальных слов. Большая деривационная сложность русского языка в сравнении с английским объясняется различиями в морфологической типологии: русский язык относится к синтетическому, английский – к аналитическому типу.

Что касается семантической деривации (т. е. развития у слов новых значений), известно, что в аналитических языках слова более многозначны, чем в синтетических, хотя определить продуктивность семантической деривации сложнее в отличие от морфемной, результаты которой представлены «материально» – в виде новых словарных единиц.

Рассматривая типологию английского и русского языков, В. В. Гуревич отмечает, что в связи с более аналитическим характером английского языка и слабо развитой системой аффиксов, противопоставление знаменательных частей речи базируется не столько на морфологических характеристиках (как в русском, богатом синтетическими формами), сколько на синтаксических показателях [Гуревич 2004]. Отсутствие специфических формальных показателей в английском языке приводит к омонимии частей речи и развитию конверсии, когда суть слова проявляется в контексте: *a plant – to plant trees, back – to back an idea*.

Категория падежа обращает на себя особое внимание с точки зрения типологии языков. Исторические индоевропейские языки различали восемь падежей, в современном русском языке их шесть, а в современном английском языке – два (общий и притяжательный). В английском языке сокращение числа падежей произошло в результате редукции безударных окончаний, при этом притяжательный падеж, в основном, допустим для одушевленных существительных, имен собственных и географических названий (*town, country, London, England, world, Earth, Moon, Sun*).

В русском же языке падеж есть у всех существительных. Своеобразие английской падежной системы проявляется и в том, что притяжательный падеж употребляется только в атрибутивной функции и только в препозиции к стержневому слову (*Gomersal*, где показатель посессива *'s* сливается с именем собственным: *Godmr's → Gomers*, аналогично в *Grimesthorpe, Grimston*, в отдельных случаях посессив отсутствует – *Godmanchester*). В связи с этим некоторые исследователи отрицают наличие падежей в английском языке, рассматривая посессив как синтаксический элемент, выражающий значение «принадлежности».

Категория определенности/неопределенности в английском (и ряде индоевропейских языков) выражается артиклями, но тенденция стяжения и морфологические показатели отдельных грамматических категорий имени существительного или прилагательного сохраняются в кельтских и шотландских топонимах, например: *Waterless Dub* (безводный ручей), *Easter Anguston* (более восточный город), *Forkings of Raith* (мн. ч. – рукава реки, притоки), *Upper Gledfield* (более высокое над уровнем моря поле), *Sandy Hirst* (песчаный, заброшенный участок).

Исконно английские композиты представлены топонимами с формативами *-ton, -wich*: *Fenton, Fenwich, Fenstanton, Fen Ditton*, где инициаль *Fen* – геогра-

фическое название, означающее низину с большим количеством рек, озер, каналов (*OE fen* – болото).

Исконные дериваты включают морфемы, обладающие собственным значением: *-ing* (поселение людей), *-al* (участок земли) и формативы *-burgh* (гавань), *-green* (луга). В английских топонимах имена собственные, как правило, стоят в начале:

Gomersal: *E Gomers* ← *OE Godmr's* + *E al* ← *OE halh*

(земля – собственность Годмера);

Busingstoke (вторичное поселение людей База):

- *Bus* (название племени) + *ing* (поселение) + *stoke* (вторичное поселение);
- *Buckingham* (земля у реки, принадлежащая народу *Bucca*): *Buck* (название племени) + *-ing* (поселение) + *-ham* (земля у реки);
- *Brighthelmsea*: *Brightl* (имя собственное – *Beorhtic*) + *ing* (поселение) + *ea* (*OE -ey* (остров)). В настоящее время люди, не знающие этимологию данного топонима, воспринимают название *Brightsea* как яркое, лазурное море;
- *Fraserburgh*: *Fraser* (имя собственное владельца гавани) + *burgh* (гавань);
- *Cornwall* (от названия племени *Cornovii*, т. е. люди с мыса) + *wall* (иностранцы из Уэльса). Заимствованные композиты, образованные от имени собственного и географического названия *-cors* (болото *Welsh*), или формата *-by* (ферма *ON*), *-chester* (крепость лат.) весьма распространенное явление, например, *Godmanchester* (бывший римский город).

В ирландском наименовании *Fermanagh* — имя вождя племени *Manach* оказывается в финале, а слово *Fer* (люди) в начале топонима: *E Fer* ← *Irish Fear* (люди) + *E managh* ← *Irish Manach* (лидер, вождь племени).

Присутствие названий животных в английских топонимах проявляется в слиянии апеллятива (название животного) и форманта (географическое название), например: *Bearsden* → *bear* (медведь) + *den* (долина). Исконный топоним: *N + N* (медвежья долина).

Gatwick – ферма, где разводят коз, где первый компонент *Gat* (*OE gāt* – коза) + *wick* (*OE wic* – ферма) второй компонент составляют исконный композит: *N + N*.

Рассмотрим сложные двух- и трехкомпонентные композиты:

- *Buckfastleigh* (поляна быстрых оленей), где *Buch* (*OE bucc* – олень) + *fast* (*OE festen* – быстрый) + *leigh* (поляна);
- *Crowborough*: *E crow* ← *OE crowe* (ворона) + *E borough* ← *OE berg* (холм) – вороний холм;
- *Gosforth*: *E gos* ← *OE gose* (гусь) + *E forth* ← *OE ford* (брод). Двухкомпонентный композит «гусятинный брод» (ручей, где ходят дикие гуси).

Структура шотландских топонимов аналогична, например: *Bowfield* (пастбище для коров), *Brockholes* (барсучьи норы).

В настоящее время *Brownsee* иногда переводят как *коричневое море*, т. е. имеет место переосмысление в силу того, что дериват воспринимается как ком-

позит, состоящий из двух слов, реально существующих в современном английском языке: *brown* (коричневый) + *sea* (море).

О размытости морфологических швов в словах упоминает А. В. Суперанская. Слово «энциклопедия» происходит от греческих основ *enkykliā* (круг элементарных знаний) и *paideuō* (обучать, воспитывать). Если сместить границы значимых элементов, то в центре окажется отрезок «циклоп», не имеющий никакого отношения к знаниям. Автором также подчеркивается мысль о том, что перевод топонимов должен учитывать их этимологию, хотя в ряде случаев происходит утрата определенной информации, имеет место переосмысление, что характерно особенно для заимствований.

Проблемы исторической преемственности и принципы лингвистической адаптации топонимических заимствований в русской топонимии рассмотрены Н. К. Фроловым. Сложность разрешения большинства исследуемых вопросов, по мнению автора, возникает ввиду отсутствия систематических сведений об истории и быте аборигенов, малоизученности фольклора и языков дорусского населения и слабой разработанности методических аспектов описания нерусских по происхождению, но ставших фактом русского языка топонимов. Закреплению топонимизации в русской топонимии способствовало продолжительное функционирование и регулярное использование нерусских названий в русской письменной и устной речи.

Принципиально актуальной является хронологическая последовательность заимствованных топонимов. В этой связи различаются: а) суперстратные названия, неясные по лингвостранческой истории, вошедшие в русский топонимикон через какое-либо языковое посредство и вычленяемые путем картографирования ареалов; б) субстратные названия, представляющие собой адаптированные топонимические заимствования; в) контактные лексические заимствования, вошедшие в систему русской топонимии в результате взаимодействия языков.

Сравнение шотландских и скандинавских топонимов в английском языке позволяет выявить, что показатели грамматических категорий (посессив, суффиксы имени прилагательного, артикли) присутствуют в диалектных онимах и отсутствуют в современных топонимах Британии. Простые и сложные по структуре и семантике британские топонимы образуются путем словосложения нескольких компонентов: имени собственного или аппеллятива (географическое название, названия животных) и форматива. Предложные словосочетания пространственной ориентации общеприняты с целью уточнения местонахождения объекта. Переосмысление топонимов происходит в результате интерференции, когда традиционное название обретает новую этимологию. Типологическое сравнение имеет большое значение не только в синхроническом плане изучения неродственных языков. Выявление сходств и различий древних диалектных заимствований на фоне современных языков является важным составляющим компонентом анализа топонимики в диахроническом аспекте.

§ 4. Инкорпорирование кельтских и скандинавских заимствований в английскую топонимию

Цель раздела – показать закономерности функционирования диалектных номенов в условиях межъязыковых контактов, а также выявить специфику образования английских топонимов под влиянием кельтских и скандинавских заимствований. Рассматривая словообразовательный процесс в диахроническом аспекте, Т. М. Беляева отмечает, что основа мотивирующего слова избирает аффиксы, которые соответствуют ей структурно, грамматически и семантически [Беляева 1979: 57]. Семантическая комбинаторика мотивирующего слова и аффикса отражается в семантике деривата. Совпадение основы со словом подготовлено исторически развитием морфологической структуры английского языка. В результате чего прилагательное утратило словоизменительную парадигму, а существительное сохранило в незначительной степени (артикл, посессив). Перестройка морфологической системы английского языка состоит в том, что топонимы образуются по моделям, включающим германские суффиксы. Связанные основы привнесены в английский язык извне. Влияние иноязычных заимствований с аффиксами романского происхождения нарушили исторически складывавшийся параллелизм. В словообразовательном акте оним может быть подвергнут варьированию: стяжению, усечению, адаптации. По мнению В. Д. Беленькой, топонимическая система – это организованная совокупность топонимов отдельного этноса. Определяя топонимическую систему как «территориальную совокупность географических названий» автор объединяет их в классы на основе семантических признаков [Беленькая 1977: 113]. По мнению автора, региональная топонимическая система обладает исторически сложившимся лексическим составом онимов с типовыми формообразующими средствами. Этноисторические факторы влияют на распространение топонимов в зависимости от ареалов заселения различными народностями (кельты, скандинавы).

Скандинавское влияние считается наиболее длительным и сильным на Северных островах Шетлэнд и Оркни. Скандинавское вторжение и расселение продолжалось много веков, и вследствие этого многие географические названия на данной территории имеют скандинавское происхождение, например: *Whitby, Duncansbay, Beardon, Aylesbere*.

На Западных островах несколько веков говорили на так называемом старонормандском языке, поэтому многие острова, горы, бухты и заливы сохранили скандинавские названия. Крах норвежского владычества в 1266 году привел к возрождению газльского языка, что вызвало замещение норвежских топонимов газльскими. Сила газльского языка варьировала, возрастая на Гебридских островах и дальше к югу. Скандинавские названия были заимствованы позднее: газльское *geodha* (*овражек, расщелина*) происходит из древнескандинавского *gja*; *sgarbh* – от старонормандского *skarfr* (*большой баклан*) в *Geodha nan Sgarbh*. Такой топоним не может быть назван нормандским, так как был создан галлами и является «гибридом».

Третья территория скандинавского влияния находится на юго-западе Шотландии (*Dumfries, Galloway*) и имеет тесные лингвистические связи не только с

севером Англии, но также с Ирландией. На этой территории топонимы скандинавского происхождения претерпели множество изменений и не всегда легко узнаваемы. На юго-западе Шотландии также можно обнаружить элементы скандинавских топонимов, которые можно отнести скорее к датскому, чем к норвежскому происхождению. Поскольку скандинавское влияние прослеживается в период разных переселений, мы имеем дело с несколькими вариантами скандинавского языка. Скандинавские переселенцы Северных и Западных островов говорили на западно-скандинавском или западно-норвежском диалекте, который зачастую просто именуют норвежским или древнескандинавским, от которого произошли норвежский и исландский языки. В некоторых частях страны очень трудно отличить шотландские топонимы от скандинавских. Норвежские топонимы являются, в основном, описательными и отражают восприятие людьми окружающей действительности. Таким образом, мы обнаруживаем топонимы с компонентами описания форм или природных характеристик, например: *Longa Berg* (длинная скала) или примерное расположение *Isbister* (к востоку, восточный). Выделяется особая группа топонимических компонентов, обозначающих типы поселений, например: часто распространенное *-bie* (древненорм. ферма) в *Trenabie*, *South Breckbie* и *Houbie*; *bylstapr* (ферма), встречающееся в Шетлэнде и Оркни в форме *bister* (*Kirkabister*, *Westerbister*), но принимающее формы *-bost*, *-pol* или *-bol* в топонимах-гибридах. Общая форма *-sta* образована от древненормандского *stapir* (ферма) в топонимах *Hoversta* и *Griesta*, в то время как древненормандские компоненты *setr* (местожительства) и *setr* (место проживания), (настище), (молочные земли) были преобразованы в общеупотребительный компонент *setter*, например: *Dalsetter*, *Winksetter* или *-ster* в *Swinister*.

Названия животных (лошадей, ягнят, овец) являются обычными компонентами топонимов и прослеживаются в таких названиях, как *Hestwall* от *hest* (древненорм. лошадь, жеребец), *Lama Ness* от *lamb* (древненорм. ягненок). Топонимы побережья часто содержат компоненты названия рыб и млекопитающих, например *lax* (древнеангл. лосось) в *Lax Firth* или *hvalr* (древненорм. кит) в *Whal Geo*.

Названия почвы можно обнаружить в топонимах *Grut Ness* от древненормандского *grjyt* (гравий) и *Lerwick* от древненормандского *leir* (грязь, глина). Цвета составляют важную категорию описательных компонентов, например: *svartr* (древненорм. черный) в *Swarthhoull*, *raupr* (древненорм. красный) в *Roe Clett*, *gror* (серый) в *Grobust*.

Скандинавские топонимы образуются по определенным структурным моделям. Большинство топонимов состоят более чем из одного компонента с сохранением грамматических связей между ними:

- определенный артикль + базис: топонимы могут состоять только из одного компонента, обычно существительного, которому предшествует английский артикль *the*, например: *The Tongues* (от древненорм. *tangi* язык), *The Crook* (от древненорм. *krykr* изгиб);
- признаковый компонент + базис: это самая распространенная структурная модель. Базисные компоненты обычно выражены существительным, а

признаковые компоненты могут быть существительными или прилагательными, например: *Deepdale* (глубокая долина) от древненорм. *djǣpr* (глубокий) и *dalr* (долина); *Brettabister* от древненорм. *brattr* (крытой) и *bylstap* (ферма);

- базис + предлог + географический термин: данная структура типична для Северных Островов. Предлог, связывающий базисный компонент с термином, является шотландским, например: *Burn of Forse*, *Garth of Tresta*, *Burn of Swartabeck*, *Clett of Thusater*.

Скандинавское влияние особенно заметно в топонимах Уэльса. Уэльские заимствования включают топонимы, состоящие из одного базисного компонента, обычно существительного (*Bryn*, *Talwrn* or *Dinas*), но большинство топонимов включают более одного компонента с сохранением грамматических связей между ними. Определяющие компоненты могут предшествовать базисному (*Gwynfryn* в *Wrexham*). Вполне характерно использование определенного артикля *Y* (*Y Bala*, *Y Waun*, *Y Trallwng*). Базисные компоненты могут быть топографическими, описывающими ландшафт, или названиями жилищ и поселений (*tref*, *pentref*, *bod*). Культовые названия комбинируются с личными именами святых (*Llandudno*, *Betws Garmon*, *Capel Curig*), или с предлогами пространственной ориентации (*Llan-faes*, *Betws-y-coed*, *Capel-y-ffin*).

Перевод топонимов иногда оказывается ложным из-за неверной, наивной интерпретации компонентов, которые сравниваются с современными словами, например, *Swansea* ассоциируется с *swan* + *sea*; *Caerdydd* не имеет ничего общего с *dydd*; *Ystradau* не является *dau*.

Известно, что топонимы, возникшие в последние века, действительно обозначают то, что заложено изначально. Тем не менее, многие из них утратили свою этимологию. Причинами является течение времени, устная передача, изменения в орфографии и естественное желание переделать непонятное в узнаваемое. Только исторические данные, зафиксированные в ранних документах, могут раскрыть истинное значение топонима [Mills 2003:XXV]. Каждый компонент соотносится с его диалектным вариантом, формой женского рода (если это прилагательное), формой множественного числа (если это существительное). Некоторые элементы встречаются только в топонимах, другие — приставки, суффиксы или частицы видоизменяют и определяют топонимы. В Уэльсе в определенных условиях имеет место умлаут или изменение согласных в начале слов. Девять согласных могут подвергаться изменению под воздействием трех умлаутов — мягкого, носового и придыхательного.

	Оригинальная буква								
	p	t	C	B	D	g	ll	rh	m
Мягкий умлаут	b	d	G	F	Dd	l	r	f	
Носовой умлаут	mh	nh	Ngh		M	N	ng	–	–
Придыхательный умлаут	ph	th	Ch		–	–	–	–	–

Далее следуют несколько простых правил:

1. Первый согласный второго элемента сложного слова принимает мягкий умлаут, например:
 - *Brith* (курс) + *tir* (земля) → *Brithdir* (t, как указано в таблице, изменилась на d);
 - *Pen* (голова/верх, край/конец) + *tref* → *Pen-dre* (f);
 - *Pen* + *cam* (скрюченный, согнутый) → *Pengam*;
 - *Glas* (зеленый) + *pwll* (яма, лужа) → *Glasbwill*.
2. Первый согласный существительного женского рода единственного числа смягчается после артикля -у или -уr, например:
 - *Pen* (голова/верх, край/конец) + у (определенный артикль) + *glan* (берег реки/склон) → *Pen-y-lan*;
 - *Bron* (холм/грудь) + у + *moel* (лысый) → *Bron-y-foel*;
 - *Pen* + у + *pont* (мост) → *Pen-y-bont*;
 - *Pen* + уr + *gallt* (холм, скала, лес) → *Pen-yr-allt*.

Умлаут сохраняется даже в том случае, если артикль был утрачен, например: *Y + Celli* (пещера) > *Gelli* так же, как и в *Gellilydan*, *Gelli Gandryll*.
3. Первоначальный согласный прилагательного смягчается, если прилагательное следует за существительным женского рода единственного числа, например:
 - *Rhyd* (брод) + *coch* (красный) → *Rhyd Goch*;
 - *Felin* (мельница) + *moel* (лысый) → *Felin-foel*;
 - *Sarn* (дамба, мостки) + *pigog* (колючий) → *Sarnbigog*;
 - *Allt* (холм, утес, лес) + *coch* → *Allt Goch*;
 - *Carreg* (камень) + *Llwyd* (серый, коричневый) становится *Carreg Lwyd*.
4. Первый согласный второго элемента сложного слова часто смягчается, если первый компонент является существительным женского рода единственного числа. Второй компонент стоит в родительном падеже и функционирует как прилагательное, например:
 - *Tre* (город, деревушка — существительное женского рода единственного числа) + *Caron* (имя человека) → *Tregaron*;
 - *Llan* (монастырь, церковь) + *Padarn* (имя святого) □ *Llanbadarn*.
 - *Llan* + *Daniel* → *Llanddaniel*;
 - *Ty* (дом) + *Dewi* (имя святого) → *Tyddewi*;
 - *Cae* (поле) + *Dafydd* (имя человека) → *Cae Ddafydd*.
5. Существительному могут предшествовать несколько прилагательных. В этом случае возникает мягкий умлаут, например:
 - *Hen* (старый) + *plas* → *Henblas*;
 - *Hen* + *tre* → *Hendre*;
 - *Hen* + *ty* → *Hendy*.
6. Начальный согласный существительного подвергается мягкому умлауту, если он следует за предлогом *ar* (на, над), *tan/dan* (под), *dros/tros* (на, над), например:

– *Pont* (мост) + *ar* (на) + *Tawe* (название реки) → *Pontardawe*;

– *Pont* + *ar* + *Dulais* (другая река) → *Pontarddulais*.

7. Начальный согласный существительного, следующий за предлогом *yn* подвергается носовому умлауту, например:

– *Llanfair* + *yn* + *deubwll* → *Llanfair yn Neubwll*;

– *Llanfair* + *yn* + *Buallt* → *Llanfair-ym-Muallt*.

Шотландские топонимы распространены в долинах, где впервые зарегистрированы кельтские поселения. Названия холмов, рек, болот и других определений ландшафта, а также поселений относятся к более древним земельным владениям, имеющим прилагательные в виде аффикса (*wester, easter, nether, laigh, heich/high, over, meickle*). Аффиксы описывают положение или размер объекта, границы поселений, структуру земли, природные особенности, например, плодородные земли *Cairnie* (имя собственное кельтского происхождения) имеют названия: *Hillcairnie, Lordscairnie, Myrecairnie*. Более поздние области старых владений имеют шотландский компонент *-ton*: *Hillton* (*hilltown of*), *Bogton* (*bogtown of*), *Newton* (*newtown of*). Например, *Hilton of Culsh* (Абердиншир) выделяется среди других земельных участков: *South Culsh, Mains of Culsh, Milton of Culsh*.

Распространенность шотландских элементов в английских топонимах обусловлена двумя факторами: наличием элементов как в *Scottish Standard English*, так и в английском языке, а также политической и культурной доминантой английского языка в последние века. Такие элементы, как *hill, side, field, burn, brig, brae* являются шотландскими и принадлежат к древнейшей страте топонимов (VII–VIII вв.). Другим фактором распространенности шотландских названий является сильное влияние реформы английской письменности, благодаря которой происходит выравнивание аффиксов, например, топонимы с финальным *haugh* обретают написание *hall* или *fa(w)* или *fal*.

Структура топонимов состоит из базисного компонента (обычно это имя существительное в единственном или множественном числе *Knowe, Kaims*), которому предшествует артикль *the* (*The Bught*) и признакового компонента. Иногда два компонента составляют композит, например, *hatto(u)n* (ферма или поселение с главной резиденцией) *hal* (резиденция) + *town* (ферма) → *hottown*; аналогично *milntown*, где *mill* (мельница) + *town* (ферма) → *milntown*.

Базис может быть осложнен признаком в виде прилагательного *black* (*Blackford*), существительного *bow* (*Bowmuir*), имени собственного *Thomas* → *Tomaston, Mary* → *Maryhill*, или синтаксического словосочетания, где второй компонент уже известное географическое название: *Kyles of Bute, Yetts o Muckhart* (редукция *of* → *o*).

В шотландских топонимах-заимствованиях широко представлена флора и фауна: названия растений, важных для сельского хозяйства (ольха, дрок, береза, папоротник, клевер, остролист, лен, вереск, мох, камыш, ива, сорняк, боярышник). Рыболовство и охота представлены названиями животных (олень, бык, лиса, барсук), птиц (цапля, ворона, голубь, коршун, сорока, орел). Описательные определения используются в составе гидронимов и ойконимов (старый, молодой, темный, светлый, привлекательный, холодный, пестрый), аэронимов

(крутой, пологий, узкий, широкий, сухой, сырой, круглый, острый, конусообразный, длинный, короткий, серебристый, волнистый).

Выделяется богатством и разнообразием лексики, отражающая природные и естественно-географические условия, особенности ландшафта (долина, низина, поляна, овраг, лужайка, ниша, вход, глыба, косогор, канава, мыс, остров, изгиб), пространственной ориентации (восточный, западный, пересекающийся, удаленный, близлежащий).

Скотоводство и земледелие также находят свое отражение в топонимах (земля культивированная/заросшая сорняком, бесплодная, пастбища и загоны для рогатого скота и овец), вид деятельности (пивовар, кузнец, коневод, пастух, мельник, соледобывающая отрасль). В силу исторических событий появляется культовая и военная лексика (церковь, святой, монастырь; битва, пожар, башня, пост для наблюдения, укрепление).

В настоящее время кельтский (гаэльский язык) в основном, ассоциируется с Шотландским высокогорьем, и мало кто помнит, что когда-то он был главным языком Шотландии. Известны тысячи названий, включающих кельтские элементы, такие как *Auch* от *achadh*, *Auchter* от *uachdar*, *Bal-* от *baile*, *Dun-* от *dun*, *Inver-* от *inbhir*, *Kin-* от *ceann* и *Kil* от *cill* или *coille*. На артиллерийских картах Шотландии названия записаны с использованием английской и гаэльской орфографии. Этот факт не отражает степень распространения топонимов, производных от кельтских, которые можно встретить по всей Шотландии, а более отражает те места, где говорили на кельтском языке во время создания артиллерийских карт в XIX веке. Шотландские топонимы состоят из слов разговорного языка, используемых для описания особенностей местности, ландшафта, могут включать только базисный компонент, обычно — имя существительное, которому предшествует английский определенный артикль «the», кельтский *an*, *am*, *a'*, во множественном числе *na*. Большинство топонимов, тем не менее, состоят из более чем одного элемента с сохранением грамматических связей между ними. Базисный компонент может быть определен:

- прилагательным *mor* (большой) в *Beinn Mhor* или *dearg* (красный) в *Eas Dearg* (иногда несколько прилагательных определяют базис, как в *Eilean Glas Mor*. Таким названиям часто предшествует определенный артикль, как в *An Uidh Dhubh*. Следует отметить, что определенный артикль чаще употребляется с топонимами, которые были обнаружены на артиллерийских картах, где артикль записывали отдельно);
- другим нарицательным существительным в родительном падеже, как *sgadan* (селетка) в *Geodha Sgadain* (часто с определенным артиклем, как *Gleann a' Chapail* (стрина лошади) или *Loch na h-Oidhche* (ночное озеро);
- именем собственным, как *Fearchar* (*Farquhar*) в *Allt Fhaerchair* или *Mairead* (*Margaret*) в *Clach Mairead*; или существующим названием места, как *Ile* (*Islay*) в *Caol Ile* или *Airigh nan Eun* в *Allt Airigh nan Eun*; именем собственным святого, как *Cill(e) Bride* (церковь Святой Бригиты).

Любой компонент может быть базисным или признаковым в зависимости от того, как он используется в названии. Например, в *Eilean Dubh eilean* является базисным, *dubh* является относительным; в то время как в *Loch an Eilein loch* является базисным, а *t-eilean* (*остров*) – определяющим компонентом.

В кельтском языке прилагательное обычно следует за существительным, так же как и во французском, например, *Creag Bhan*, *Beinn Fhada*, за исключением *sean* (*старый*), который обычно стоит перед существительным. Другие прилагательные, в частности, обозначающие цвет, могут стоять после или перед существительным, например, *Coire Glas*, но *Glas-Choire*.

Постоянным изменениям в кельтском языке подвергаются существительные, прилагательные и определенный артикль в зависимости от грамматических категорий: род (мужской или женский), число (единственное или множественное) и падеж (именительный, родительный и дательный). Некоторые существительные используются в мужском или женском роде в зависимости от положения в слове. Родительный падеж, выражающий категорию принадлежности, как и в английском языке, обозначен предлогом *of* the [Mills 2004:XV].

Артикль *the* – единственная форма определенного артикля в английском языке. Тем не менее, как и во многих европейских языках, в кельтском он имеет несколько форм в зависимости от категорий числа, рода, падежа и первоначальной буквы или букв следующего существительного.

Показатель единственного числа *a'* используется перед существительным женского рода в именительном падеже, который начинается с *b(h)*, *c(h)*, *g(h)*, *m(h)*, *p(h)*, как в *A' Bheinn*, *A' Chruach*, *A' Phairc Loisgte*, или перед существительным мужского рода в родительном падеже, который начинается с *b(h)*, *c(h)*, *g(h)*, *m(h)*, *p(h)*, как в *Scron a' Bhaird* (*нос поэта*), который содержит родительный падеж существительного (*поэт*) *am bard*, *Allt a' Choire Dhuibh* (*выжигание чернозема*), который содержит родительный падеж существительного *an coire dubh* (*черная земля*):

am – перед существительным мужского рода в именительном падеже, начинающегося с *b*, *f*, *m*, *p* как в *Am Fasgadh*, *Am Meall*;

an – перед существительным мужского рода в именительном падеже, который начинается с любого согласного, кроме *b*, *f*, *m*, *p*, как в *An Cnap*, или перед существительным женского рода в именительном падеже, который начинается с гласного или *f(h)*, как в *An Aird*, *An Fhang*;

an t- – например, перед существительным мужского рода в именительном падеже, который начинается с гласного, как в *An t-Inbhir*, перед существительным мужского рода в родительном падеже, который начинается с *s* + гласный, *l*, *n*, *r*, как в *Cnoc an t-Sagairt* (*холм священника*), который содержит родительный падеж существительного *an sagart* (*священник*), *Meall an t-Sluic*, который содержит родительный падеж существительного *an sloc* (*впадина*); или перед существительным женского рода в именительном падеже, который начинается с *s* + гласный, *l*, *n*, *r*, как в *An t-Sail Bheag*, *An t-Sron*. Следует отметить, что во всех случаях следующая за *an t-* первая буква не произносится:

na – перед существительным женского рода в родительном падеже, которое начинается с согласного, как в *Loch na Beiste* или *Port na Cille*;

na h- – перед существительным женского рода в родительном падеже, который начинается с гласного, как в *Gob na h-Airde Moire*, где присутствует существительное *An Aird Mhor* (большой мыс) в родительном падеже.

Показатель множественного числа **na** используется перед существительными мужского и женского рода в именительном падеже, которые начинаются с согласного, как в *Na Cnuic Liatha*, множественное число *an cnoc liath* (серый холм) (*cnoc* – мужского рода). *Na Croitean*, множественное число *a' chroit* (приусадебный участок) (*croit* – женского рода):

na h- – перед существительными мужского и женского рода в именительном падеже, которые начинаются с гласного, как в *Na h-Easan*, множественное число *an t-eas* (водопад) (*eas* – мужского рода) или *Na h-Innsean*, множественное число *an innis* (*innis* – женского рода);

nam – перед существительными мужского и женского рода в родительном падеже, которые начинаются с *b, f, m, p*, как в *Toll nam Broc*, *Creag nam Fithreach*;

nan – перед существительными мужского и женского рода в родительном падеже, которые начинаются с любой буквы кроме *b, f, m, p*, как в *Druim nan Toll*.

Рассматривая заимствования в английской топонимической системе как диалектизмы, мы отмечаем специфику их образования с точки зрения сохранности грамматической структуры германских языков. Ретроспективный анализ ситуации лингвоэтнического контактирования дает возможность увидеть сложную картину языковых состояний, изучение которых осуществляется на основе интегративных методик с учетом кельтских и скандинавских диалектных заимствований, этимологических подтверждений, социолингвистических аспектов английской топонимии.

§ 5. Универсалии в системе русской и английской топонимии

Интерес исследователей к топонимии в связи с культурой нации, историей развития этноса значительно активизировался в последнее время [Гордеева 1997, Ли Инъин 2002, Семушкин 2000, Ардеев 1993, Козлов 2000, Земскова 1996, Сагидулин 2002, Панасенко 2000, Томашевская 1995, Широков 2002, Воронцова 2002].

Мы следуем определению нации как «исторически сложившейся человеческой общности, живущей на одной и той же территории..., обладающая единым пространством культурных, нравственных и экономических ценностей» [Фролов 2005]. Историко-хронологические данные британских островов показывают, что, начиная с IX в. территории Нортумбрии, Мерсии и Англии подвергались постоянным вторжениям со стороны скандинавов. Миграция поселенцев с целью захвата новых территорий способствовала укреплению флота и строительству крепостей, окруженных рвами и валами для защиты местного населения от захватчиков, что повлекло появление топографических названий *ford, boro, here, cestre*. Изучение административной терминологии севера и востока

Англии позволила определить зону, заселенную скандинавами. Рубеж между двумя королевствами проходил по реке Темзе. На территории востока действовал закон Денло, означавший поселение датчан. Скандинавы принесли с собой набор личных имен, которые употреблялись для названий хуторов, деревень, вторичных поселений (английский вариант (-*lun*), скандинавский (-*by*). Около 700 английских названий поселений с компонентом -*by* доказывают важность скандинавского влияния на английскую терминологию. Так появились топонимы *thorp* (вторичное поселение), *lundr* (поща), *bekkr* (река), *slakki* (небольшая долина). Скандинавское влияние является итогом длительного процесса колонизации земель Англии. Появление топонимов со скандинавскими элементами росло. Датчане и норвежцы, поселившиеся в Англии, придерживались родного наречия, которое во многом было схоже с английским. Названия лесов, полей, долин и возвышенностей, т. е. объектов локального характера имели и английские, и скандинавские элементы. Отмечается, что даже члены одной семьи могли носить и английские и скандинавские имена. Исследования профессора Уайтлока подтверждают континентальное влияние на выбор имени в Англии: к концу XII века европейских имен оказалось приблизительно 95%. Распространение гибридных названий, в которых скандинавские имена объединяются с английским элементом -*lun*, свидетельствует о взаимовлиянии языков. Отношения прошлого и местного населения складывались относительно спокойно (часть земель скандинавы приобретали законным путем), поэтому заимствования – названия широко использовались носителями английского языка, хотя часть их была подвергнута значительной адаптации.

Взаимовлияние языков в условиях этнических контактов порождает формирование территориальных универсалий, которые участвуют в ономастических словосложениях. Выявлению универсальных и диалектных особенностей топонимов уделяют большое внимание академик Н. К. Фролов, исследуя в синхроническом плане семантическое сходство в номинации однородных объектов, а также выявляя различия звучания и значения номенов в этнолингвистической ситуации.

Попытка сгруппировать лингвоэтнические знаки, относящиеся к гидрообъектам (реки, речки, ручьи, протоки, ключи, и др.), включая обозначения их особо отличительных характеристик (ширина, глубина, судосходность, наличие рыбы, цвета воды и т. д.) приводит автора к мысли о разнообразии лексем и их универсальности [Фролов 2005].

Вариативность лексемы, ее диалектная окраска представляет наибольший интерес, так в мансийских говорах *ари* – речка, *ас* – большая река, *ах* – небольшая река, *ах/ахт* – речка, соединяющаяся с озером, *посал* – протока, *сойм/соком* – родник, *сос/шош* – ручей, *сунт* – устье реки, *ялун* – ключ.

Важно отметить, что количество знаковых единиц для проточных источников в диалектах различно: манси – 14, ханты – 25, ненцы – 12, селькупы – 18. набор русских по происхождению гидроапелативов более ограничен – река, речка, ключ, родник, исток и другое. В Тюменской области свыше 300 тысяч болот и озер. Однако в языках автохтонных жителей Ханты-Мансийского и

Ямало-Ненецкого округов эти многочисленные гидрообъекты обозначены относительно небольшим числом номенов: манси – 10, ханты – 9, селькупы – 6.

Проведя анализ сходных по звучанию и значению ономов, выявляем параллели:

Река: Ась (манс.)	Ас (хант.)
Родник: Сойм (манс.)	Саис (хант.)
Протока: Посал (манс.)	Пасыл (хант.)

Таким образом осуществляется реконструкция архетипных форм апеллятивов субстратов.

Э. М. Мурзаев описывает западноевропейские универсалии, например *Krone, crown, corona*, восходит к латинскому *corona* [Мурзаев 1995]. Это слово нашло свое отражение в топонимии как образно передающее признак объекта. Карты многих стран Европы, Америки пестрят названиями Кронтон, Кроненберг, Кронхорст. Семантика таких названий отражает «королевский» в Краун принс – Фредерик – остров (на севере Канады) или в названии Лондскрона (шведская крепость).

В Москве на Красной площади известно Лобное место. В прошлом на высоком берегу Москвы реки был установлен помост, где читались царские указы. В географии лоб – «мыс, крутой высокий берег, выступ горы, округлая вершина, куполообразный останцовый холм». В. И. Даль определяет лобное место как «возвышенность, холм, курган, сопка, место казни».

Значение холма, возвышенного места для народных встреч передается в английском языке словом *stone* (камень) в топониме *Brixges stan*, где *Brixges* – имя владельца холма для проведения собраний.

Образы входа, выхода являются в номинации приморских городов, проливов, горных ущелий. В славянской топонимии: *Карские ворота*, *ущелье Голдеевские ворота* на реке Уссури, *Зейские ворота* – на сибирской реке, *Моравские Врата* – в Чехии, *Вратная долина* – в Словакии и т. д. В тюркской топонимии слово «ворота» встречается часто: *есик* – (дверь) в Иссык-Куль в Кыргызстане, *халаг-ворота* в Темир-Кахлага в Узбекистане. Продуктивно слово *кыа* (ворота) в Индокитае: *кыа-ай* (горный перевал), *кыа-биен* (устье реки и морской порт).

В английском языке распространена финаль топонима *gata* (проход, ущелье, дорога). В латинском *porta* (ворота, дверь, вход, проход) и *portus* (гавань): совпадение понятий в одном из древних языков закономерно и подтверждается заимствованиями-топонимами во многих странах мира: *Gosport* (вход на рынок, где продают гусей), *Port-the Belly* (порт в устье реки), *Порта дела карта* (вход в Герцогский дворец в Венеции).

Приведенные лексические параллели четко указывают на универсальность значений «вход, дверь, ворота, проход, перевал, гавань, порт», что отразилось в географической номенклатуре: Порт-Артур, Портленд, Пуэрто-Рико, Порт-Луи, Порт-оф-Спейн.

В гидронимах часто присутствует образ, характеризующий особенности рек, озер, ручьев. Интересен топонимический ряд, в основе которого лежит понятие бурный, быстрый, стремительный. Украинская *борзина* (быстрое течение, перекат) – в названии реки *Борзина*, *Борзенка*, *Бырса*, *Бзура* – в Польше, *Бырса*

– в Румынии. В английском языке *bryw* (быстро текущая) присутствует в названиях: *Bourton-on-the-Water*, *Bourton-upon-trent*, *Black Bourton*, *Burton Constable*, *Broxburn*, *Bruton* и т. д.

Возвышенное место – горка, скала, холм, большой камень на берегу озера, моря, откуда открывается широкий горизонт для наблюдения, используется для караула, заставы *Forfar*: E: *For*←Gaelic: *forhir* (место) + E: *far*←Gaelic: *faire* (наблюдать).

В военных целях использовались сигнальные огни *Brecon Beacons*. Сейчас это название ряда горных вершин образовано от имени принца Уэльса *Brychan* + *Beacons* (огни).

Числительные топонимы *Fivemiletown*, *Filey* (пять полей) редки, в частности, в названиях гор: *Двойная Двуглавая*, *Трехгранный Пик*, *Семисотенная Шишка*.

Эмоциональное восприятие объекта, описательный характер его признаков обнаруживаются в: *Полуденные горы*, *Бешеная балка*, *Greatstone – Littlestone*, *Groombridge* (место встречи слуг), *Faiford* (чистая дорога), *Fulford* (грязная дорога), *Gresford* (пересечение дорог), *Greystones* (из серого камня). Речь идет о признаках, определяющих мотивировку номинации географических объектов, о метафорах. Горы, озера отличаются по форме, размерам, окраске. Реки могут быть тихими, бурными, горы – крутыми, лесистыми и т. д. Каждый объект обладает количественно-качественным признаком. Народ выбирает из всех признаков наиболее яркий, видимый. Кроме того, топоним должен соответствовать языковой норме, следовать модели. Имя должно обладать адресной функцией, пространственной ориентацией.

Выбор мотивировочного признака в процессе номинации определяется лингвистическими и экстралингвистическими факторами. Признаки объекта могут быть реализованы разными структурно-семантическими моделями (именем существительным, прилагательным, предложным оборотом). Корневые и аффиксальные морфемы должны точно и образно отражать реалию, выражать и эмоционально-экспрессивную, и денотативную соотнесенность. Создание номинативной единицы происходит либо посредством использования имеющихся в языке средств, либо путем оригинального решения собственноназвания.

«Мотивированность – желаемый результат отражения в лексической единице средствами языка определенного признака его лексического значения» [Кияк 1988]. Целесообразно различать три вида мотивированности: семантическую, морфологическую, фонетическую. Семантическая мотивированность находит свое отражение в лексическом компоненте, а морфологическая – в словообразовательном (корни, суффиксы, окончания). Мотивировка антропонимов обусловлена экстралингвистическими факторами, такими как социальная и территориальная принадлежность, биологическая, физическая, интеллектуальная характеристика лица. В речевой практике имя становится просто дифференцирующим знаком. Имена отапеллятивного характера рассматриваются как вторичные номинации [Голомидова 1987].

Английские топонимы образованы в основном от имен собственных (признак) + апеллатив или географический термин (поселение, залив, порт, гавань).

Многие названия городов возникают от значимых социальных объектов, гидронимов (рек, озер, ручьев). Многие битвы при завоеваниях оставили свой след: в топонимах отражены военные термины: сигнальные огни, пост наблюдения, сгоревший лес. Растения (папоротник, раkitник), деревья (береза, дуб, ива), животный мир (овца, коза, олень) также отражены в названиях.

В отдельных топонимах признак отражает пространственную ориентацию, описание объектов. Здесь ярко прослеживается метафора, мотивированность называния (*большой – малый, чистый – грязный, прекрасный – плохой, цвет – зеленый, белый*). В лингвистическом плане преобладают топонимы сложные, двухсоставные (база + признак), реже используется суффиксальный способ (предложные сочетания в виде суффиксов: *-on-the-Hill*).

Сопоставительный анализ древних и современных топонимов шотландского, уэльского, ирландского диалектов позволяет выявить палеоформанты-германизмы:

Avon -eva -ive -anne -inneу река

Напр.: Avonmore, Evan, Ive, Anne, Inney

All -aul -ell -lu яркий, красивый, белый

Напр.: Moyallan, Derraulin, Alan, Ellen, Lune

Ср. антропоним Елена Прекрасная

Напр.: Alltan, Garvald, Altaggart Burn, Old Water of Cluden

Ar -arw -air быстрый, стремительный

Aire, Arre, Arrow

Ср. совр. англ.: air воздух

Beap -ber -bar -bew вершина холма

Напр.: Bengore, Bannagh, Ben Nevis, Berwyn, Barglass

Ср. совр. англ.: Big Ben

By -byг местожительство

Напр.: Aulesbere, Beer Alston, Beardon, Bearhaven, Whitby, Duncansbay

Cluan -clon -clin луга

Напр.: Clonmel, Clintyckracken, Clane, Cloncaird, Clunes

Glen -glan -glin -glean долина

Напр.: Glenamaddy, Glandine, Clin

Deas -ass -des -dis правая рука

Напр.: Ratass, Deskart, Diskirt

Ср. рус.: десница

Field -fjeld -fell лесная поляна с поваленными деревьями, рубка леса

Напр.: Dryfield, Scafell

Ср. сов. англ.: field поле, fall падать

Mark -merk -mar граница

Напр.: Marbury, Merkbury, March, Marchmont

Ср. совр. англ.: to mark отмечать

Подобные универсалии встречаются в германских языках: plas – дворец (совр. англ. palace), poll – водоем (совр. англ. pool), scoll – школа (school), strath – долина (street), tri – числит. «три» (three), wick – место, где добывают соль (Droitwich, Wickham, Wicklow).

Чередующиеся сегменты выравниваются, остаются наиболее значительные. Их анализ позволяет выявить:

- адстраты – формы, которым соответствуют близкие по значению форманты в живом англ. языке;
- субстратные форманты, которые не имеют аналога в современном английском языке, но широко используются в германских языках;
- суперстратные форманты, древнейшие заимствования, имеющие аналоги в индоевропейских языках, а также славянском.

Таким образом исследование ономастического любого региона включает этнографический, культурноисторический и лингвистический аспекты. Семасиологические и ономазиологические методы исследования позволяют выявить узуальные и диалектные особенности этносов в условиях языковых контактов. Универсалии, характеризующие топонимику в целом, всегда привлекали внимание исследователей, и являются актуальными в последние десятилетия в плане развития когнитивного подхода к исследованию языковых явлений.

Краткие выводы

В IV главе рассматривается малоизученная проблема межъязыковых контактов в отношении структурно-семантической организации, этимологии и морфемии. Создание всей совокупности географических названий явилось результатом многовековых усилий автохтонного населения в условиях контактирования различных языков. Влияние эндемической топонимической системы на формирование национальной топонимии не вызывает никакого сомнения и, более того, нацеливает на теоретические и практические аспекты изучения фонетической, морфологической и лексико-семантической адаптации топонимического субстрата в диахронии, а также проблем его трансференции. Все это определяет предпосылки создания общезыковых новых концепций лингвоэтнического взаимодействия.

Использование комплекса новых методических приемов ономастического исследования позволило выявить структурные характеристики русского и английского топонимического тезауруса, решить вопросы интерференции заимствованной топонимической лексики. На обширном фактическом материале апробируются критерии семантизации топонимов и их классификации, на основе комплексного анализа русских и англоязычных по происхождению географических названий выявляется морфемный спектр, устанавливаются структурно-семантические модели, сопоставляются возможности диахронического и синхронического описания топонимической системы в целом. рассматривается функционирование топонимии в ее связи с историей развития общества, объясняются факты выравнивания топоформантов в условиях языкового контактирования в диахронии. Сопоставление русской и англоязычной топонимии, показывает становление топонимической системы во всей сложности и многообразии лингвоэтнических процессов, способствует выявлению корневых универсалий, характерных для языков индоевропейской семьи, позволяет описать сходства и различия топонимов русского и английского языков на морфонетическом, лексикосемантическом, и структурно-синтаксическом уровнях.

Топонимы служат важным источником дописьменной истории народов и их языков, который позволяет в известной мере судить о языковых контактах прошлого, реконструировать этнические связи ныне живущих наций и исчезнувших народностей. Топонимия отражает ареалы расселения автохтонного населения, пути исторических передвижений народов и их возможного контактирования. Это дает право считать топонимические разыскания актуальными для дальнейшего изучения лингвоэтнических аспектов исторических и языковедческих дисциплин. Достигнутые на первоначальном этапе результаты свидетельствуют об эффективности и перспективности предложенной методики описания топонимического пространства для познания истории дописьменных периодов формирования языков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исторически сложившиеся топонимические системы, как правило, неоднородны, объединяют источники и материалы межъязыковых контактов различных исторических эпох. Расширение спектра географических названий происходит благодаря процессам онимизации апеллятивной лексики, наблюдается обогащение словарного запаса при формировании оттопонимных апеллятивов.

Обширная панорама исследований топонимии, различные принципы описания географических объектов, разнообразие теоретических концепций не всегда эффективны при отсутствии личности этноисторического и лингвистического описания топонимов.

Этнолингвистическая интерпретация русских и английских географических названий, ставшее целью диссертационного исследования, позволила охарактеризовать ряд теоретических положений относительно модели комплексного изучения исторически сложившихся, внутренне организованных разрядов топонимов, функционирующих на конкретной территории. Понятие комплексного подхода в содержании диссертации раскрывается, во-первых, за счет диахронического исследования топонимии и анализа ее синхронического состояния, когда определяется состав единиц фонетического лексико-семантического и структурно-синтаксического уровней.

Комплексность исследования достигается благодаря совокупному описанию топонимической лексики в ее связи с апеллятивным словарем, выявлению внутриномастических лексико-семантических отношений, сущности топонимической деривации и морфемики. Предложенный исследовательский подход дает возможность обнаружить топонимические универсалии независимо от их языковой атрибуции, проследить эволюцию нескольких пластов географических наименований, закономерности взаимовлияния исконной и заимствованной топонимии. Анализ топонимической стратиграфии, интерференции и трансференции, взаимосвязи культурно-исторического наследия нации и истории топонимики был бы необъективным без учета комплекса лингвистических, географических и исторических данных.

Конкретные результаты и выводы предпринятого исследования русской и англоязычной топонимии можно представить следующим образом:

Система русской топонимии, судя по материалам картографических, печатных и рукописных архивных источников, сложилась к началу XVIII века. Топонимический континуум в последнее трехсотлетие постоянно пополнялся прежде всего за счет собственно русских наименований, возникавших в ходе освоения территорий заселения на базе узуальных и диалектных номинативных единиц. Они составляют в современном топонимиконе около 80% устных разговорных и чуть менее 70% письменных литературных форм зафиксированных топонимов. Приблизительно одна треть топонимического словаря представлена иноязычными наименованиями, заимствованными из языка пришлого населения.

Исходя из общезыковых принципов мотивации возникновения наименований географических реалий, мы квалифицируем сущность номинации как

процесс рациональный, в котором отражается стремление человека запечатлеть с помощью слова естественноприродные или, наоборот, искусственные признаки объекта. Ставший онимом апеллятив раскрывает признаки однотипных понятий. Мотивы номинации, как правило, универсальны, что порождает наличие семантических эталонов, лексических и словообразовательных моделей топонимов. Вместе с тем мотивировка наименования объекта всегда специфична, поскольку обусловлена этнолингвистическими и социально-историческими факторами, в которых отражены мировоззрение, культура и традиции местных жителей. В целях номинации используются слова, обозначающие типы объектов, имена людей и народов, названия растений и животных, важное событие, пространственный ориентир и многое другое.

Распределение топонимов по лексико-семантическим группам основывается на дифференциации самих географических объектов. Каждая группа принадлежит к одной предметно-понятийной сфере, отличается тематической близостью значений и семантических связей между топонимами. Так, группа названий, лексической базой которых послужили узусные термины и диалектные номены, получает свою автономию благодаря схожести денотатов, близости звучания онима и апеллятива. Несмотря на то, что тот и другой является средством номинации объекта, их понятийное содержание неоднозначно. Лексико-семантические системы в русском и английском языках включают тематические группы слов, подчиненные родовидовым отношениям. Тематическое распределение топонимов завершается выделением словообразовательных моделей. Лексико-семантические группы представлены 10 разрядами: гидро- и топографические реалии, материальная и духовная сфера, посессив, пространственная ориентация, отличительные черты объектов, зоонимы, фитонимы. ЛСГ аккумулируют родовые понятия, семантические типы объединяют близкие по смыслу онимы, топомодель включает типовые форманты (морфологическая сочетаемость с корневой основой) и МГТ, возникшие в условиях языковых контактов. Очевидно, что у собственного имени преобладает номинативно-указательный, а у нарицательного имени – сигнификативно-логический аспект.

Лексико-семантическая классификация топонимов позволила ответить на главный вопрос, каковы внутренние парадигматические связи топонимических единиц во времени и пространстве. Стратиграфия исходных топооснов, всего состава аффиксов, в том числе инициальных и финальных морфов в заимствованной топонимии, свидетельствует о перманентности процесса лексического обогащения русской и англо-язычной топонимии. Этот процесс характеризуется также некоторыми тенденциями стандартизации топонимических типов, создающих перспективу сужения семантических и структурных моделей топонимов.

В системе изучаемой топонимии приоритетом пользуются номинативные модели, среди которых главенствуют наименования – посессивы. На втором месте оказываются топонимы, появившиеся в результате онимизации номенклатурной лексики, относящейся к обозначениям материальной культуры, флоры и фауны.

Морфемный спектр топонимии представлен более чем тридцатью топорформантами суффиксального типа (без учета их вариантов), отличающимися различной степенью продуктивности в зависимости от времени формирования и активности словообразовательных моделей. В русском языке топонимическая деривация осуществляется главным образом морфологическим способом, в котором суффиксальным путем образовано две трети всех названий. Префигированные названия составляют не более 2%, префиксально-суффиксальные и конфиксальные – не более 8% всех топонимообразований. Топонимы, созданные семантическим способом, почти вдвое уступают морфологическим образованиям, хотя и сохраняют свое постоянство на всем протяжении формирования русской топонимии. В английском языке преобладают семантические и синтаксические способы топонимообразования. Морфологические процессы: стяжение и усечение, гибридизация, адаптация и дубликация широко представлены в английской топонимии, выражая творческий потенциал имяназвания.

Инкорпорирование иноязычных заимствований в исконный топонимикон обусловлено древними и современными межъязыковыми контактами. Заимствованные топонимы иноязычного происхождения относятся в основном к числу контактных лексических заимствований. Наличие суперстратных наименований угорского происхождения в русской топонимии, кельтского и скандинавского происхождения – в английской топонимии сигнализирует о достаточно древних контактах пришлого населения с предками индоевропейской семьи.

В результате сопоставительного анализа русского и английского регионального ономастиконов определены характерные закономерности их формирования в условиях межъязыковых контактов, выявлены этнолингвистические особенности морфонологического, структурного, лексического и семантического уровней функционирования, показан изоморфизм формы и содержания в связи с размытостью морфологических швов, демотивированностью топонимов, варьированием и выравниванием формант.

Хронологические аспекты формирования топонимических систем свидетельствуют о наличии адстратов, субстратов и суперстратов. Расширение состава топонимических моделей осуществляется благодаря инкорпорированию заимствований.

В диахронии наблюдаются постоянные структурные модификации: корреляция онимов фразеологизмами и, наоборот, их стяжение в топонимические форманты. Семантическая деривация способствует апеллативации имен собственных и онимизации имен нарицательных.

Адстратные топонимы сохраняют живую связь с исходным языком, они без труда обнаруживают свою инородность в исконной языковой среде. Субстратные топонимы представляют собой заимствования из языков народов, некогда проживавших на данной территории или проживающих там в настоящее время, но частично или полностью утративших связь с родным языком. Это подтверждается возможностью «перевода» названия на какой-либо язык при соблюдении определенных правил фонетико-морфологической и семантической реконструкций. Суперстратные топонимы, отличающиеся ввиду трансференции той или иной степенью деформации, адаптации относятся к числу са-

мых ранних заимствованных наименований, этимологическая интерпретация которых характеризуется исключительно условностью, однако позволяет выявить универсалии, характерные как для языков генетически родственных, так и отдаленных.

Адаптация названий пришлого населения нацелена на лингвохронологическую дистрибуцию топонимических стратов и их языковую принадлежность. Это позволило изучить специфику субституционных процессов контактировавших звуковых систем в их эволюции, установить частные закономерности изменений звуковой оболочки топонимов. Универсальными оказались пути морфологического приспособления к строю местного языка иноязычных названий. Все они приобретают отсутствующие в исходных языках, но характерные для современных наименований грамматические признаки. Несмотря на общность принципов семантической адаптации заимствованных названий приобретение ими актуального значения и последующая ликвидация семантической изолированности всегда индивидуальны.

В ходе исследования были выявлены типичные структуры заимствованных топонимов, состав топоформантов. Описание инициальных основ и финальных формант дает право судить об особенностях топонимии, старых и новых ареалах проживания ее создателей.

Таким образом, комплексное структурно-семасиологическое описание с элементами ономасиологического анализа системы русской и английской топонимии является важным этапом теоретического и практического осмысления системы топонимии. В конечном счете топонимические факты, представленные в диссертации, расширяют представления о динамике формирования топонимии, ее обогащении заимствованными наименованиями, в совокупности отражающими ландшафт, растительный и животный мир, материальную и духовную культуру человека.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абрамов Н. А. Догадка о значении имен некоторых мест Тобольской губернии // Журнал Министерства народного просвещения, 1840, Ч. 30. С. 80-91.
2. Аванесов Р. И. и др. Вопросы теории лингвистической географии. М.: Наука, 1962. С. 39-46.
3. Агеева Р. А. Славянские, балтийские и финно-угорские элементы в топонимии русского северо-запада // Перспективы развития славянской ономастики. М.: Наука, 1989. С. 250-258.
4. Агеева Р. А. Топонимика как источник изучения истории заселения края // Топонимика на службе географии. № 110. М.: Мысль, 1979. С. 71-76.
5. Адамович Е. М. Варианты названий и названия – ориентиры // Микротопонимия. М.: МГУ, 1967. С. 63-70.
6. Азарх Ю. С. Апеллятивный и ономастический словообразовательные типы // Лексика и фразеология северно-русских говоров. Вологда, 1980. С. 137-144.
7. Азнагулов Р. Г. Топонимы финноугорского происхождения в бассейне рек Самара, Сакмара, Сим // Ономастика Поволжья, 2. Горький, 1971.
8. Алабугина Ю. В. Календарные имена в топонимии Русского Севера: Дисс. ... канд. филол. наук: Свердловск, 1989. 205 с.
9. Алишина Х. Ч. Историко-лингвистическое исследование ономастикона сибирских татар (на материале Тюм. обл.): Автореф. дисс. ... докт. филол. наук: Казань, 1999. 48 с.
10. Алишина Х. Ч. Тоболо-иртышский диалект языка сибирских татар. Казань: Казан. пед. ин-т, 1994. 119 с.
11. Альбрут М. И. Географические названия Челябинской области // Доклады научно-краеведческой конференции Челябинского отдела Географического общества СССР. Челябинск, 1966, вып. 2.
12. Амосова Н. Н. Этимологические основы словарного состава современного английского языка. М., 1956. 218 с.
13. Андреева К. А. Грамматика и поэтика нарратива в русском и английском языках. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Екатеринбург, 1998. 47 с.
14. Андреева К. А. Лингво-цветовая картина мира // Language and Literature № 3 // URL.: <http://www.tsu.tmr.ru/frgf/journal/htm> 2001.
15. Аракин В. Д. Тюркские лексические элементы в памятниках русского языка монгольского периода // Тюркизмы в восточнославянских языках. М.: Наука, 1974. С. 112-147.
16. Ардеев И. Д. Русская гидронимия на территории древнего расселения мордвы: Дисс. ... канд. филол. наук : Нижний Новгород, 1993. 211 с.
17. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка. М.: Наука, 1986. С. 78-85.
18. Арутюнова И. Д. Предложение и смысл: логико-семантические проблемы. М.: Едиториал УРСС. 2005. 384.

19. Арутюнова И. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука. 1988. 341 с.
20. Арутюнова И. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
21. Арьянова Т. В. Родо-видовые отношения в фитонимике среднеобских говоров // ВЯ и сибирской диалектологии. Томск, 1977. С. 76-80.
22. Астафьева И. А. Способы номинации в речевой ситуации города: (на материале ойкодомонимов г. Омска): Дисс.... канд. филол. наук: М., 1996. 148 с.
23. Бабенко Л. Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа. М.-Екатеринбург, 2004.
24. Бакшеева М. Г. Топонимическая конверсия географических апеллятивов: Дисс.... канд. филол. наук: Тюмень, 2001. 244 с.
25. Баранов А. Н. О типах сочетаемости метафорических моделей // ВЯ, 2003. № 2. С. 73-94.
26. Баранова Т. А. Топонимия Тобольска и его окрестностей: Дисс. ... канд. филол. наук: Екатеринбург, 1994. 274 с.
27. Барановская М. М. О некоторых источниках уральской топонимической картотеки // Вопросы топонимастики. Свердловск, 1967, вып. 3.
28. Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. М.: Наука, 1979. 263 с.
29. Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI – XVII веках. М.: Госиздат, 1935. 116 с.
30. Бахтиев Ш. 3. По поводу названия Урал // Вопросы топонимастики. Свердловск, 1974, вып. 8-9.
31. Беленькая В. Д. Очерки англоязычной топонимики. М.: Высшая Школа, 1977. 227 с.
32. Беленькая В. Д. Топонимия в составе лексической системы языка. М.: МГУ, 1969. 168 с.
33. Белецкий А. А. Лексикология и теория языкознания (ономастика). Киев: КГУ, 1972. 209 с.
34. Белозерова Н. Н. Чуфистова Л. Е. Когнитивные модели дискурса: Учеб. пособие. Тюмень: Издательство ТЮмГУ, 2004. 256 с.
35. Беляева Т. М. Словообразовательная валентность глагольных основ в английском языке. М.: Высшая школа, 1979. 183 с.
36. Белякова С. М. Образ времени в диалектной картине мира (на материале русских старожильческих говоров юга Тюменской области): Монография. Тюмень: Издательство ТЮмГУ, 2005. 264 с.
37. Березович Е. Л. Семантические микросистемы в русской топонимии: Дисс. ... канд. филол. наук: Екатеринбург, 1992. 263 с.
38. Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Автореф. дисс.... докт. филол. наук. Екатеринбург, 1999. 37 с.
39. Блинова О. И. Мотивология и ее аспекты. 2-е изд. стереотип. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. 394 с.
40. Блинова О. И. Русская диалектология. Лексика: Учебное пособие. Томск: ТГУ, 1984. 133 с.

41. Блох М. Я. Надфразовый синтаксис и синтаксическая парадигматика // Проблемы грамматики и стилистики английского языка / Ред. М. Я. Блох. М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1972. С. 195-225.
42. Блох М. Я. Ядерный уровень в парадигматическом синтаксисе (к проблеме понятия) // Синтаксические исследования по английскому языку / Учен. зап. Т. 416. М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1971. Вып. 1. С. 41-54.
43. Блох М. Я. Диктема в уровневой структуре языка // Вопросы языкознания. 2000, № 4. С. 56-67.
44. Блох М. Я. Теоретические основы грамматики: Учеб. – 4-е изд., испр. М.: Высшая школа, 2005. 239 с.
45. Богачева М. В. К вопросу о реконструкции апеллятивов по данным топонимии // Словесность и современность: Мат-лы науч. конф. Пермь, 2000. С. 98-105.
46. Богданович А. Е. Язык земли. Этнологический очерк по данным водно-речной номенклатуры и другим материалам. Ярославль, 1966. 118 с.
47. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию: В 2-х т. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 311-320.
48. Бондалетов В. Д. Русская ономастика. М.: Просвещение, 1983. 224 с.
49. Бондарук Г. П. История формантного метода в топонимике // Питания ономастики. Киев, 1965. С. 19-25.
50. Борек Г. Восточнославянские топонимы с формантом // Восточнославянская ономастика. М.: Наука, 1972. С. 90-144.
51. Бояршинова З. Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск: ТГУ, 1960. 148 с.
52. Варникова Е. Н. Русская топонимия Среднего Посухонья в ономастическом аспекте: Дисс. ... канд. филол. наук.: Вологда, 1988. 236 с.
53. Васильева С. П. Русская топонимия Приенисейской Сибири: картина мира: монография. Красноярск, 2005. 240 с.
54. Васильева С. П. Концепт вода по данным гидронимии Приенисейской Сибири // Вестник КГУ. Гуманитарные науки. Красноярск: КГУ, 2005. № 6. С. 120-124
55. Вахрушев Г. В. Значение топонимии в познании недр Башкирии // Всесоюзная конференция по топонимике СССР (28 января-2 февраля 1965 г.). Тезисы докладов и сообщения. Л., 1965.
56. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997. С. 87-110.
57. Виноградов В. В. Вопросы современного русского словообразования // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. С. 155-166.
58. Виноградов В. В. Очерки истории русского литературного языка XVII-XIX вв. М.: Учпедгиз, 1938. 443 с.
59. Виноградов В. В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове). Изд. 2-е. М.: Высшая школа, 1972. 598 с.
60. Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию // Избранные работы по русскому словообразованию. М.: Учпедгиз, 1959. С. 43-91.

61. Воробьева И. А. Топонимика Западной Сибири. Томск: ТГУ, 1977. 150 с.
62. Воробьева И. А. Русская топонимия средней части бассейна Оби. Томск: ТГУ, 1973. 246 с.
63. Воробьева И. А. Язык земли. О местных географических названиях Западной Сибири. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд., 1973. 153 с.
64. Воронова И. А. Адаптация английской топонимической лексики в рус. языке XVIII века: Дисс. ... канд. филол. наук: Донецк, 1985. 253 с.
65. Вуоно Г. П. Основные типы мансийских топонимов в устном употреблении // Топонимика Востока. М.: Наука, 1964. С. 115-125.
66. Гак В. Г. Сопоставительная лексикология: на материале французского и русского языков. М.: Международ. отношения, 1977. 264 с.
67. Гак В. Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация (Общие вопросы). М.: Наука, 1977.
68. Гарипов Т. М. Фонетическая адаптация русских вхождений в тюркские языки Урала и Западной Сибири // Взаимодействие русского языка с языками коренных поселенцев Урала и Западной Сибири. Тюмень: ТГУ, 1985. С. 5-11.
69. Гинатуллин М. М. К проблеме мотивированности слов на материале наименований птиц // Актуальные проблемы лексикологии. Новосибирск, 1969. С. 7-24.
70. Глебко Г. И. Ойконимия бассейна Нижней Печоры: Дисс. ... канд. филол. наук: СПб., 2002. 292 с.
71. Глинских Г. В. Мансийские субстратные топонимы в русских говорах по р. Тавде // Этимология русских диалектных слов. Свердловск, 1978. С. 109-179.
72. Глинских Г. В. О принципах и методах исследования субстратной топонимии // Методы топонимических исследований. Свердловск, 1983. С. 3-22.
73. Глинских Г. В. Русская топонимия мансийского происхождения в бассейне р. Тавды: Автореф. дисс.... канд. филол. наук: Свердловск, 1972. 26 с.
74. Голомидова М. В. Искусственная номинация в русской ономастике: Дисс.... докт. филол. наук.: Екатеринбург, 1998. 375 с.
75. Голомидова М. В. Искусственная номинация в топонимии: Автореф. дисс.... канд. филол. наук: Свердловск, 1987. 17 с.
76. Горбаневский М. В. Русская городская топонимия: (Проблемы ист.-культ. изучения и современного лексикографического описания): Дисс. ... докт. филол. наук: М., 1994. 432 с.
77. Горбаневский М. В. Русская городская топонимия: Методы историко-культурного изучения и создания компьютерных словарей. М.: Принт, 1996. 247 с.
78. Гордеева О. В. Русская гидронимия и ойконимия бассейна реки Обвы на Западном Урале. Дисс. ... канд. филол. наук: Пермь, 1997. 261 с.
79. Грамматика современного русского литературного языка. Введение в морфемике. М.: Наука. 1970. С. 27-54.

80. Грибанова Л. В. Структурно-семантический и ономастологический аспекты номинации экономических объектов отдельного региона: Дисс... канд. филол. наук : Брянск, 2002, 251 с.
81. Гуревич В. В. Теоретическая грамматика английского языка. Сравнительная типология англ. и русск. языков // Учебное пособие. М.: Флинта, Наука, 2004. 168 с.
82. Гусынина Е. Б. Словообразовательный потенциал имен собственных в контексте их восприятия. 1997. <http://www.kcn.ru/tat-ru/science/news/lingv-97/n113.htm>.
83. Даниленко В. П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977. 243 с.
84. Данильченко А. В. Функционирование топонимов в русском газетном тексте: Дисс.... канд. филол. наук : Одесса, 1991. 200 с.
85. Десницкая А. В. Сравнительное языкознание и история языков. Изд. 2-е, испр. М.: Едиториал УРСС. 2004. С. 163-210.
86. Дмитриев Н. К. Строй тюркских языков. М.: Наука. 1962. 163 с.
87. Долгачев И. Г., Несина Г. Н. Словообразовательная структура составных топонимов // Ономастика Поволжья. Саранск, 1976. С. 259-262.
88. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М.: Наука, 1960. 621 с.
89. Дульзон А. П. Топонимика Западной Сибири как один из источников ее древней истории // Некоторые вопросы древней истории Западной Сибири. Томск, 1959. С. 24-28.
90. Дыкова В. Г. Сопоставительное исследование английских и русских апеллятивов и их переводческих корреляций: Дисс. ... канд. филол. наук: М., 2003. 151 с.
91. Европеус Д. П. Об угорском народе, обитавшем в северной части Скандинавии по прибытии туда нынешних ее жителей. СПб., 1874.
92. Ермоленко Ю. П. Номинативные модели формирования новых слов методом стяжения в современном английском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2007. 296 с.
93. Ермолович Д. И. Имена собственные: теория и практика межязыковой передачи. М.: Р. Валент, 2005. 416 с.
94. Жучкевич В. А. Общая топонимика. Изд. 3-е, Минск: Высшая школа, 1980. 250 с.
95. Завалишина Ю. Г. Зоонимы и фитонимы в русской и английской паремнологии в аспекте этнического менталитета: Дисс. ...канд. филол. наук: Курск, 1998. 220 с.
96. Зеленецкий А. Л. Сравнительная типология основных европейских языков: Учебное пособие. М.: Издат. центр «Академия», 2004. 252 с.
97. Зеленцов Л. С. Об изучении топонимики юго-западной части Свердловской обл. // Вопросы топониматики. Свердловск, 1970, вып. 4.
98. Зеленцов Л. С. Отражение этнического состава поселенцев в народных названиях населенных пунктов Артинского, Красноуфимского, Ачитского районов Свердловской обл. // Вопросы топониматики. Свердловск, 1971, вып. 5.

99. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М.: Наука, 1973. 302 с.
100. Земскова С. В. Лексико-семантический и словообразовательный анализ эргонимов г. Тольятти Самарской обл. Рос. Федерации: Дисс. ... канд. филол. наук : Самара, 1996. 198 с.
101. Зинин С. И. Введение в русскую антропонию. Ташкент: ТашГУ, 1972. 272 с.
102. Инова Е. В. Сопоставительный анализ моделей словосложения в стандартной и не стандартной лексике современного английского языка. Автореф. дисс.... канд. филол. наук: Л., 1983. 19 с.
103. Ирисханова О. К. Лингвокреативные основания теории номинализации: Дисс.... докт. филол. наук. М., 2004. 332 с.
104. Каверина О. Г. Адаптация английской ономастической лексики в русском языке первой половины XIX в.: Автореф. дисс.... канд. филол. наук. Днепропетровск, 1992. 15 с.
105. Камалов А. А. Об основных типах гидронимов Башкирии // Ономастика Поволжья. Ульяновск. 1969. С. 135-140.
106. Карпенко Ю. А. История этимологического метода в отечественной топонимике // Развитие методов топонимических исследований. Питання ономастики. Киев, 1965. С. 9-19.
107. Карпенко Ю. А. Топонимия Буковины. Київ: Наукова Думка, 1973. 237 с.
108. Касим Г. Ю. Псевдокомпозицы в топонимии // Вопросы ономастики. Вып. 12. Свердловск, 1977. С. 67-75.
109. Качельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.-Л.: Наука, 1965. С. 78-97.
110. Керт Г. М. Адаптация саамских топонимов Кольского полуострова русским языком // Ономастика Карелии. Петрозаводск, 1995.
111. Керт Г. М. Применение компьютерных технологий в исследовании топонимии (прибалтийско-финская, русская): (Монография) // Г.М. Керт; Кар. науч. центр Рос. Академии наук. Ин-т языка лит. и истории: Петрозаводск: Кар. науч. центр РАН, 2002. 186 с.
112. Киреев В. В. О некоторых географических названиях иноязычного происхождения на территории Горнозаводского р-на Пермской обл. // Вопросы топониматики. Свердловск, 1970, вып. 4.
113. Кияк Т. Р. Мотивированность лексических единиц. Львов, 1988.
114. Климова Л. А. Региональная ономастика. Микротопонимия Арзамасского района Горьковской области. Горький, 1985. 97 с.
115. Козлов Р. И. Эргоурбанонимы как новый разряд городской ономастики: Дисс. ... канд. филол. наук: Екатеринбург. 2000. 151 с.
116. Колшанский Г. В. Контекстная семантика. М.: Наука, 1980. 148 с.
117. Когнитивная лингвистика: новые проблемы познания: сб. науч. тр. / Ред. Л. А. Манерко. М.-Рязань, 2007. Вып. 5. 269 с.
118. Кондакова И. А. Образные средства, содержащие топонимы, в английском языке: Автореф. дисс.... канд. филол. наук: Киров, 2004. 20 с.

119. Кочедамов В. И. Первые русские города Сибири. М.: Стройиздат, 1978. 185 с.
120. Кривошекова-Гантман А. С. Адаптация русским языком коми-пермяцких гидронимов в Прикамье // Ученые записки Пермского пединститута. Пермь, 1966, вып. 34. С. 87-105.
121. Кривошекова-Гантман Л. С. Географическая терминология коми-пермяцкого языка // Вопросы лингвистического краеведения Прикамья. Пермь, 1974. С. 19-27.
122. Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. М.: Наука, 1986. С. 32-45.
123. Кубрякова Е.С., Панкрац Ю.Г. Морфонология в описании языков. М.: Наука, 1983. С. 101-115.
124. Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Известия АН. Серия лит-ры и языка. 2004. Т. 63, № 3. С. 3-12.
125. Кубрякова Е.С., Харитончик З.А. О словообразовательном значении и описании смысловой структуры производных суффиксального типа // Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука, 1976. С.202-233.
126. Кубрякова Е.С. Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формах его объективации в языке) // Известия А.Н. Серия литературы и языка. 1999. Т. 58, № 5-6. С. 5-12.
127. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. М.: Наука, 1981. С. 133-145.
128. Кузнецов А. В. Язык земли Вологодской: Очерки топонимики. Архангельск, 1991.
129. Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка. М.: Высшая школа, 1982. 150 с.
130. Лабунец Н. В. Русская географическая терминология в ситуации языкового контакта: Монография. Тюмень: Изд-во Тюм. гос ун-та, 2007. 180 с.
131. Лабунец Н. В. Лексика сибирской природы в лингвоэтнической реконструкции // Вестник. Тюмень: Изд-во Тюм. гос. Ун-та, 2005. № 2. С. 228-236.
132. Лабунец Н. В. Географическая лексика в ситуации языкового контакта // Лингвистическая компаративистика в культурном и историческом аспекте / V Междн. научн. конф. по сравнительно-историческому языкознанию. М.: Изд-во МГУ, 2006. С. 115-117.
133. Леонова Л. П. Диахронно-мотивационные флоронимы в английском языке // Языковая динамика. Томск: ТГУ, 1996.
134. Леонович О. А. Топонимы США. М.: Высшая школа, 2004. 247 с.
135. Ли Иньин. Русская и китайская ойконимия в сопоставительном освещении. Дисс. ... канд. филол. наук: Волгоград, 2002. 213 с.
136. Лиштованная Т. В. Гидронимы бассейнов озер Байкала и Лемана: опыт комплексного сопоставительного анализа: Дисс. ... канд. филол. наук : М., 2002. 234 с.

137. Лойфман Н.Я., Попов С. А. Топонимические названия Оренбургской обл. // Материалы и исследования по русскому языку. Оренбург, 1962.
138. Лопатин В. В. Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке // Грамматические исследования. М.: Наука, 1967. С. 47-62.
139. Майданова Л. М. Ареалы финноугорской этнонимии Урала // Вопросы топонимастики. -Свердловск, 1962, вып. 1.
140. Максимов В. И. Структура и членение слова. Л.: Наука, 1977. 234 с.
141. Матвеев А. К. Значение принципа семантической мотивированности для этимологизации субстратных топонимов // Этимология. М.: Наука, 1969. С. 192-200.
142. Матвеев А. К. Методы топонимических исследований. Свердловск, 1986. 100 с.
143. Матвеев А. К. Собственно-русская топонимия как источник сведений о древнем поселении севера европейской части России // Известия Уральского госуниверситета. Екатеринбург, 2004. № 33. С. 5-11.
144. Мельников Г. П. О типах дуализмов языкового знака // Науч. докл. ВШ. Филол. науки, 1971. № 5. С. 58.
145. Мельхеев М. Н. Происхождение географических названий Иркутской области. Иркутск: Кн. изд., 1964. 90 с.
146. Мельхеев М. Н. Топонимика Бурятии. История, система и происхождение географических названий. Улан-Удэ: Кн.изд., 1969. 186 с.
147. Мешков О. Д. Словообразование в современном английском языке. М.: Наука, 1985. С. 13-34.
148. Миллер Г. Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. 796 с.
149. Милославский И. Г. Вопросы словообразовательного анализа. М.: ИГУ, 1980. 294 с.
150. Михайлова Л. Н. Развитие грамматической структуры топонимов на территории Карелии // Проблемы русской ономастики. Вологда, 1985. С. 51-60.
151. Молчанова О. Т. Русские и адаптированные русские топонимы Горно-Алтайской автономной области // Восточнославянская ономастика. М.: Наука, 1979. С. 166-174.
152. Морозова М. Н. Имена собственные русского языка (географические названия). М.: МГУ, 1977. 94 с.
153. Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: (Проблемы этноязыкового контактирования): Дисс. ... докт. филол. наук: Петрозаводск, 2000. 317 с.
154. Мурзаев Э. М. География в названиях. М., 1982. С. 90.
155. Мурзаев Э. М. Очерки топонимии. М.: Мысль, 1974. 382 с.
156. Мурзаев Э. М. Топонимика и география / Рос. АН, Ин-т географии: М.: Наука, 1995. 302 с.
157. Невская Л. Г. Балтийская географическая терминология (К семантической типологии). М.: Наука, 1977. 218 с.

158. Немченко В. Н. Современный русский язык. Словообразование. М.: Высшая школа, 1984. 265 с.
159. Непокупный А. П. Теория и методика ономастических исследований. М.: Наука, 1986. 256 с.
160. Нерозняк В. П. Названия древнерусских городов. М.: Наука, 1983. 207 с.
161. Никонов В. А. Топонимия и сравнительно-историческая лексикология // Лексикографический сборник. М., 1963. С. 6-23.
162. Никонов В. А. Имя и общество. М.: Наука, 1974. 278 с.
163. Никонов В. А. Этнонимия // Этнонимы. М.: Наука, 1970. С. 37-59.
164. Отин Е. С. Гидронимия Юго-Восточной Украины. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук: Київ, 1974. 44 с.
165. Отин Е. С. Топонимическая метонимия (вид связи «Гидроним – топоним») // Перспективы развития славянской ономастики. М.: Наука, 1980. С. 106-121.
166. Откупщиков Ю. В. К истокам слова. М.: Просвещение, 1972. 252 с.
167. Откупщиков К. В. О топониме Тюмень // Этимологические исследования по русскому языку. М., 1968, вып. 6.
168. Панасенко Н. И. Когнитивно-ономастиологическое исследование лексики (опыт сопоставительного анализа названий лекарственных растений)/на материале 8 языков: Дисс. ... докт. филол. наук: М., 2000. 565 с.
169. Панфилов В. З. Языковые универсалии и типология предложения // ВЯ, 1974, № 5.
170. Парфенова Н. Н. Из истории русских фамилий Зауралья // Духовная культура Сибири (проблемы межнациональных связей, философии, филологии и истории). Тюмень: ТГУ, 1994. С. 164-169.
171. Парфенова Н. Н. Русские фамилии конца XVI-XVIII веков (по архивным источникам Зауралья). Сургут: РИО СурГПИ, 2001. 278 с.
172. Пелих Г. И. Происхождение селькупов. Томск: ТГУ, 1972. 377 с.
173. Подольская Н. В. Типовые восточнославянские топоосновы. Словообразовательный анализ. М.: Наука, 1983. 160 с.
174. Полякова Е. Н. Некоторые особенности микротопонимии пермских деловых документов XVII- начала XVIII вв. // Вопросы лингвистического краеведения Прикамья, Пермь, 1976, вып. 2.
175. Пономарева О. Б. Когнитивные и прагмостилистические аспекты семантической деривации (на материале англ. языка в сопоставлении с русским и немецким языками): Монография. Тюмень: ТюмГУ, 2005. 164 с.
176. Попов А. И. Географические названия. Введение в топонимику. М.-Л.: Наука, 1965. 191 с.
177. Попов А. И. Названия народов СССР. Введение в этнонимику. М.: Наука, 1973. 170 с.
178. Попов С. А. Ойконимия Воронежской области: семантика и словообразование. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: Воронеж, 1998. 20 с.
179. Поспелов Е. М. Топонимика и картография. М.: Мысль, 1971. 256 с.

180. Приображенский А. В. Русская топонимия карельского поморья и обо-
нежья в историческом аспекте. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук:
Петрозаводск, 2003. 20 с.
181. Просвирнина И. С. Особенности семантики русских составных топони-
мов // Известия УрГУ. Екатеринбург, 2006. № 20.
182. Просвирнина И. С. Составные наименования в русской топонимике:
Дисс. ... канд. филол. наук : Екатеринбург, 1999. 158 с.
183. Раевская О. В. Сложные слова совр. французского языка (именное сло-
жение): Дисс. ... канд. филол. наук: М., 1981. 170 с.
184. Реформатский А. А. Топономастика как лингвистический факт // Топо-
номастика и транскрипция. М.: Наука, 1964. С. 9-34.
185. Рождественский Ю. В. Типология слова. М.: Наука, 1969. 286 с.
186. Романова М. Б. Эволюция некоторых ФЕ с компонентом зооним в свете
теории номинации (в языке новоанглийского периода): Автореф. дисс.
... канд. филол. наук: М., 1987. 20 с.
187. Ромбандеева Е. И. Некоторые этимологии мансийских географических
названий // Вопросы финно-угорского языкознания. М., 1966, вып. 3.
С. 45-52.
188. Роспонд С. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Вос-
точнославянская ономастика. М.: Наука, 1972. С. 9-89.
189. Рут М. Э. Образная номинация в русском языке. Екатеринбург, 1992.
С. 48-63.
190. Рубцова З. В. Варьирование и норма в белорусской и русской топони-
мии: Дисс. ... канд. филол. наук : Москва, 1993. 186 с.
191. Сагидуллин М. А. Тюркские этнонимы в русской топонимии Юга Тю-
менской области: Дисс. ... канд. филол. наук : Тюмень, 2002. 242 с.
192. Сапронова Т. Ф. Топонимия Москвы по названиям церквей и монасты-
рей: Дисс. ... канд. филол. наук : М., 1998. 201 с.
193. Секирин П. В. Англоязычная топонимика Канады как предмет социо-
лингвистического исследования: Автореф. дисс.... канд. филол. наук.
Киев, 1988. 24 с.
194. Семушкин В. А. Гидронимия Среднего Дона: номинационный и слово-
образовательный аспекты: Дисс. ... канд. филол. наук: Воронеж, 2000.
140 с.
195. Серебренников Б. А. Номинация и проблема выбора // Языковая номи-
нация: общие вопросы. М., 1977. С. 87-110.
196. Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М., 1956. С. 58.
197. Смирнов О. В. Русская топонимия северной части горнозаводского Ура-
ла: Дисс. ... канд. филол. наук: Екатеринбург, 1997. 199 с.
198. Смирнова О. С. Термины полеводства и их отражение в топонимии Рус-
ского Севера: Дисс. ... канд. филол. наук.: Екатеринбург, 2001. 152 с.
199. Смолицкая Г. П. Гидронимия бассейна Оки. М.: Наука, 1976. 402 с.
200. Способы номинации в современном русском языке (Д. Н. Шмелев, А. Ф.
Журавлев, О. П. Ермакова и др.; Отв. ред. Д. Н. Шмелев): М.: Наука,
1982. 296 с.

201. Сталтмане В. Э. Ономастическая номинация // Теория и методика ономастических исследований. М.: Наука, 1986. С. 15-25.
202. Степанова М. Д. Методы синхронного анализа. М.: Высшая школа, 1968. 200 с.
203. Стычицина Л. П. Проблемы взаимодействий языков в топонимии пограничных районов // Вопросы ономастики. Вып. 3. Самарканд, 1976. С. 125-131.
204. Суперанская А. В. Апеллятив-онома // Имя нарицательное и собственное. М.: Наука, 1978. С. 266-276.
205. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. С. 159-276.
206. Суперанская А. В. Связь топонимов с называемыми объектами // История топонимики в СССР. Тез. докладов. М.: АН СССР, 1967. С. 38-41.
207. Суперанская А. В. Структура имени собственного (Фонология и морфология). М.: Наука, 1969. 209 с.
208. Суперанская А. В. Теоретические основы практической транскрипции. М.: Наука, 1970. 281 с.
209. Суперанская А. В. Эволюция теории имени собственного // Русская речь, 2002, № 4.
210. Суперанская А. В. Что такое топонимика. М.: Наука, 1976. 175 с.
211. Табанакова В. Д. Идеографическое описание общенаучного термина: Монография. Тюмень: Издательство ТюмГУ, 1996. 203 с.
212. Тагунова В. И. Наименования жителей некоторых селений Владимирской и Горьковской областей // Ономастика Поволжья. Ульяновск, 1993. Вып. 1. С. 244.
213. Тарасевич М. П. Американская фразеологическая топонимика: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: М., 1985. 22 с.
214. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 286 с.
215. Телия В. Н. Метафоризация как основной прием создания лексических и фразеологических средств языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Языковая картина мира: монография. М.: Наука, 1977. С. 117-135.
216. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 142 с.
217. Толбина Т. В. Микротопонимия Воронежской области: Особенности номинации: Дисс. ... канд. филол. наук: Воронеж, 2003. 200 с.
218. Толстой Н. И. Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды. М.: Наука, 1969. 262 с.
219. Томашевская Л. А. Структура значения антропонимов в совр. англ. языке (лексематический и лексико-семантический анализ). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: М., 1985. 25 с.
220. Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Приднепровья. М.: Наука, 1962. 270 с.

221. Трофимова О. В. Лингвистический анализ публицистического текста: Учеб. пособие. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2006. 244 с.
222. Трубаев О. Н. Названия рек Правобережной Украины. Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация. М.: Наука, 1968. 286 с.
223. Трубаев О. Н. Этимологические исследования и лексическая семантика // Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука, 1976. С. 147-155.
224. Туманова В. В. Структурные и синтагматические особенности производящих основ в топонимах: (На материале памятников рус. деловой письменности XIV-XVII вв.): Дисс. канд. филол. наук: Днепропетровск, 1989, 204 с.
225. Уфимцева А. А. Слово в лексической системе языка. М.: Наука, 1968. 266 с.
226. Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. М.: Наука, 1962. 288 с.
227. Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л.: Наука, 1972. 639 с.
228. Фонякова О. И. Имя собственное в художественном тексте // Учеб. пособие. Л.: ЛГУ, 1990. 103 с.
229. Фролов Н. К. Избранные работы по языкознанию: В 2 т. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2005. С. 137-154.
230. Фролов Н. К. К проблеме систематизации топонимизированных апеллятивов в русской топонимии Тюменского Зауралья // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1986. С. 128-132.
231. Фролов Н. К. Лексико-семантические типы топонимизированных географических апеллятивов в русских диалектах Тюменского Приобья // Аспекты вузовской русистики. Тюмень: ТГУ, 1998. С. 7-24.
232. Фролов Н. К. Русские топонимические заимствования из самодийско-угорских языков / Отв. ред. Л. С. Филиппова. Новосибирск: Изд-во Новосибир. ун-та, 1991. 94 с.
233. Фролов Н. К. Семантика и морфемика русской топонимии Тюменского Приобья. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1996. 160 с.
234. Фролов Н. К. Структура топонимии Тюменского Зауралья. Тюмень: ТюмГУ, 1984. 60 с.
235. Фролов Н. К. Топонимическая таксономия в зеркале лексической подсистемы языка // Вестник филологического факультета. Вып. 1. Тюмень: ТГУ, 2000. С. 109-115.
236. Фролова В. П. Типология русских катойконимов на фоне германских языков: Дисс. ... канд. филол. наук: Воронеж, 1999. 194 с.
237. Хисаметдинова Р. Ф. Топонимы и их дериваты в языковой системе: (На материале нем. и русск. языков): Дисс.... канд. филол. наук: Уфа, 2000. 126 с.
238. Хомич Л. В. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л.: Наука, 1976. 189 с.

239. Хромов А. Л. Очерки по топонимии и микропонимии Таджикистана, вып. I. Душанбе: Ирфон, 1977. 86 с.
240. Хрусталева И. Н. Названия озер и болот Рязанской области: Дисс. ... канд. филол. наук: М., 1997. 233 с.
241. Цветкова Е. В. Топонимия Костромской области: (Междуречье Покши и Мезы): Дисс. ... канд. филол. наук: Кострома, 2000. 303 с.
242. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2001. 238 с.
243. Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию. М.: Просвещение, 1968. С. 123-137.
244. Швейцер А. Д. Литературный английский язык в США и Англии. М.: Наука, 1971. 200 с.
245. Швейцер А. Д. Очерк современного английского языка в США. М.: Просвещение, 1963.
246. Широков А. Г. Русская урбанонимия в диахроническом освещении: апеллятивно-онимические комплексы: Дисс. ... канд. филол. наук: Волгоград, 2002. 185 с.
247. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973. 280 с.
248. Штейниц В. Из топонимики Северного Пооя. Географические названия // Вопросы географии. М., 1962, № 58.
249. Штернеманн Р. и др. Введение в контрастивную лингвистику // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1989. Вып. XXV. С. 156-169.
250. Шульга В. П. Древнерусская гидронимия бассейна реки Стыры: Дисс. ... канд. филол. наук: Киев, 1990. 267 с.
251. Энkvист И. Э. параметры контекста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. IX. Лингвистика. М.: Прогресс, 1980. С. 254-270.
252. Юрьева И. Ю. Лексико-семантический анализ топонимии Верхней Волги: Дисс. ... канд. филол. наук: М., 1991. 244 с.
253. Языковая номинация (Виды наименований). Отв. ред. Б. А. Серебренников, А.А. Уфимцева. М.: Наука, 1977. 356 с.
254. Яценецкая М. Н. Семантические вопросы теории словообразования. Томск: Томск. гос. ун-т, 1979. 239 с.
255. Ярцева В. Н. Контрастивная грамматика. М.: Наука, 1981. 168 с.
256. Ярцева В. Н. Иерархия грамматических категорий и типологическая характеристика языков // Типология грамматических категорий: Мещанин. чтения. М., 1975. С. 5-23.
257. Adams V. An introduction to modern English word-formation: London: Longman, 1973. 230 p.
258. Anderson J.M.A. Notional Theory of Syntactic Categories. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 352 p.
259. Anderson M. Prenominal Genitive NPs // The Linguistic Review 1, 1984. Pp. 1-24.

260. Ashley L.R.N. What's in a Name? Genealogical Publishing Co., Inc. Baltimore, 1991.
261. Borer H. The Causative-Inchoative Alternation: A Case Study in Parallel Morphology // *The Linguistic Review* 8, 1991. Pp. 119- 158.
262. Breckle H.E. Reflections on the Conditions for Coining. Use and Understanding of Nominal Compounds // *Proceedings of the 12th International Congress of Linguistics*. Innsbruck, 1978.
263. Brugman C. Mental Spaces. Constructional Meaning and Pragmatic Ambiguity // *Spaces, Worlds and Grammar* / Ed. G. Fauconnier, E. Sweetser. Chicago and London: University of Chicago Press, 1996. Pp. 29-56.
264. Campbell A., Two Notes on the Norse Kingdom in Northumbria, *EHR*, LVII, 1942. Pp. 85-97.
265. Cannon G. Historical Changes and English Word-formation. NY, 1986.
266. Chave W. L. Meaning and Structure of Language. Chicago: University of Chicago Press, 1970. 360 p.
267. Chomsky N. New Horizons in the Study of Language and Mind. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 230 p.
268. Colen A. A Syntactic and Semantic Study of English Predicative Nominals. Brussels: AWLSK, 1984. 224 p.
269. Comrie B. The Syntax of Action Nominals: A Cross-linguistic Study // *Lingua* 40, 1976. Pp. 177-201.
270. Comrie B., Thompson S. A. Lexical Nominalization // *Language Typology and Syntactic Description* / Ed. T. Shopen. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. Pp. 349-398.
271. Davies R.R. Domination and Conquest: The Experience of Ireland. Scotland and Wales 1100-1300. Cambridge, 1990.
272. Douglas D.C., The Rise of Normandy. // *Proceedings of the British Academy*, XXXIII, 1947. Pp. 101-130.
273. Ekwall E., How long did the Scandinavian Language survive in England, *A Grammatical Miscellany offered to Otto Jespersen on his Seventieth Birthday* / Ed. Begholm N., Brusendorff A., Bodelsen C. 1930. Pp. 17-30.
274. Ekwall E., Scandinavians and Celts in the North-West of England. Lund, 1918.
275. Fauconnier G. Mappings in Thought and Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 250 p.
276. Fauconnier G. Mental Space. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 190 p.
277. Fauconnier G., Sweetser E. Cognitive Links and Domains: basic Aspects of Mental Space Theory // *Space, Worlds and Grammar* / Ed. G. Fauconnier, E. Sweetser. Chicago and London: University of Chicago Press, 1996. Pp. 1-28.
278. Fauconnier G., Turner M. Blending as a Central Processing Grammar // *Conceptual Structure, Discourse and Language* / Ed. A. Goldberg. Stanford, Ca: CSL I Publications, 1996. Pp. 113-130.

279. Fauconnier G., Turner M. *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. NY: Basic Books, 2002. 440 p.
280. Fillmore C. J. *Topics on Lexical Semantics // Current Issues in Linguistic Theory / Ed. R. W. Cole*. Bloomington: Indiana University Press, 1977. Pp. 76-138.
281. Giorgi A., Longobardi G. *The Syntax of Noun Phrases: Configurations, Parameters and Empty Categories*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 285 p.
282. Giorgi A., Longobardi G. *Typology and Noun Phrases // Rivista di Linguistica* 1, 1988. P. 115-159.
283. Gold J. R. *An Introduction to behaviour geography*. Oxford University Press, 1980.
284. Gordon Jr., Raymond G. *The Ethnologue*. Fifteenth Edition. SCI. 2005. Available in full at <http://www.Ethnologue.com/showlanguage.Asp.code=SCO>.
285. Halliday M.A.K. *Language and the Order of Nature // The Linguistics of Writing*. Manchester: Manchester University Press, 1987.
286. Harrison R. G. *Hybrids and Hybrid Zones: Historical Perspective // Hybrid Zones and the Evolutionary Process / Ed. R. G. Harrison*. Oxford: Oxford University Press, 1993. Pp. 3-12.
287. Helbig G. *Zur Rolle des Kontrastiven Sprachvergleichs für den Fremdsprachenunterricht // Deutsch als Fremdsprache*. 1976, Heft 1.
288. Hencken H., Lagore C. *An Irish Royal Residence of the 7th and 10th Centuries A.D. // Proceedings of the Royal Irish Academy*, LIII, C. Pp. 1-247.
289. Hill J.W.F. *Medieval Lincoln*. Cambridge, 1948. Pp. 35-36.
290. Hoskins W. S. *The Anglian and Scandinavian Settlement of Leicestershire*. *Transactions of the Leicestershire Archaeological Society*, XVIII, 1934-35. P. 133.
291. Jackendoff R. *Foundations of Language: Brain, Meaning, Grammar, Evolution*. Oxford: Oxford University Press, 2002. 477 p.
292. Jackendoff R. *Morphological and Semantic Regularities in the Lexicon // Language* 51, 1975. Pp. 639-671.
293. Jackendoff R. *Semantic Structures*. Cambridge, Mass: MIT Press, 1990. 322 p.
294. Jakobson R. *Part and Whole in the Language*. New York; London, 1963.
295. Kingsmore R.K. *Ulster Scots Speech: A sociolinguistic Study*. University of Alabama Press. 1995.
296. Lakoff G. *On Generative Grammar // Semantics: An Interdisciplinary Reader in Philosophy, Linguistics and Psychology / Ed. D. Steiberg, L. Jakobovits*. NY: Cambridge University Press, 1971. Pp. 232-296.
297. Lakoff G. *The contemporary theory of metaphor / Ed. Ortony A.*, 1993. Pp. 202-251.
298. Liebermann F., *Die Gesetze der Angelsachsen*, I, 1903. P. 216.
299. MacAfee C. *Characteristics of Non-Standard Grammar in Scotland*. University of Aberdeen. 1992. Available at <http://www.Abdn.ac.uk/en1038/grammar.htm>

300. McCawley J. D. Conversational Implicature and the Lexicon // *Syntax and Semantics* / Ed. P. Cole. NY: Academic Press, 1978. Pp. 245-259.
301. McClure J. D. *Why Scots Matters*. Edinburgh, Saltire Society, 1997.
302. McCrum R., Cran W., Mac Neil R. *The Story of English*. Lnd. Boston, 1986. Pp. 117-139.
303. Mencken H. L. *The American Language* // *An Inquiry into the Development of English in the United States*. 4th ed. NY, 1957. P. 19.
304. Myers-Scotton C. *Contact Linguistics: Bilingual Encounters and Grammatical Outcomes*. Oxford: Oxford University Press, 2002. <http://linguistlist.org/issues/13/13-3317.html>
305. Nichols J. Nominalization and Assertion in Scientific Russian Prose // *Clause Combining in Grammar and Discourse* / Ed. J. Haiman and S. A. Thompson. Amsterdam: John Benjamins Publishing Co, 1988. Pp. 399-428.
306. Nikiiforidou K. Nominalizations, Metonymy and Lexicographic Practice // *Issues in Cognitive Linguistics* / Ed. Stadler L., Eyrich C. Berlin: Mouton de Gruyter, 1999, Pp. 141-164.
307. Niven L., Jackson R. *The Scots Language: its place in education*. Watergaw Publications, 1998.
308. Parisi D., Constelfranchi C. *A Goal Analysis of Some Pragmatic Aspects of Language* // *Possibilities and Limitations of Pragmatics*. Amsterdam, 1981.
309. Penhallurick R. *Debating Dialect: Essays on the Philosophy of Dialect Study*. Cardiff, 2000.
310. Robertson A. J., *Anglo-Saxon Charters*, 1939, no. XL. P. 64.
311. Robertson A. J., *The Laws of the Kings of England from Edmund to Henry I*, 1925. P. 102.
312. *Saga-Book of the Viking Society*, XII, 1937-45. Pp. 22-23.
313. Sawyer P.H. *The Oxford illustrated History of Vikings*. Oxford: Oxford University Press, 1997.
314. Searle J. Collective Intention and Action // *Intentions in Communication* / Ed. P. Cohen, J. Morgan, M. Pollack. MA: MIT Press, 1990. Pp. 401-416.
315. Searle J. *Consciousness and Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 269 p.
316. Searle J. *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 1969. 230 p.
317. Smith M., Ward T., Finke R. *The Creative Cognition Approach*. Cambridge: The MIT Press, 1997. 351 p.
318. Soudek L. *Structure of Substandard Words in British and American English*. Bratislava, 1967.
319. Stenton F. M., *Documents Illustrative of the Social and Economic History of the Danelaw*. British Academy, 1920. Pp. CIV-XV.
320. Stenton F.M., *The Scandinavian Colonies in England and Normandy* // *Transactions of the Royal Historical Society*. XXVII, 1945. Pp. 1-12.
321. Taylor J. R. *Cognitive Grammar*. Oxford, NY: Oxford University Press, 2002. 621 p.

322. Taylor J. R. Introduction: On Construing the World // *Language and the Cognitive Construal of the World*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1995. Pp. 1-21.
323. Taylor J. R. Possessives in English. An Exploration in Cognitive Grammar. Oxford, NY: Oxford University Press, 2000. 368 p.
324. Turner M. Cognitive Dimensions of Social Science. Oxford: Oxford University Press, 2001. 183 p.
325. Turner M. The Literary Mind: The Origins of Thought and Language. NY: Oxford University Press, 1998. 187 p.
326. Wainwright F. T. The Anglo-Saxons, by Clemoes P. London, 1959. Pp. 53-69.
327. Walinska de H. Two types of Derived Nominals // *Papers on the Parasession on Lexical Semantics* / Ed. D. V. Mishra, J. Drogo. Chicago: Chicago Linguistic Society, 1984. Pp. 308-332.
328. Whitelock D., *Changing Currents in Anglo-Saxon Studies*. Cambridge, 1958. P. 6.
329. Whitelock D., *The Dealings of the Kings of England with Northumbria in the Tenth and Eleventh Centuries*. The Anglo-Saxons, by Clemoes P. London, 1959. Pp. 70-88.
330. Wilkinson D. G. In Situ Hybridization. Oxford: Oxford University Press, 1995. 163 p.
331. Williams E. Argument Structure and Morphology // *The Linguistic Review* 1, 1981. Pp. 81-114.
332. Yound C.P.L. Scots Grammar. Scotsgate. 2004. Available in full at <http://www.Scotsgate.com/scotsgate01.pdf>.

Словари, справочники

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966.
2. Барсов И. Материалы для историко-географического словаря России, I. Географический словарь русской земли (IX – XIV ст.). Вильно, 1865.
3. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998.
4. Географический лексикон Российского государства, составленный Ф. Полуниным и дополненный Г. Ф. Миллером. М., 1773.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I-IV. М.: ШИНС, 1956.
6. Доброхотов Ф. П. Урал Северный, Средний и Южный. Справочная книга. Петроград, 1917.
7. Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепского языка. Л.: Наука, 1972.
8. Левашов Е. А. Мировая топонимика. Прилагательные от географических названий. Словарь-справочник. СПб, 2003.
9. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984.

10. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии // Отв. ред. А. В. Суперанская; АН СССР, Ин-т языкознания. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988.
11. Поспелов Е. М. Географические названия России: Топонимический словарь. М.: Издательский дом «Книжная находка», 2002.
12. Поспелов Е. М. Историко-топонимический словарь России: Досоветский период. М.: Профиздат, 2000.
13. Розен М. Ф. Словарь географических терминов Западной Сибири. Л., 1970.
14. Розова Л. И. Словарь географических терминов и других слов, встречающихся в мансийских, хантыйских и селькупских топонимах. М., 1973.
15. Рыбакин А. И. Словарь английских фамилий. М.: ООО Издательство Астрель: ООО Издательство АСТ, 2000.
16. Словарь географических названий зарубежных стран / Под ред. М. Б. Волостновой. М.-Л., 1965.
17. Словарь иностранных слов / Под ред. И. В. Лехина и др. М.: Советская энциклопедия, 1964.
18. Учебный словарь лингвистических терминов и понятий: Учебное пособие / Под ред. Н. К. Фролова. Нижневартонск: Изд-во Нижневартонского пед. ин-та, 2002.
19. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1-4. М.: Прогресс, 1986-1987.
20. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Ред. В. Н. Ярцева. Науч. изд-во «Большая Российская энциклопедия». М., 1998.
21. Anderson O. S. The English Hundred-Names. Lunds Universitets Arsskrift, 1934.
22. Atlas of Popular Culture in the Northeastern United States. / Ed. Harmon J. E. <http://www.geography.ccsu.edu/harmonj/atlas>.
23. Barnhart C. L. Steinmetz S., Barnhart R.K. A Dictionary of New English. Lnd, 1973.; The Second Barnhart Dictionary of New English. NY, 1980.
24. Bartholomew's Gazette of the British Isle. Place Names. London, 1900.
25. Bjorkman E. Scandinavian Loan words in Middle English, I Halle, 1900.
26. Brook J. English Dialects. London, 1963.
27. Cameron K. The Scandinavians in Derbyshire: The Place-Name Evidence. Nottingham, 1958.
28. Carlson H.S. Nevada Place Names: A Geographical Dictionary. Reno, Nev., 1974.
29. Chadbourne A. H. Maine Place Names and the Peopling of Its Towns. Portland, (Ma), 1955.
30. Collins Cobuild English Language Dictionary / Ed.J. Sinclair. Glasgow: Collins Stuttgart: Klett, 1987.
31. Collins English Thesaurus. The Ultimate Wordfinder. Harper Collins Publishers, 1995.

32. Cook P. Iowa Place Names of Foreign Origin // *The Modern Language Journal*, 1945. Vol.29.
33. Dictionary of British Place Names. Great Britain Clays Ltd, 1988.
34. Eagle A. Wir Ain Leid. Scots-Online. 2005. Available in full at <http://www.scots-online.org/airticles/wirainLeid.pdf>.
35. Ekwall E. The Concise Oxford Dictionary of English Place Names. 4th ed. Oxford, 1960.
36. Ekwall E., The Scandinavian Element. Introduction to the Survey of English Place-names, EPNS 1, 1929.
37. Field J. Place Names of Great Britain and Ireland. Newton Abbot, 1970.
38. <http://www.wikipedia.com>.
39. en.wikipedia.org/wiki/List_of_generic_forms_in_British_place_names
40. Jones C. A Language Suppressed: The pronunciation of the Scots language in the 18-th century. Edinburgh, 1995.
41. Jones C. The Edinburgh History of the Scots Language. Edinburgh: University of Edinburgh Press. 1997.
42. Leighly J. Biblical Place Names in the United States // *Names*, 1978. Vol. 26.
43. Longman Dictionary of the English Language and Culture. Edinburgh, 1998.
44. Longobardi G. Reference and Proper Names: A Theory of N-Movement in Syntax and Logical Form // *Linguistic Inquiry* 12, 1994.
45. Matthews C. M. Place Names of the English Speaking World. NY, 1972.
46. Merriam-Webster's Third New International Dictionary. 3-d ed., 1961.
47. Merriam-Webster's. Online Dictionary, 10-th edition [Электронный ресурс]. URL: <http://www.m-w.com/>.
48. Miller M. R. Place Names of the Northern Neck of Virginia: A Proposal for a Theory of Place-Naming // *Names*, 1976. Vol.24.
49. Mills A. D. Oxford Dictionary of British Place Names. Oxford: Oxford University Press, 2003.
50. Nicolaisen W. F. H., Norse Place-Names in South-West Scotland // *Scottish Studies*, IV, 1960.
51. Olof von Feilitzen, The Pre-Conquest Personal Names of Domesday Book // *Nomina Germanica*, 2, 1937.
52. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / Ed. A.S. Hornby, A. P. Cowie. Oxford University Press, 1980.
53. Oxford Advanced Learner's Dictionary. / Ed. Sally Wehmeier. Oxford University Press, 2000.
54. Phillips J. W. Alaska-Yukon Place Names. Seattle, 1973.
55. Place names of the world: Europe Hist. context, meanings and changes / Ed. J. Everett-Heath. Basingstoke: Macmillan Press, New York: St. Martin's press, 2000. XXII.
56. Rajec E. M. The Study of Names in Literature: A Bibliography. NY, 1978.
57. Ramsey R. L. An Introduction to a Survey of Missouri Place Names // *The University of Missouri Studies*. Columbia, Jan. 1934.
58. Reaney P. H. The Origin of English Place Names. London, 1961.

59. Robertson T. A., Graham J.J. Grammar and Use of the Shetland Dialect. Lerwick: The Shetland Times Ltd, 1991.
60. Room A. A Concise Dictionary of Modern Place-Names in Great Britain and Ireland. Oxford: Oxford University Press, 1983.
61. Rosen M. D. Community Names from Personal Names in Kansas // Names, 1973. Vol.21. №1.
62. Ross D., Smith G.D. Scots-English, English-Scots Practical Dictionary. NY: Hippocrene Books, 1999.
63. Scottish National Dictionary Association. Concise Scots Dictionary, Edinburgh, Polygon, 1999.
64. Sealock R. B., Seeley P.A. Bibliography of Place Names Literature: United States, Canada, Alaska and Newfoundland. Chicago. American Library Assoc., 1948.
65. Skeat W. An etymological dictionary of the English Language. Oxford: Oxford University Press, 1956.
66. Skeat W. The Place-Names of Suffolk. Cambridge: Cambridge University Press, 1913.
67. Smith A. H. English Place-Name Elements. Cambridge: Cambridge University Press, 1956.
68. Smith A. H., The Place-names of the East Riding of Yorkshire and York // EPNS 14. Cambridge, 1937.
69. Stedman's Medical Dictionary by W. Wilkins. Philadelphia, USA, 1995.
70. Stewart J. Shetland Place-Names. Lerwick, 1987.
71. Taber's Cyclopedic Medical Dictionary. F. A. Davis Company. Philadelphia, 2005.
72. Taylor S. Guide to Scots origins of Place Names in Britain. London, 2004.
73. The Advanced Learner's Dictionary of Current English. / Ed. A. S. Hornby, E.V. Gatenby, H. Wakefield. London, 1963.
74. The Celtic Place-names of Scotland / Ed. W. J. Watson, Berlin, 2004.
75. The Edinburgh Companion to Scots / Ed. Corbett J., McClure D., Stuart-Smith J. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2003.
76. The Oxford Companion to the English Language. Oxford University Press, 1992.
77. The Oxford Dictionary of Place-Names / Ed. A.D. Mills and Adrian Room. Oxford University Press, 1991.
78. The Oxford English Dictionary on the Historical Principles / Ed. J. A. Murray, W.A. Kraigie, C.T. Onions. Oxford: Oxford University Press, 1933.
79. The Oxford Russian Dictionary / Ed. P. Falla. Revised and updated C. Howlett. Oxford-Moscow, 1999.
80. The Penguin Atlas of British and Irish History / Ed. B. Cunliffe, R. Barlett, J. Morrill, A. Briggs, J. Bourke. Penguin Books, 2001.
81. The Universal Dictionary of the English Language. / Ed. C. Wyld. London, 1936.
82. Trudgill P. The Dialects of England. Oxford: Oxford University Press, 1990.

83. Upton C. Widdowson J.D.A. An Atlas of English Dialects. Oxford: Oxford University Press, 1996.
84. Webster G. The Roman Invasion of Britain. London, 1980.
85. Webster's New College Dictionary. Boston, New York, 1995.
86. Weekly E. An Etymological dictionary of the Modern English. London, 1921.
87. Williams G. Religion, Language and Nationality Wales. Cardiff, 1979.
88. Zinkin V. Names of Estates in the Province of West Jersey // Names. 1976, Vol. 25.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Сокращения в названии языков и диалектов

англ.	– английский	исл.	– исландский
амер.	– американский	кельт.	– кельтский
брет.	– бретонский	коми-зырян.	– коми-зырянский
брит.	– британский	манс.	– мансийский
валл.	– валлийский	ненецк.	– ненецкий
вост.-слав.	– восточнославянский	нем.	– немецкий
гаэл.	– гаэльский	нидерл.	– нидерландский
герм.	– германский праязык	н.-нем.	– нижненемецкий
гот.	– готский	норв.	– норвежский
др.-англ.	– древнеанглийский	рус.	– русский
др.-рус.	– древнерусский	саам.	– саамский
дат.	– датский	селькуп.	– селькупский
др.-в.-нем.	– древневерхненемецкий	сканд.	– скандинавский
др.-ирл.	– древнеирландский	ср.-англ.	– среднеанглийский
др.-рус.	– древнерусский	ср.-нидерл.	– средненидерландский
др.-сакс.	– древнесаксонский	ср.-н.-нем.	– средненижненемецкий
др.-франц.	– древнефранцузский	ст.-слав.	– старославянский
и.-е.	– индоевропейский праязык	фин.	– финский
ирл.	– ирландский	хант.	– хантыйский

Сокращения в названии типов объектов

б. – болото	прот. – протока
выс. – выселок	р. – река
г. – город	руч. – ручей
д. – деревня	рч. – речка
оз. – озеро	с. – село
о. – остров	уроч. – урочище
пос. – поселок	юр. – юрты

Сокращения в названии иностранных языков, диалектов и др.

Anglo-Scand.	Anglo-Scandinavian
DB	Domesday Book
EPNS	English Place-Name Society
ME	Middle English (the English language c. 1100- c. 1500)
MIrish	Middle Irish
OCornish	Old Cornish
OE	Old English (the English language c. 450-1100)
OFrench	Old French
OGaelic	Old Gaelic
OGerman	Old German
OIrish	Old Irish
OScand	Old Scandinavian
ON	Old Norse
OWelsh	Old Welsh
P	Pictish
Scand.	Scandinavian
SG	Scots Gaelic
St	Saint

Сокращения в названии наиболее часто используемых словарей

- DSPN** – Dorward D. Scotland's Place-Names. Edinburgh: Mercat Press, 2001.
- MBPN** – Mills D. British Place-Names. Oxford: Oxford University Press, 2003.
- ODPN** – Oxford Dictionary of Place Names / Ed. A.D. Mills and A. Room. Oxford University Press, 1991.
- МГТ** – Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984.
- ДТС** – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка, тт. I-IV. М.: ШИНС. 1956.
- ФЭС** – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, тт. I-IV. М.: Прогресс, 1986-87.
- РГТ** – Розен М. Ф. Словарь географических терминов Западной Сибири. Л., 1970.
- СРЯ** – Словарь русского языка в четырех томах / Гл. ред. А. П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1985.

Тамара Владимировна ХВЕСЬКО

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
СЛАВЯНСКОГО И ГЕРМАНСКОГО
ОНОМАСТИКОНОВ**

Подписано в печать 03.07.2008.

Формат 60х84/16. Печ. л. 12,3. Печать ризограф.

Тираж 500. Зак. № 1951.

Типография «Печатник»

Тюмень, ул. Республики, 148 корп. 1/2.

Тел. (3452) 20-51-13, тел./факс (3452) 32-13-86

